ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Книга 3-я.

Печатано по распоряженію Министра Императорскаго Двора.

ЕЖЕГОДНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Сезонъ 1893—1894 гг.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Книга 3-я.

РЕДАКТОРЪ
А. Е. Молчановъ.

ИЗДАНІЕ
Дирекціи Императорскихъ театровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, Моховая, 40.
1895.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1268/3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. (По поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). Статья **В. Ѳ. Боцяновскаго** 1

Портретъ А. С. Грибоѣдова и ноты двухъ вальсовъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Перечень представленій комедіи А. С. Грибоѣдова — «Горе отъ ума» на сценахъ Императорскихъ театровъ (со дня первой постановки по 4-е января 1895 года) 45

Факсимиле афишъ первыхъ представленій комедіи «Горе отъ ума» въ С.-Петербургѣ: 1) перваго представленія 1-го дѣйствія, 2) перваго представленія 3-го дѣйствія, 3) перваго представленія 4-го дѣйствія и 4) перваго представленія всей комедіи.

Исполнители комедіи А. С. Грибоѣдова — «Горе отъ ума» на сценахъ Императорскихъ театровъ (со дня первой постановки по 4-е января 1895 года) 59

Милліонъ терзаній. Прологъ-пьеса въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. **Петра Ис. Вейнберга** 69

Новые матеріалы для біографіи М. И. Глинки. Сообщ. **В. В. Стасова** . 92

Литературные спектакли. Изъ воспоминаній **Петра Ис. Вейнберга** . . . 96

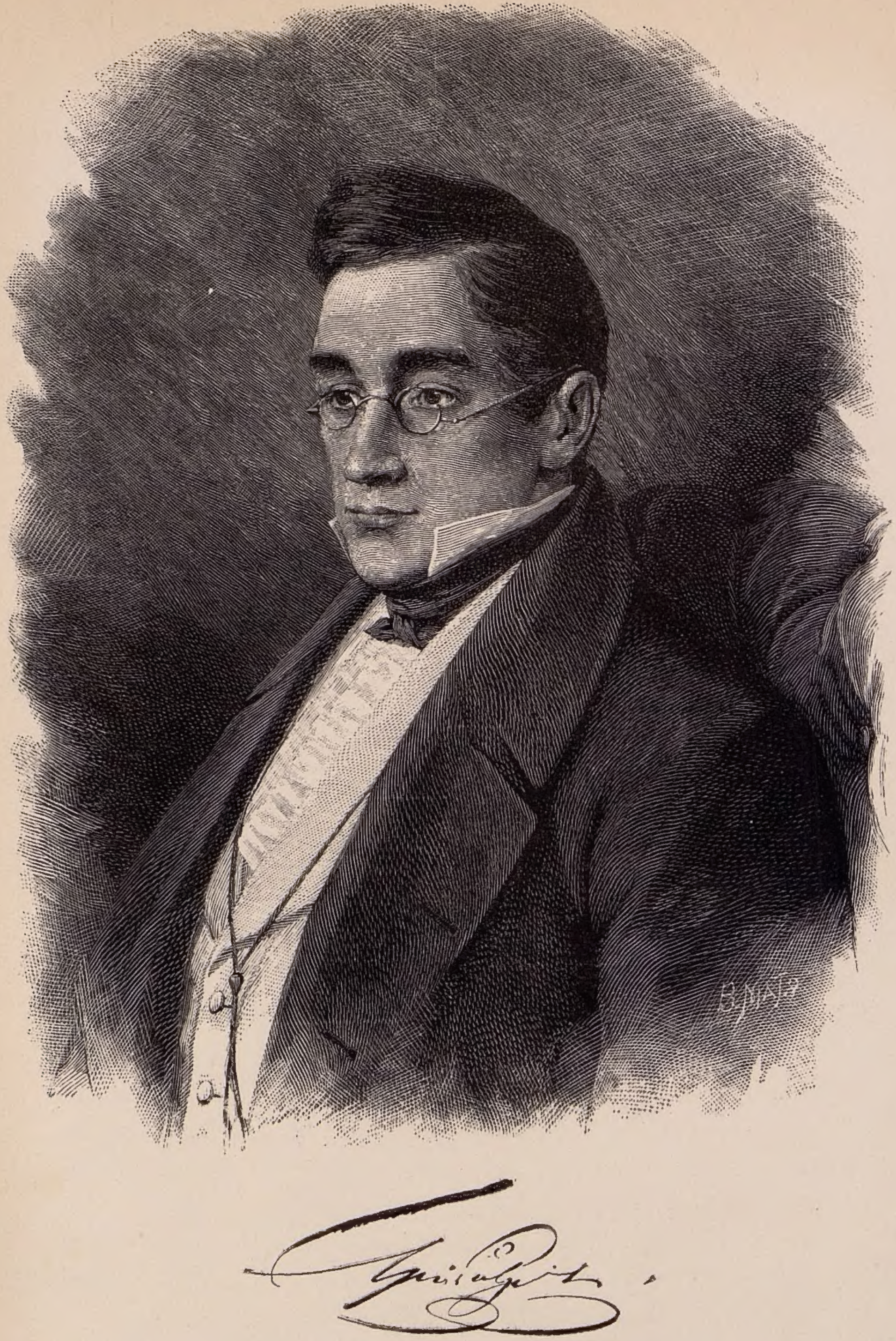
Факсимиле каррикатуры по поводу представленія «Ревизора», исполненнаго литераторами (14-го апрѣля 1860 г.).

Новые матеріалы для біографіи А. Н. Сѣрова. Письма его къ А. А. Бакунину (1850—1853 гг.). Сообщ. **Н. Ѳ. Финдейзена** 110

Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ. (Историко-литературный очеркъ). Статья **Н. М. Тупикова** 130

Замѣтка о примѣненіи фотографіи при Императорскихъ Московскихъ театрахъ 161

Объявленія.



Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

Родился 4-го января 1795 года. † 30-го января 1829 года.

Гравюра В. В. Матэ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(По поводу 100-лѣтія со дня его рожденія).

Чѣмъ ночь темнѣй,
Тѣмъ звѣзды ярче...

Конецъ XVIII вѣка ознаменовался въ Россіи рѣзкой и неожиданной реакціей. Въ обществѣ уже довольно опредѣленно говорили о безчеловѣчности крѣпостнаго права, о необходимости просвѣщенія, гласности суда, самоуправленія, проповѣдывали разнаго рода гуманныя идеи. Сама Екатерина II поддерживала эти голоса, ободряла и вызывала. Вокругъ нея начали группироваться люди съ свѣтлыми, гуманными взглядами. Предполагалась коренная реформа всего государственнаго строя. Императрица выработала основные принципы этой реформы, взятые главнымъ образомъ изъ сочиненія Монтескье, внушавшаго нѣсколько лѣтъ спустя ужасъ, вела объ этомъ разговоры и письменно, и устно съ Вольтеромъ, Дидро, Даламберомъ... Вдругъ сразу все это замолкло, прекратилось и насталъ «прямой вѣкъ покорности и страха». На сцену выступили старые, только что оттѣсненные на заднiй планъ начала и нравы. Грозная тѣнь великой французской революціи заставила забыть обо всѣхъ благихъ начинаніяхъ; все, что до сихъ поръ считалось хорошимъ и не только позволялось, но даже одобрялось,— все сразу сдѣлалось преступнымъ, подверглось преслѣдованію. Новиковъ, Радищевъ, Фонвизинъ, Челищевъ, а вмѣстѣ съ ними и гуманныя идеи сходили со сцены и уступали свое мѣсто Взяткинымъ, Скотининымъ, Максим

Петровичамъ, снова выдвинувшимъ «прошедшаго житья подлѣйшія черты». Помѣщики, со страхомъ ожидавшіе своей участи, разнаго рода Простаковы, не считавшіе крестьянъ за людей, теперь ожили, принялись за старое. Взяточничество, низкопоклонство, лесть, разнаго рода злоупотребленія получили прежнюю силу и значеніе. Ничѣмъ не брезгали, лишь бы только занять сколько нибудь видное положеніе. Не было той низости, которой не сдѣлалъ бы человѣкъ, задавшійся цѣлью получить «награжденье и весело пожить». Тотъ лишь и славился, «чья чаще гнулась шея»; «не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ, стучали объ полъ, не жалѣя». Объ общемъ благѣ, о выгодахъ государства никто и не думалъ. Высшимъ идеаломъ, къ которому стремились, не щадя ни себя, ни другихъ, былъ какой нибудь Максимъ Петровичъ, который «не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ», имѣлъ «сто человѣкъ къ услугамъ», былъ увѣшанъ орденами, ѣздилъ цугомъ. Лишь бы достичь этой завѣтной цѣли, а какимъ образомъ—безразлично. Самый путь, доводившій до «степеней извѣстныхъ», униженія, испытанныя на этомъ пути, все это было у всѣхъ на виду, но не только не возбуждало ни у кого отвращенія, а, наоборотъ, было предметомъ зависти, доставляло человѣку эпитетъ «смышленнаго»... Тяжело жилось въ это время людямъ, которые смотрѣли на измѣнившіяся обстоятельства иначе, у которыхъ и цѣли жизни, и пути къ нимъ были повыше. Они боролись, изнемогали въ непосильной борьбѣ, но вѣрили, что со временемъ «изъ среды народныя возникнетъ мужъ, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета», который твердымъ голосомъ возвѣститъ объ истинѣ, мужественно обличитъ неправду [1]). Надежды Радищева, слова котораго мы сейчасъ привели, и его единомышленниковъ скоро сбылись. 4-го января 1795 года, въ самый разгаръ реакціи, родился Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, которому впослѣдствіи суждено было оправдать надежды лучшей части своихъ современниковъ.

Старинная дворянская семья, въ которой родился и выросъ А. С. Грибоѣдовъ, ничѣмъ не отличалась отъ другихъ семей Москвы, принадлежавшихъ къ такъ называемому *свѣту*. Та же родовая спѣсь, тѣ же сплетни, та же погоня за чинами, «награжденьями» и богатствами, та же погоня за традиціонными приличіями, страхъ передъ тѣмъ, «что скажетъ княгиня

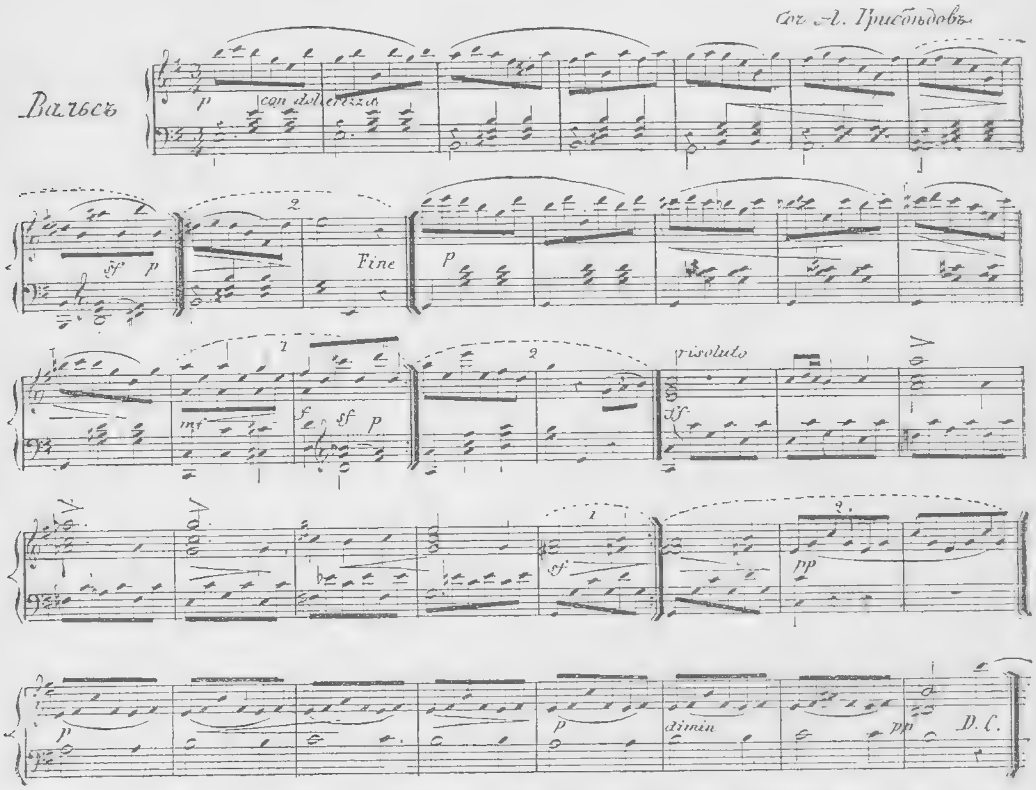
[1]) *А. Радищевъ*. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790.—*Алексѣй Веселовскій*. Этюды и характеристики. М. 1894. Стр. 147.

Марья Алексѣвна». Отецъ писателя не игралъ почти никакой роли въ семьѣ, и потому всѣ заботы о воспитанiи дѣтей—сына и дочери, Марiи Сергѣевны, лежали на матери, Настасьѣ Ѳедоровнѣ, находившейся подъ большимъ влiянiемъ окружавшей среды, сильно тяготѣвшей къ родовитой и чиновной знати. Она любила сына и мечтала устроить со временемъ для него блестящую чиновничью карьеру. Здѣсь большую помощь оказывалъ ей родной ея братъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, считавшiйся знатокомъ свѣтскихъ приличiй, который, по словамъ Грибоѣдова, «дрался какъ левъ съ Турками при Суворовѣ и пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ». Человѣкъ этотъ, всѣ нравоученiя котораго начинались съ «я, братъ», считалъ нужнымъ возить «еще съ пеленъ, дитятею» своего племянника по переднимъ «негодяевъ знатныхъ», прiучать его, такимъ образомъ, съ малыхъ лѣтъ къ низкопоклонству, къ искательству и къ другимъ качествамъ, необходимымъ для устройства той блестящей свѣтской карьеры, къ которой они вмѣстѣ съ матерью предназначали ребенка. Но уже въ то время прекрасно понимали, что на одномъ низкопоклонствѣ далеко не уйти, многiе хлопотали «набирать учителей полки», впрочемъ, «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», брали «побродягъ и въ домъ, и по билетамъ», чтобы учить дѣтей всему, языкамъ, музыкѣ, пѣнiю, танцамъ и т. д. Настасья Ѳедоровна не могла, конечно, идти противъ моды и пригласила для обученiя сына сухаго ученаго, библiографа Петрозилiуса, который своей сухостью и педантизмомъ оттолкнулъ отъ себя своего юнаго воспитанника. Вскорѣ его смѣнилъ Богданъ Ивановичъ Iонъ, докторъ правъ, знатокъ классиковъ, человѣкъ совершенно противоположнаго характера, сдѣлавшiйся не только наставникомъ А. С. Грибоѣдова, но его близкимъ другомъ. Задушевныя, дружественныя отношенiя между учителемъ и его воспитанникомъ остались на всю жизнь. Со слезами на глазахъ вспоминалъ Iонъ своего воспитанника, разговаривая съ С. Н. Бѣгичевымъ о его смерти. Подъ руководствомъ Iона, а также другихъ преподавателей, въ числѣ которыхъ находился, между прочимъ, профессоръ университета Буле, Грибоѣдовъ получилъ солидное образованiе. Онъ прекрасно усвоилъ себѣ европейскiе языки, получилъ, такимъ образомъ, возможность познакомиться съ лучшими произведенiями европейской литературы и науки, рано привыкъ къ усидчивому научному труду. Не обошлось, конечно, и безъ традицiоннаго учителя музыки. Но даровитый Грибоѣдовъ, равно какъ и его

сестра, не ограничились шаблонной, модной музыкой, играли не потому, что стыдно было не играть.

Въ душѣ его самъ Богъ возбудилъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ.

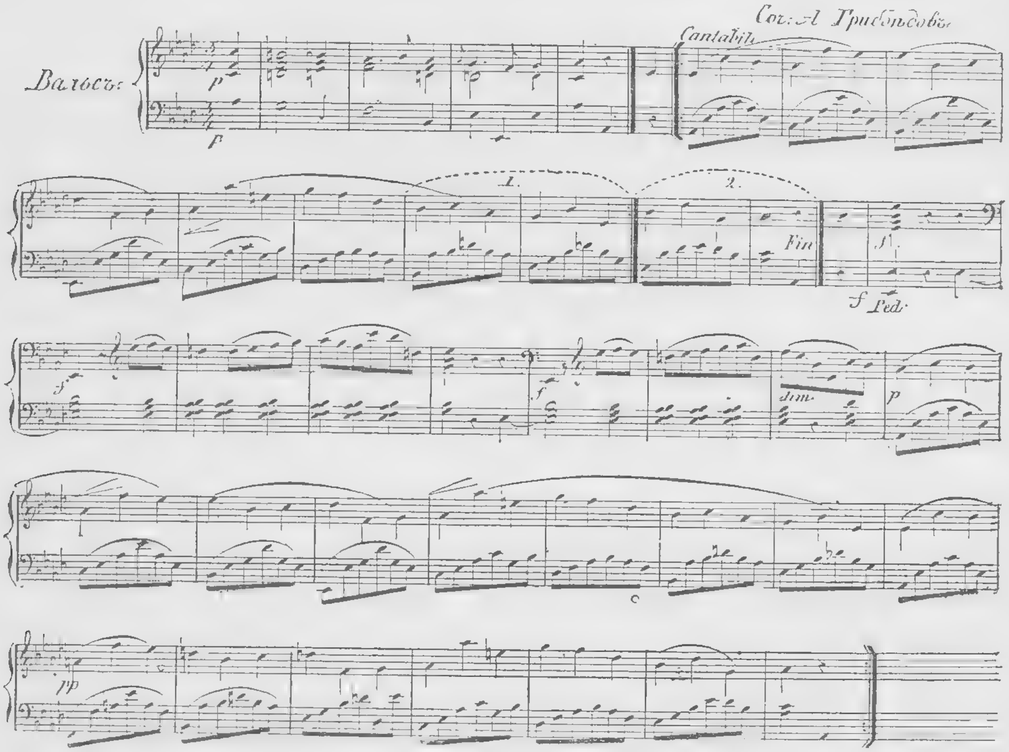
Фортепьяно было для него поэтому необходимостью, средствомъ для дости-



Вальсъ, соч. А. С. Грибоѣдова, напечатанный въ «Лирическомъ Альбомѣ» на 1832 годъ, изд. Н. Лысковскаго и Н. Норова.

женія поэтическихъ наслажденій, такою же потребностью, какъ книга, чтеніе. Онъ жилъ музыкой. Заброшенный въ Грузію, онъ вздыхаетъ о фортепьяно; заѣхавъ по дорогѣ въ одинъ домъ, онъ бросается къ клавишамъ, играетъ въ теченіе цѣлыхъ девяти часовъ. Якубовичъ, дравшійся на дуэли съ Грибоѣдовымъ, старался цѣлить не въ грудь, но въ руку писателя; онъ зналъ, что этимъ онъ отнимаетъ половину жизни своей жертвы. Дѣйствительно, увлекаясь въ безконечныя импровизаціи, прелести

которыхъ удивлялись всѣ слышавшіе ихъ, онъ забывалъ весь міръ и способенъ былъ не отрываться отъ инструмента по цѣлымъ днямъ. Сойдясь съ кружкомъ русскихъ музыкантовъ—Алябьева, Верстовскаго и друг., Грибоѣдовъ усвоилъ себѣ вполнѣ теорію музыки. Доказательствомъ музыкальной дѣятельности служатъ дошедшіе до насъ вальсы писателя [1]). Что Грибоѣдовъ



Вальсъ, соч. А. С. Грибоѣдова, напечатанный въ «Лирическомъ Альбомѣ» на 1832 годъ, изд. И. Лысковскаго и Н. Норова.

былъ настолько же талантливымъ музыкантомъ, какъ и писателемъ, доказываетъ благосклонный отзывъ М. И. Глинки, далеко не щедраго на одобренія.

Среди занятій науками и музыкой незамѣтно прошло пятнадцать лѣтъ. Скрѣпя сердце, мать опредѣлила своего сына въ университетъ, который давалъ въ то время большія преимущества по службѣ, на «этико-политическое отдѣленіе». Какъ всѣ «столбовые» аристократы, Грибоѣдовъ являлся на лекціи въ сопровожденіи гувернера; добродушный Іонъ дол-

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакц. И. А. Шляпкина Спб. 1889. Т. II. «Дополненія и опечатки» и стр. 510.

женъ былъ «охранять» своего воспитанника отъ плебеевъ и разнаго рода соблазновъ. Университетъ, въ который попалъ Грибоѣдовъ изъ-за честолюбивыхъ разсчетовъ матери, представлялъ для него много новаго и интереснаго. Въ это время здѣсь читали лекціи ученые, извѣстные своими трудами въ западной Европѣ, вѣрные просвѣтительнымъ европейскимъ традиціямъ, а также молодые русскіе ученые, подражавшіе этимъ ветеранамъ. Въ качествѣ вольнаго слушателя, Грибоѣдовъ посѣщалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы, изучалъ политическую экономію, статистику и тогда же привязался къ занятіямъ русской исторіей. Послѣднему много способствовалъ лучшій изъ тогдашнихъ профессоровъ—Буле, занимавшій раньше каѳедру въ Геттингенѣ и читавшій въ Московскомъ университетѣ эстетику и исторію. Идеалистъ-ученый, Буле, для распространенія научныхъ познаній, не ограничивался университетской аудиторіей, а читалъ публичныя лекціи по археологіи, искусству, философіи, предпринималъ изданія и устраивалъ у себя на дому частныя занятія. Грибоѣдовъ, знакомый съ Буле еще до поступленія въ университетъ, теперь особенно къ нему привязался; привязанности этой много способствовала нѣкоторая общность интересовъ. Буле часто любилъ останавливаться на вопросахъ о сущности и основахъ драмы, а Грибоѣдовъ наиболѣе любилъ этотъ родъ поэзіи и былъ радъ возможности заняться теоретическимъ изученіемъ его. Слѣдуя шагъ за шагомъ за своимъ учителемъ, Грибоѣдовъ познакомился съ классической литературой, съ любовью прочиталъ комическихъ писателей Плавта и Теренція; но не остановился на ложно-классицизмѣ своего учителя, а пошелъ гораздо дальше и выработалъ для себя новую теорію, сущность которой выразилъ въ словахъ: «Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости; но чѣмъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло; и не лучше ли вовсе безъ хитростей». Здѣсь же, въ университетѣ, въ Грибоѣдовѣ могла зародиться та страстная любовь къ театру, которая съ особенной силой обнаружилась въ немъ нѣсколько позже, потому что въ это время сплошь и рядомъ устраивались подъ руководствомъ профессора Страхова студенческіе спектакли [1]). Такимъ образомъ, университетъ давалъ пищу уму и чувству Грибоѣдова. «Въ науки онъ вперилъ умъ, *алчущій познаній*», мысль его витала далеко, далеко отъ той низменной домашней обстановки, которую онъ находилъ въ своей

[1]) *Алексѣй Веселовскій.* Этюды и характеристики. М. 1894. Стр. 500.

семьѣ. Здѣсь смотрѣли на университетъ, какъ на ступень къ карьерѣ,— Грибоѣдовъ видѣлъ въ немъ источникъ тѣхъ познаній, которыхъ онъ дѣйствительно «алкалъ» и на пріобрѣтеніе которыхъ употребилъ всю свою непродолжительную жизнь. Между тѣмъ, дома не позволяли ему забывать главной цѣли, изъ-за которой его опредѣлили въ университетъ. Ученье—ученьемъ, а *дѣло*—дѣломъ. Объ этомъ ему напоминали не только мать, но и всѣ родные, и знакомые, а особенно дядя, который теперь удвоилъ свои попеченія о племянникѣ. «Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ», разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ, «что дядя въѣхалъ къ нимъ на дворъ, разумѣется, затѣмъ, чтобы везти его на поклоненіе къ какому нибудь князь Петръ Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель.—Поѣдемъ, приставалъ Алексѣй Ѳедоровичъ. — Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ, хитрилъ молодой человѣкъ». Занятія Грибоѣдова, особенно его первые литературные труды (недошедшія до насъ стихотворенія, шуточная пародія—«Дмитрій Дрянской», осмѣивавшая трагедію Озерова [1]) и друг.), не только не находили сочувствія, но были встрѣчены глубокимъ презрѣніемъ со стороны матери, какъ совершенно излишнія для карьеры сына. Мать презрительно отзывалась объ этихъ «folies d'Alexandre», какъ она впослѣдствіи называла и «Горе отъ ума». Пребываніе въ Москвѣ, гдѣ жила его семья, было для него поэтому и послѣ далеко не легкимъ. «Въ Москвѣ совсѣмъ другое», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Бѣгичеву, «спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными». Постоянная «обязанность казаться основательнымъ», требованія, шедшія въ разрѣзъ съ его личными желаніями, привели, наконецъ, къ убѣжденію, что «истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный». Все здѣсь было не по немъ, тѣмъ болѣе, что музыка и та была заброшена. Какъ Чацкому въ семьѣ Фамусова, такъ и Грибоѣдову въ родной семьѣ «уже казалось скучно», тяжело, невыносимо.

Отечественная война вывела его изъ подъ тягостной для него родственной московской опеки. По призыву правительства къ студентамъ

[1]) Не была ли эта пародія той комедіей, отрывки изъ которой читалъ Грибоѣдовъ въ 1812 году Іону?

Московскаго университета, А. С. Грибоѣдовъ, сдавъ экзаменъ со степенью кандидата, оставилъ университетъ. Военная служба совершенно не входила въ планы его матери, но дѣлать было нечего. Общій взрывъ патріотизма, привлекавшій въ ряды солдатъ четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, въ родѣ Пети Ростова въ «Войнѣ и мірѣ», даже дѣвушекъ (Надежда Александрова-Дурова), былъ такъ силенъ, что бороться съ нимъ было трудно, даже невозможно. Впослѣдствіи самъ Грибоѣдовъ, кажется, иронически относился къ своему увлеченію, называя его устами Чацкаго страстью къ мундиру, «ребячествомъ».

Но кто бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Но въ то время такъ хотѣлось вырваться на свободу, выйти изъ душной семейной атмосферы! Не имѣя возможности помѣшать сыну выполнить свое намѣреніе, мать всетаки съумѣла направить его въ аристократическій гусарскій полкъ, сформированный княземъ Салтыковымъ. Скоро, однако, князь Салтыковъ умеръ въ Казани, полкъ былъ распущенъ, и Грибоѣдову не пришлось сразиться за отечество. Но возвратиться опять домой ему уже не хотѣлось, и онъ поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій сначала въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и, наконецъ, въ Брестѣ, подъ начальство А. С. Кологривова, человѣка умнаго, гуманнаго. Грибоѣдовъ былъ прикомандированъ къ нему почти что въ адъютантской должности и познакомился здѣсь съ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ, имѣвшимъ впослѣдствіи громадное вліяніе на образъ мыслей нашего писателя. Однообразная, скучная жизнь провинціальнаго городка, отсутствіе болѣе или менѣе интеллигентнаго общества, компанія дикихъ и буйныхъ гусаръ не могли не оказать своего дѣйствія на молодаго, только что вышедшаго изъ дѣтскаго возраста и вырвавшагося на свободу юношу. Начались безшабашные кутежи, пирушки. Здѣсь уже не нужно было «казаться основательнымъ», наоборотъ: противоположное качество цѣнилось гораздо больше. Началась та разгульная жизнь, о которой онъ впослѣдствіи вспоминалъ съ удовольствіемъ и въ то же время радовался, что она

окончилась. Юный умъ его изобрѣталъ разнаго рода дурачества, не уступавшія тѣмъ, которыми такъ богаты хроники гусарскихъ воспоминаній. Вдвоемъ съ товарищемъ онъ въѣзжалъ верхомъ во второй этажъ, на балъ, куда его не пригласили; въ другой разъ, взобравшись на хоры въ церковь іезуитскаго монастыря въ Брестѣ, сѣлъ за органъ, долго и прекрасно игралъ по разложеннымъ нотамъ священныя молитвы и вдругъ, къ ужасу монаховъ и молящихся, сыгралъ камаринскую; въ театрѣ аплодировалъ по лысинѣ сидѣвшаго впереди его сосѣда...

Долго вести такую бурную и пошлую жизнь, конечно, не могъ Грибоѣдовъ. Бурная реакція прошла скоро, и онъ берется опять за свои любимыя литературныя занятія. Изъ Бреста онъ посылаетъ въ «Вѣстникъ Европы» письма — «О кавалерійскихъ резервахъ и ихъ исторіи», а также описаніе праздника, устроеннаго офицерами въ честь Кологривова.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній, приведенныхъ въ этомъ описаніи, особенно одно изъ нихъ («Есть въ Бугѣ островъ одинокой»), повидимому, принадлежатъ самому Грибоѣдову. Это были первыя печатныя произведенія автора «Горя отъ ума». Здѣсь же, въ Брестѣ, начинается его дѣятельность и какъ драматурга, чему много способствовало его знакомство съ извѣстнымъ княземъ А. А. Шаховскимъ, также служившимъ здѣсь.

По просьбѣ послѣдняго, онъ перевелъ легкую французскую комедію— «Le Secret du Ménage», которая была поставлена на Петербургской сценѣ 29-го сентября 1815 года, подъ заглавіемъ: «Молодые супруги». Какъ въ переводѣ этой комедіи, такъ и въ другихъ первоначальныхъ работахъ Грибоѣдова сказались уже проблески живаго дарованія, что въ свое время было отмѣчено А. А. Бестужевымъ-Марлинскимъ и другими критиками. По словамъ критика «Сѣвернаго Наблюдателя», Грибоѣдовъ далъ переводъ, превзошедшій оригиналъ. «Въ немъ нѣтъ», писалъ критикъ, «тѣхъ излишнихъ растянутыхъ сценъ, которыя дѣлаютъ французскую комедію отмѣнно утомительной; дѣйствіе идетъ быстро, нѣтъ ни одной ненужной и холодной сцены». Такимъ образомъ, уже въ первой работѣ сказался вкусъ Грибоѣдова, его стремленіе къ реальному изображенію натуры, которое заставляло его иронически относиться къ романтизму Жуковскаго и вызвало восклицаніе: «Богъ съ ними, съ мечтаніями. Нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ»...

Первый литературный успѣхъ, а также кружокъ писателей, состоявшій изъ Н. И. Хмельницкаго, А. А. Жандра, Н. И. Греча и друг., съ которыми Грибоѣдовъ сблизился по пріѣздѣ въ Петербургъ (въ 1815 г.), общество такихъ людей, какъ Чаадаевъ, Норовъ, Пестель, состоявшихъ членами масонской ложи «Des amis réunies», куда онъ самъ поступилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, наконецъ, недовольство разгульной гусарской жизнью, все это сдѣлало то, что Грибоѣдовъ оставилъ военную службу, около года прожилъ жизнью свободнаго человѣка, изрѣдка помѣщая театральныя статьи у своего пріятеля Н. И. Греча, и въ 1817 году поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Къ этому времени относится также надѣлавшая большаго шуму статья «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады *Ленора*», въ которой Грибоѣдовъ высказался какъ врагъ романтизма, сторонникъ простоты, естественности и натуры. Несмотря на то, что, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, Грибоѣдовъ является противникомъ романтизма, напримѣръ, въ комедіи «Студентъ» онъ осмѣиваетъ романтизмъ и сентиментализмъ Батюшкова, Гнѣдича, Жуковскаго, Загоскина и друг., но нельзя сказать, что бы въ это время сложились уже въ немъ какія нибудь вполнѣ опредѣленныя литературныя воззрѣнія. Высмѣивая романтизмъ, Грибоѣдовъ самъ склонялся иной разъ къ романтизму, могъ задумать драму во вкусѣ Кребильона — «Родамистъ и Зенобія», вмѣстѣ съ Жандромъ переводилъ «Семелу» Шиллера, благодаря князю А. А. Шаховскому, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ кружкомъ А. С. Шишкова.... [1]). Одно, что несомнѣнно и вполнѣ опредѣленно въ это время обнаружилось въ немъ, это—страсть къ театру. По словамъ П. А. Каратыгина, его кресло въ первомъ ряду очень рѣдко оставалось незанятымъ. Уѣзжая въ 1818 году изъ Петербурга, онъ просилъ Бѣгичева: «...Подпишись на афишки, присылай мнѣ ихъ и, когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому нибудь другому, Катенину или Жандру»... Вообще интересы театра были его интересами, онъ ими жилъ. Бенефисы артистокъ являются главной побудительной причиной для его литературной дѣятельности. Нужна новая пьеса—онъ берется, переводитъ къ извѣстному сроку; если не успѣваетъ, поручаетъ часть работы товарищамъ-театраламъ; самъ помогаетъ этимъ товарищамъ, пишетъ для нихъ отдѣльныя сцены, даже явленія. Результатомъ этой дѣятельности явились пять

[1]) *Алексѣй Веселовскій*. Этюды и характеристики. М. 1894. Стр. 508—509.

сценъ изъ комедіи «Своя семья», написанныя по просьбѣ Шаховскаго; вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ сдѣлалъ переводъ комедіи «Притворная невѣрность»; вмѣстѣ съ Катенинымъ написалъ комедію «Студентъ», которая въ свое время не могла появиться въ печати, вслѣдствіе того, что въ ней очень ярко выведены были всѣмъ извѣстныя личности; составляетъ для бенефиса Брянскаго небольшой, веселый, но лишенный всякаго опредѣленнаго смысла, дивертиссементъ—«Проба интермедіи» и т. д. Само собой понятно, что во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, писанныхъ на спѣхъ, въ большинствѣ случаевъ переводныхъ, при томъ принадлежавшихъ не ему одному, невозможно искать отраженія Грибоѣдовскихъ взглядовъ, его личнаго міросозерцанія. Это были коллективные труды, и потому брать изъ нихъ факты для характеристики Грибоѣдова, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Одно только можно сказать, что если первые стихи Грибоѣдова въ комедіи «Молодые супруги» и были грѣхами противъ поэзіи, какъ выразился одинъ критикъ, то стихотворная форма послѣднихъ произведеній Грибоѣдова значительно улучшилась. Въ его пародіи—«Лубочный театръ», направленной противъ Загоскина, стихотворный языкъ отличается той легкостью, оригинальностью и ѣдкостью, которыя уже напоминаютъ отчасти стихи въ «Горѣ отъ ума». Въ общемъ, повидимому, Грибоѣдовъ нисколько не выдѣлялся изъ толпы своихъ товарищей-театраловъ, писавшихъ и переводившихъ для бенефисовъ, хотя Пушкинъ, познакомившійся съ нимъ около этого времени, и А. А. Бестужевъ уже могли замѣтить въ немъ нѣкоторый талантъ и даже «большое дарованіе для театра».

До созданія такого шедевра, какъ «Горе отъ ума», было, однако, еще далеко. Эта комедія могла явиться только тогда, когда выработались болѣе или менѣе опредѣленно не только литературные, но и общественные взгляды нашего писателя. Между тѣмъ, 1818 и даже еще 1819 годы были временемъ, когда Грибоѣдову приходилось разбираться въ массѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, улаживать противорѣчія взглядовъ, вынесенныхъ имъ изъ московской среды, съ новыми вѣяніями, охватившими тогда лучшую часть Россіи, съ мыслями окружавшихъ его друзей—Чаадаева, Одоевскаго, Пушкина и друг. Несомнѣнно, что Грибоѣдовъ далеко не сразу усвоилъ себѣ то міровоззрѣніе, съ которымъ онъ выступилъ въ своей знаменитой комедіи. Семейная обстановка должна была оказать на него свое вліяніе. Какъ бы онъ ни жаловался на свою *«обязанность* казаться основатель-

нымъ», т. е. какъ бы сознательно ни относился къ мелочнымъ требованіямъ матери и окружавшихъ его людей, но, вращаясь съ пеленокъ въ такой средѣ, онъ многаго могъ и не замѣтить, многое поэтому могъ себѣ и усвоить. Это могло случиться тѣмъ легче, что онъ страстно любилъ свою мать. «Я никогда себѣ не прощу», писалъ онъ Бѣгичеву, «если позволю себѣ *чѣмъ нибудь* огорчить ее»... «Мать и сестра такъ привязаны ко мнѣ, что я былъ бы извергомъ, если бы не платилъ имъ тѣмъ же; возвратясь изъ Персіи, стану жить для моего семейства». Такая любовь, конечно, не могла заставить Грибоѣдова забыть врожденное чувство порядочности и благородства, не могла довести его до того, чтобы «въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ отважно жертвовать затылкомъ», но могла внушить нѣкоторые практическіе взгляды, нѣкоторыя житейскія истины. Въ это время самъ Грибоѣдовъ, навѣрное, удивился бы вмѣстѣ со Скалозубомъ его брату, который, хотя

Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ.....

Самъ себя Грибоѣдовъ называетъ «пасынкомъ здраваго разсудка», заявляетъ, хотя бы и въ шутливой формѣ (болѣе серьезно онъ требовалъ для себя у министра передъ отправленіемъ въ Персію два чина впередъ), что онъ «рѣшился быть коллежскимъ ассессоромъ или ничѣмъ», подаетъ самые трезвые, совершенно во вкусѣ своей матушки, Фамусова, Скалозуба и даже Молчалина, совѣты своему другу, С. Н. Бѣгичеву. «А. И. Кологривовъ увѣряетъ», пишетъ ему Грибоѣдовъ 5-го декабря 1816 года, «что ты хочешь переходить въ армію; я увѣряю, что *ты слишкомъ уменъ для этого*. Кто любитъ службу и *желаетъ дослужиться до высшей степени, тотъ долженъ быть въ Петербургѣ*». Черезъ два года эту мысль онъ высказываетъ еще откровеннѣе: «Сдѣлай одолженіе, не дурачься, не переходи въ армію; тамъ тебѣ Богъ знаетъ *когда достанется въ полковники, а ты, надѣюсь, какъ нынче всякій честный человѣкъ, служишь изъ чиновъ, а не изъ чести*». Кромѣ того, Грибоѣдовъ не прочь былъ въ это время поддерживать связи съ людьми «нужными», независимо отъ ихъ нравственныхъ качествъ. «Павловъ путемъ *взялся похлопотать* за меня при женѣ и при Ермоловѣ», пишетъ онъ 5-го сентября 1818 года, «а если тотъ захочетъ перевести меня въ военную, я не прочь»... А что за человѣкъ былъ этотъ Павловъ, можно видѣть изъ письма самого же Грибоѣдова, написаннаго значительно позже

(въ 1824 г.). «Павловъ, Мадатовъ и еще одно лицо всѣхъ ихъ поважнѣе гораздо чиномъ — уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшнаго *и сколько низостей*». Но это уже писалось въ то время, когда Грибоѣдовъ «питалъ отвращеніе къ чинамъ и званіямъ», послѣ нравственнаго перелома. Кутежи, бреттерство, погоня за женщинами, свою власть надъ которыми онъ самъ сознавалъ, все это нисколько не возвышается надъ общей жизнью современной ему богатой, «столбовой» молодежи. Вѣроятно, на всѣ эти недостатки намекаетъ Пушкинъ, говоря о Грибоѣдовѣ, что жизнь его «была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ». Та же московская, вполнѣ русская среда, въ которой выросъ Грибоѣдовъ, внушила ему любовь къ народу, народной поэзіи и родной старинѣ, которой онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей жизни.

Среда, въ которую онъ попалъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не могла также остаться безъ вліянія на впечатлительную, благородную душу Грибоѣдова. Какъ натура глубоко правдивая, искренняя, онъ чувствовалъ, что въ немъ происходилъ переломъ и открыто высказывалъ благодарность С. Н. Бѣгичеву, котораго считалъ главнымъ виновникомъ этого перелома. «Ты, мой другъ», пишетъ ему Грибоѣдовъ 18-го сентября 1818 года, «поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ во мнѣ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души»... «Я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству», пишетъ онъ ему же въ другомъ мѣстѣ. Нужно было разобраться въ этомъ хаосѣ мыслей и чувствъ. Для этого нужно было побыть хоть нѣкоторое время наединѣ съ самимъ собою, внѣ этого хаоса, внѣ петербургской сутолоки. Грибоѣдовъ, по словамъ Пушкина, «почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и праздной разсѣянностью, уѣхалъ въ Грузію» [1]. Случайность помогла ему осуществить свое желаніе.

Изъ-за танцовщицы Истоминой графъ Шереметевъ вызвалъ на дуэль своего друга, Грибоѣдова, который отказался драться съ нимъ. «Нѣтъ, братецъ», сказалъ онъ ему, «я съ тобой стрѣляться не буду, потому что право не за что, а вотъ, если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу),

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина (изд. Литер. фонда). Спб. 1887, Т. IV, стр. 431.

такъ я къ его услугамъ»... Состоялась двойная дуэль: между Шереметевымъ и Завадовскимъ съ одной стороны и ихъ секундантами — Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ—съ другой. Графъ Шереметевъ былъ убитъ, а вторая дуэль отложена на будущее время. Хотя отецъ Шереметева и выхлопоталъ помилованіе у Государя для всѣхъ участниковъ дуэли, но оставаться въ Петербургѣ Грибоѣдовъ и самъ не хотѣлъ, да и мать его находила, что ему необходимо уѣхать.

Грибоѣдовъ началъ хлопотать о назначеніи его секретаремъ посольства въ Персію. 16-го іюля 1818 года искомое назначеніе было получено, и онъ сейчасъ же отправился въ путь. По дорогѣ заѣхалъ въ Москву, простился съ горячо любимой матерью, «повторилъ здѣсь ту печальную, прощальную сцену, которую имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга» съ Бѣгичевымъ. Грустное настроеніе не проходило всю дорогу. «Мысли мои», пишетъ онъ 30-го августа 1818 года, «все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь, какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль, ничто веселое и въ умъ не входитъ»... «Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли»... Друзья и Петербургъ становились, однако, все дальше и дальше. Съ каждымъ шагомъ впередъ, съ каждымъ днемъ Грибоѣдовъ удалялся отъ нихъ. Картины природы, встрѣчи съ новыми людьми мало по малу изгладили то грустное чувство и тотъ оптимистическій взглядъ на все оставленное, съ которымъ онъ уѣзжалъ. Наединѣ съ самимъ собой онъ вспоминалъ это прошлое, но не идеализировалъ его, а вспоминалъ со всѣми его достоинствами и недостатками, задумывался надъ причинами этихъ недостатковъ, задумывался болѣе глубоко, чѣмъ до сихъ поръ.

Въ это время Грибоѣдовъ уже несомнѣнно былъ занятъ рѣшеніемъ этого вопроса, и можно думать, что около этого времени зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей, которыя онъ такъ прекрасно и опредѣленно провелъ въ своей комедіи. Такъ, уже на пути, изъ Воронежа (18-го сентября 1818 года), онъ пишетъ Бѣгичеву: «Одинъ томъ Петровыхъ акцій («Дѣяній») у меня въ бричкѣ, и *я зѣло на его нѣмцевъ и на его колбасниковъ сержусь*; коли найдешь что нибудь чрезвычайно забавное въ «Дѣя-

ніяхъ», пожалуй, напиши, *я этимъ воспользуюсь*». За что же онъ сердился на этого великаго реформатора? Рожденный въ чисто-русской, московской средѣ, Грибоѣдовъ съ молокомъ матери всосалъ и любовь ко всему русскому, къ русскому народу и русской старинѣ. Путешествуя по Персіи, онъ мыслями виталъ въ Россіи. «Отправляемся», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 6-мъ сентября 1819 года, «камнями въ насъ швыряютъ, трехъ человѣкъ зашибли. Пѣсни: «Какъ за рѣчинькой слободушка», «Въ полѣ дороженька», «Солдатская душечька, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза». Патріархальная азіатская жизнь персовъ даетъ ему поводъ переноситься въ русскую старину, за двѣсти лѣтъ назадъ, въ нашу родину. «Хозяинъ представился мнѣ», пишетъ Грибоѣдовъ, «въ видѣ *добродушнаго* москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши его домочадцами, самъ я—Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырые овощи и блюдца съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется англичаниномъ, а право нельзя ручаться — изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ,—я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другаго бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство». Очевидно, изучая исторію, слушая лекціи Буле въ университетѣ, онъ интересовался не только мелкими археологическими подробностями, какъ это кажется на первый взглядъ. а передъ нимъ рисовалась «сѣдая старина», которую онъ идеализировалъ. Нѣсколько позже (въ 1826 г.) онъ какъ бы высказалъ причину, почему его такъ занимала эта старина. Совершая загородную прогулку, онъ наткнулся на хоръ парней и дѣвушекъ, которые пѣли «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» и другія русскія пѣсни. «Родныя пѣсни!» восклицаетъ Грибоѣдовъ по этому поводу, «куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?»... «Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ *полу-европейцевъ*, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны»... ..«Народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки! Если бы какимъ нибудь

случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи *за цѣлое столѣтіе*, онъ, конечно, бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами»... «Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими!...». Грибоѣдову тяжело было видѣть это разобщеніе русской интеллигенціи съ роднымъ, единокровнымъ народомъ, и онъ негодовалъ на «чернаго волшебника», на Петра, съ его «колбасниками», который черезчуръ сурово, самоуправно, съ излишней жестокостью уничтожалъ народные обычаи, «старину святую», народъ русскій выставлялъ на посмѣшище, былъ виновникомъ современнаго раздѣленія русскихъ на два класса, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Но это негодованіе нисколько не походило ни на славянофильство, ни на Карамзинское неудовольствіе. Выписки, сдѣланныя Грибоѣдовымъ, показываютъ его недовольство *личной* дѣятельностью Петра, а не его попытками сблизить русскихъ съ Европой, недовольство тѣмъ, что реформа сдѣлала только небольшую часть русскихъ и то не европейцами, а *полу-европейцами*, привила намъ лишь внѣшнюю цивилизацію. На Европу Грибоѣдовъ ссылается не разъ, какъ на образецъ, хотя, по его словамъ, «моралисты вѣчно упрекаютъ ее порчею нравовъ». Устами Чацкаго Грибоѣдовъ возстаетъ противъ подражанья, но противъ «*пустаго*, рабскаго, слѣпаго подражанья», противъ той галломаніи, которая давно уже вызывала и насмѣшки, и негодованіе. Онъ недоволенъ состояніемъ современнаго русскаго общества, въ которомъ «дураковъ больше, чѣмъ солдатъ», московскими и петербургскими готтентотами. «Если бы возможность была массу свѣдѣній нашихъ литераторовъ, академиковъ и профессоровъ распредѣлить между людьми *съ талантомъ* (курсивъ Грибоѣдова), врядъ ли бы на каждаго пришлось столько, чему Ланкастеръ учитъ: читать, писать—и то плохо». Въ оффиціальной бумагѣ заявлялъ Грибоѣдовъ, что «Россія не имѣетъ еще чрезмѣрнаго количества людей способныхъ и образованныхъ», порицалъ тѣхъ обскурантовъ, которые «отъ души желаютъ, чтобъ отечество наше осталось въ вѣчномъ младенчествѣ». Грибоѣдовъ нисколько не заблуждался относительно своихъ современниковъ, ихъ идеаловъ и мечтаній. На пути въ свой дневникъ (6-го сентября 1819 года) онъ заноситъ сказку—сатиру на современныхъ героевъ съ ихъ низменными стремленіями. «Сказка о Васильѣ-царевичѣ: шелковые повода, конь *золотогри*-

вый, золотохвостый, золотая сбруя, *золотыя* кисти по землѣ волочатся, самъ богатырь съ молодецкимъ посвистомъ, съ богатырскимъ покрикомъ, *въ вицмундиръ, съ двумя кавалеріями*, генералъ-стряпчій, пироги собираетъ и проч., и проч.» [1]).

Картины изъ московской и петербургской жизни, Фамусовы, Молчалины, Скалозубы, какъ живые, вставали передъ нимъ, рисовались въ его воображеніи, припоминались совѣты и наставленія дяди. Слухи о дѣяніяхъ Магницкихъ, Руничей, Аракчеевыхъ, требованія: «чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился», возгласы: «ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина», надежды Скалозубовъ на повсемѣстное введеніе шагистики, все это показывало Грибоѣдову ясно, что воскресаютъ снова «прошедшаго житья подлѣйшія черты», что послѣ небольшаго отдыха снова наступаетъ «вѣкъ покорности и страха». Тяжело было Грибоѣдову видѣть надвигавшуюся темную тучу реакціи. Единственнымъ утѣшеніемъ въ это время могли для него быть бесѣды съ Ермоловымъ. Первоначально онъ недовѣрчиво отнесся къ расположенію, которое выказала ему эта «тризвѣздная особа», но послѣ убѣдился, что онъ замѣчательно «славный человѣкъ. Мало того, что уменъ, ныньче всѣ умны, но совершенно по русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи». Ермоловъ такъ же, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Закревскій, прекрасно чувствовалъ всѣ слабыя стороны современнаго положенія дѣлъ. Онъ не могъ не знать «о безтолковщинѣ, безпутствѣ», происходившемъ во время кампаніи 1812 года, на что постоянно жаловался даже Закревскій [2]), не могъ не видѣть самохвальства и лжи современнаго «начальства», воровства и всевозможнѣйшихъ злоупотребленій. «Ермолову такъ наскучило жить здѣсь (въ Петербургѣ) безъ толку», писалъ о немъ Закревскій, «что онъ въ отчаяніи. Все испытываетъ въ Петербургѣ министровъ и разнаго рода сволочь». Вскорѣ онъ дѣйствительно оставилъ Петербургъ, забрался на Кавказъ, «предоставилъ всѣ почести другимъ, себѣ оставилъ одни труды» [3]). По своему характеру Ермоловъ рѣзко выдѣлялся изъ среды современныхъ ему «генераловъ»: это былъ человѣкъ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 60.

[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. 37.

[3]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 31.

гуманный и образованный. Съ подчиненными онъ всегда держался на равной ногѣ, нерѣдко совѣтовался, позволялъ «свое сужденіе имѣть». По словамъ Д. В. Давыдова, «мысли и сужденія, излагаемыя имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественной силой и энергичной простотой, облекались часто въ формы крайне рѣзкія; самый разговоръ его носилъ обыкновенно на себѣ отпечатокъ большаго остроумія и язвительной насмѣшки. Ѣдкая иронія его рѣчей, которою онъ разилъ враговъ своихъ, пріобрѣла ему весьма много недоброжелателей». «Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ», говоритъ далѣе Давыдовъ, «я не могъ воздержаться, чтобъ ему не написать: Во что обмакиваете Вы перо Ваше, потому что съ него стекаетъ не чернила, а желчь?» [1]).

Грибоѣдовъ сошелся съ нимъ, просиживалъ у него цѣлыми часами и даже днями, «присталъ къ нему вродѣ тѣни». Ермоловъ казался для него чрезвычайно занимательнымъ по массѣ свѣжихъ мыслей, представлялъ для него большой интересъ, благодаря *глубокому познанію людей всякаго разбора*. «Ругатель безжалостный, но патріотъ», говорилъ о немъ Грибоѣдовъ [2]). Намъ кажется, что бесѣды съ такимъ человѣкомъ, съ этой «истинно русской, мудрой головой» не могли пройти безслѣдно для Грибоѣдова. Безжалостный ругатель—Ермоловъ не могъ не повліять на другаго такого же ругателя—Грибоѣдова и на его Чацкаго. Во всякомъ случаѣ, Ермоловъ, несомнѣнно, открылъ Грибоѣдову глаза на очень многое, далъ ему матеріалъ для темнаго фона отечественной войны, въ которой самому Грибоѣдову не пришлось принимать участія. Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ странный фактъ, которому удивлялся самъ Грибоѣдовъ: «Въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по русски, я не выпускаю пера изъ рукъ». Подъ вліяніемъ бесѣдъ Ермолова, собственныхъ воспоминаній, уединенныхъ думъ, Грибоѣдовымъ овладѣло страстное желаніе писать, обличать, захотѣлось выступить съ воззваніемъ къ обществу, заклинающимъ его остановиться на гибельномъ пути

---

1) Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. подъ редакціей А. О. Круглаго. Спб. 1892. Т. I, стр. 143—144. —*М. Погодинъ*. А. П. Ермоловъ. Русскій Вѣстникъ 1863, №№ 8—12; 1864, №№ 5 и 6.

2) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 211.

къ застою, безличности.... Въ его головѣ начинаютъ складываться планы для этого воззванія, планы, давшіе въ результатѣ «Горе отъ ума» [1].

Три года (1819—1822 гг.) прошло, пока Грибоѣдову удалось облечь свои мысли и факты въ драматическую форму. Обычная въ то время форма, усвоенная имъ еще въ университетѣ, на лекціяхъ Буле, его не удовлстворяла. Ему казались неестественными перерывы, обязательные антракты, хотѣлось какимъ нибудь образомъ дать цѣльную драматическую «картину», драматическую эпопею. Въ 1822 году Грибоѣдовъ набрасываетъ планъ драмы «1812 годъ», въ которой хочетъ указать современникамъ на контрастъ между величавой «сѣдой стариной» и современностью, хочетъ возбудить въ русскомъ обществѣ чувство собственнаго достоинства, самосознанія (Наполеонъ размышляетъ «о юномъ первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный—чтобы онъ могъ произвести?»). Здѣсь же онъ думалъ выставить всевозможные пороки, указать на трусость служителей правительства, всеобщее ополченіе *безъ дворянъ*, искательство, отличія, исчезновеніе всей поэзіи великихъ подвиговъ, прежнія мерзости... Его герой, М*., выходецъ изъ народа, въ теченіе всей войны играетъ самую видную роль, но, несмотря на всѣ свои подвиги, «остается въ пренебреженіи у начальниковъ, отпускается восвояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію, возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... самоубійство». Планъ этотъ, однако, не удовлетворилъ Грибоѣдова. Роль героя М*., добродѣтельнаго, молча протестующаго про-

[1]) Относительно того, когда задумана эта комедія, существуетъ нѣсколько противорѣчивыхъ данныхъ. Іонъ говоритъ, что уже въ 1812 году Грибоѣдовъ *читалъ* ему отрывки изъ нея. Бѣгичевъ передаетъ, что «*мысль* объ этой комедіи *явилась* въ 1816 году» и что, по первоначальному плану, въ ней выведена была «жена Фамусова, модница и аристократка». По разсказу князя Бебутова, выходитъ, что въ 1819 году Грибоѣдовъ «читалъ ему много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ и изъ комедіи «Горе отъ ума», которая была еще *только набросана*. Съ другой стороны, Булгаринъ говоритъ, что Грибоѣдовъ только въ концѣ 1821 года «*начерталъ планъ комедіи* и сочинилъ нѣсколько сценъ перваго акта». Думаемъ, что сообщеніе Булгарина ближе всего къ истинѣ. Сохранившійся набросокъ «1812 годъ», представляющій первоначальный планъ комедіи, написанъ, по сообщенію г. Смирнова, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1822 года. Самъ Грибоѣдовъ въ концѣ 1820 года «во снѣ» даетъ обѣщаніе написать комедію (Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 173—174).

*

тивъ окружавшихъ его «мерзостей», была не въ духѣ Грибоѣдова. Ему нуженъ былъ человѣкъ-обличитель, который не могъ бы пройти мимо подлости, не протестуя. Грибоѣдовъ хотѣлъ бросить перчатку минувшему вѣку, его герой долженъ былъ громить, обличать... Въ силу собственнаго своего темперамента, онъ не могъ пропагандировать спокойно, не могъ тѣмъ болѣе, что не терялъ надежды сбросить застоявшуюся плѣсень, тронуть окаменѣвшія сердца. Знакомый съ дѣтства, понятый вполнѣ и родственный по духу образъ Альцеста напрашивался самъ собой для этой роли. Комедія Мольера—«Мизантропъ» какъ нельзя болѣе подходила къ цѣлямъ Грибоѣдова. «Характеръ протестующаго Альцеста», говоритъ профессоръ Алексѣй Веселовскій, «пользовался вездѣ и всегда особыми симпатіями передовыхъ силъ творчества и критики; каждое поколѣніе, каждая литературная школа старались присвоить его себѣ и вложить въ него живое содержаніе завѣтныхъ идей и стремленій *своего* времени. Въ разнообразныхъ этихъ нарядахъ Альцестъ являлся и энциклопедистомъ, и сентиментальнымъ филантропомъ, и революціонеромъ, и угловатымъ, правдивымъ англійскимъ матросомъ, сыномъ народа. Въ этой смѣнѣ *одеждъ и лицъ* очередь была за русскимъ бытовымъ содержаніемъ; дѣло такого воплощенія было выполнено Грибоѣдовымъ: Альцестъ сталъ декабристомъ и его окружила свѣтлая толпа двадцатыхъ годовъ» [1]).

Форма, такимъ образомъ, была найдена, и Грибоѣдовъ усиленно началъ работать надъ воплощеніемъ въ ней «бытоваго содержанія», завѣтныхъ идей своихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшей части современнаго общества. Уединенная жизнь въ захолустьи, съ ея мукой и развлеченіями, однако, сильно отвлекали Грибоѣдова отъ работы. «Не воображайте меня зарытымъ въ книгахъ», писалъ онъ 3-го мая 1820 года Н. А. Каховскому. Карты, женщины, такъ же, какъ и въ Петербургѣ, первое время не переставали занимать его и здѣсь. «Я еще не поврежденъ въ моемъ разсудкѣ. Хочу веселости», писалъ онъ дальше... «Мой домикъ», говорилъ Грибоѣдовъ въ письмѣ 25-го іюня 1820 года, «кабы не колебался такъ часто отъ землятрясеній, загляденье на Востокѣ. И какихъ бы вы женщинъ у меня нашли! Именно—не одну,

[1]) *Алексѣй Веселовскій.* Этюды и характеристики, стр. 162. — На работу Грибоѣдова надъ формой комедіи указываетъ дошедшій до насъ отрывокъ пролога къ «Горю отъ ума», помѣщенный въ научно-литературномъ сборникѣ — «Помощь голодающимъ» (М. 1892. Стр. 249).

а многихъ, и одна прелестнѣе другой». Скоро, однако, все это ему стало надоѣдать. Въ письмахъ появляются жалобы на скуку. Съ радостнымъ недовѣріемъ относится онъ къ намеку объ отъѣздѣ въ Петербургъ, который сдѣлалъ ему Каховскій. «Выведите изъ сомнѣнія», пишетъ онъ ему, «либо воскресите, либо добейте умирающаго»... [1]) Пребываніе въ персидскомъ захолустьи, какимъ въ это время былъ Тавризъ, дѣйствительно тяготило его, угнетало, мѣшало работать. Еще на пути въ этотъ городъ онъ просилъ Ермолова перевести его въ Тифлисъ, хотя бы судьей, или даже учителемъ. Ермоловъ, очень цѣнившій Грибоѣдова, помогъ осуществиться этому желанію, и скоро (въ 1822 г.) Грибоѣдовъ былъ переведенъ въ Тифлисъ секретаремъ по иностранной части при кавказскомъ главнокомандующемъ и кандидатомъ въ директоры школы восточныхъ языковъ, проектировавшейся министерствомъ. Въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ могъ найти одинаково для него необходимыя и общество, и уединеніе. Здѣсь у него было нѣсколько знакомыхъ семей, нѣсколько людей (особенно Ермоловъ), съ которыми онъ могъ душу отвести, могъ обмѣняться мыслями. Двѣ небольшія комнаты, изъ которыхъ открывался прекрасный видъ на предгорья главнаго Кавказскаго хребта, служили для него мѣстомъ уединенія. Одѣтый въ туземный архалукъ, Грибоѣдовъ проводилъ здѣсь большую часть времени за работой надъ комедіей, изученіемъ восточныхъ языковъ и безконечными импровизаціями на единственномъ въ городѣ фортепьяно, которое Грибоѣдовъ пріобрѣлъ у Н. Н. Муравьева. Здѣсь были окончены первые два акта «Горя отъ ума», набросанные еще въ Тавризѣ.

Работа надъ комедіей показала Грибоѣдову, что необходимо возобновить впечатлѣнія, вынесенныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ великосвѣтскихъ русскихъ гостиныхъ. «Желаніе изучить свѣтъ въ качествѣ простаго зрителя—безумно», писалъ онъ, лѣтъ пять спустя, въ своемъ дневникѣ. «*Можно наблюдать другихъ, только лично принимая участіе въ ихъ дѣйствіяхъ*. Всегда нужно практиковать въ томъ, что хочешь изучить» [2]). Исходя изъ такого принципа, 5-го марта 1823 года Грибоѣдовъ взялъ четырехъ-мѣсячный отпускъ и отправился въ Москву. Здѣсь онъ встрѣтился

[1]) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ. М. 1891. Стр. 536, 538, 539, 540.

[2]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 114.

съ С. Н. Бѣгичевымъ, прочелъ ему написанные два акта комедіи; но сдѣланныя другомъ замѣчанія выслушалъ съ неудовольствіемъ. Утромъ на другой день Бѣгичевъ засталъ его неодѣтаго, у печки, въ которую онъ бросалъ, листъ за листомъ, написанный первый актъ. «Я обдумалъ», пояснилъ онъ изумленному другу, «ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все готово въ головѣ моей». Грибоѣдовъ, «не любившій свѣта, пустыхъ визитовъ и чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества», теперь сдѣлался постояннымъ ихъ посѣтителемъ, сдѣлался настоящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, къ удивленію всѣхъ, знавшихъ его раньше. Но эта напускная свѣтскость не заглушала въ немъ «Катоновской суровости», съ которой онъ обличалъ современные ему пороки. По словамъ А. А. Бестужева, Грибоѣдовъ «не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенной и самодовольной глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него на лицѣ». Возвращаясь домой съ баловъ и пикниковъ, на которыхъ, можетъ быть, Грибоѣдову не разъ приходилось становиться въ положеніе Чацкаго, обличать Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Магницкихъ, аракчеевщину, защищать профессоровъ-новаторовъ, обвиненныхъ «въ расколахъ и въ безвѣрьи», ланкастерскія школы, онъ, какъ передаетъ Булгаринъ, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ въ одинъ присѣстъ. Живыя краски, типы, слова, взятые съ натуры, онъ сейчасъ же переносилъ на бумагу, боясь, чтобы съ теченіемъ времени они не утратили своей натуральной яркости.

Съ собраннымъ, такимъ образомъ, матеріаломъ Грибоѣдовъ (въ концѣ мая 1824 года) удалился въ имѣніе своего друга, Бѣгичева, село Дмитріевское, Тульской губерніи. По цѣлымъ днямъ онъ просиживалъ въ садовой бесѣдкѣ, усердно работая надъ своей комедіей. Сличеніе списковъ комедіи, по словамъ профессора Алексѣя Веселовскаго, показываетъ, что Грибоѣдовъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинской добросовѣстностью, работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя фразу, пока она не удовлетворяла его требованіямъ вполнѣ. Этимъ объясняется прогрессъ въ языкѣ, который сразу бросается въ глаза, при сравненіи «Горя отъ ума» съ ранними стихотворными произведеніями, который своею легкостью, простотой, непринужденностью и даже неправильностями возмущалъ современныхъ литераторовъ-пуристовъ.

Совершенно случайно еще не получившая окончательной отдѣлки комедія проникла въ публику. Произошло это такимъ образомъ. Пріятель Грибоѣдова, графъ М. Ю. Віельгорскій, перебирая разъ ноты на роялѣ сестры Грибоѣдова, нашелъ листъ, потомъ—другой, потомъ—третій, исписанные стихами ея брата. Мать сказала ему, что это «les folies d'Alexandre», но онъ почти насильно увезъ найденные листы, заключавшіе въ себѣ «Горе отъ ума». Скоро вся Москва заговорила о новой комедіи, заволновались лица, узнавшія въ выведенныхъ типахъ свойственныя имъ черты. Поднялся ропотъ противъ автора, осмѣлившагося поднять руку на Москву, на московское столбовое дворянство. Директоръ театровъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, докладывалъ губернатору, что новая комедія есть ничто иное, какъ злой пасквиль на Москву, который нужно во что бы то ни стало запретить. Вѣсть о новой комедіи облетѣла скоро всю Россію. «Что такое Грибоѣдовъ?», писалъ Пушкинъ, жившій тогда въ Одессѣ, князю П. А. Вяземскому. «Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны».

Всеобщее негодованіе показало Грибоѣдову, что вопросы, затронутые имъ, имѣютъ живой интересъ, и ему захотѣлось непремѣнно видѣть свою комедію на сценѣ. Съ этой цѣлью онъ уѣхалъ лѣтомъ 1824 года въ Петербургъ. «Ты, безцѣнный другъ», писалъ онъ Бѣгичеву, «насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ»... Желая во что бы то ни стало поставить комедію на сцену, Грибоѣдовъ старался сдѣлать ее насколько можно болѣе цензурной... «Не могу», писалъ онъ, «оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей *драматической картины* краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, конца не будетъ; будетъ же, добьюсь до чего нибудь. Терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ». Дѣлая поправки чисто цензурнаго свойства, Грибоѣдовъ, несомнѣнно, поправлялъ въ то же время все, что показалось ему недодѣланнымъ, выбрасывалъ лишнее, вставлялъ новое (напримѣръ, цѣлая сцена заигрыванья Молчалина съ Лизой [1]), кажущаяся теперь

[1]) Любопытно, что г. И. Ивановъ указываетъ на совершенно анологичную сцену Шевалье съ горничной (тоже *Лизеттой*) въ комедіи Данкура—«Le Chevalier à la Mode».

неотъемлемой частью комедіи, вставлена въ это время), передѣлалъ цѣлыхъ восемьдесятъ стиховъ, пока не сдѣлалось «гладко, какъ стекло». Впрочемъ, самъ Грибоѣдовъ, повидимому, не вполнѣ былъ удовлетворенъ своимъ произведеніемъ. «Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ», писалъ онъ, «было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь».

Подготовляя комедію для сцены, Грибоѣдовъ въ то же время пропагандировалъ ее путемъ чтеній. Сначала онъ читалъ ее въ тѣсномъ кружкѣ друзей, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ. «Грому, шуму, восхищенію конца нѣтъ», писалъ онъ Бѣгичеву. Дѣйствительно, Грибоѣдова наперерывъ упрашивали читать комедію; старались достать ее, списывали... Но эта преждевременная извѣстность, этотъ *громъ и шумъ* сдѣлали то, что Грибоѣдову, несмотря на всѣ его связи, не удалось видѣть свое произведеніе ни въ печати, ни на сценѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались угрозы, что комедія вызоветъ недовольство всего дворянскаго сословія, поколеблетъ основы и т. д. Указывали, что въ ней выведены разнаго рода вліятельныя лица того времени, вродѣ Аракчеева, Паскевича, что подъ видомъ Скалозуба осмѣяно даже какое то высокопоставленное лицо. Уже одно то, что для каждаго лица въ комедіи указывалось по нѣсколько оригиналовъ, доказываетъ, что Фамусовъ, Молчалинъ, Скалозубъ—не фотографическіе портреты, а типы. Публика вполнѣ поняла это, оцѣнила комедію по достоинству и разнесла по всей Россіи въ массѣ исправныхъ и неисправныхъ списковъ. Не такъ было съ людьми власть имѣющими, которые видѣли, да и не могли не видѣть, въ комедіи «сатиру» на себя, на свою дѣятельность. Графъ Милорадовичъ, генералъ-губернаторъ, узнавъ, что ученики театральнаго училища, подъ руководствомъ самого автора, разучиваютъ комедію для постановки на своей частной сценѣ, сейчасъ же запретилъ этотъ спектакль. Грибоѣдову при жизни только и удалось видѣть напечатаннымъ отрывокъ изъ своей комедіи, и то со всякаго рода урѣзками, въ «Русской Таліи» Булгарина, да присутствовать (въ 1827 году) на любительскомъ спектаклѣ въ Эривани, гдѣ офицеры разыграли «Горе отъ ума».

Положеніе горничныхъ, по его словамъ, совершенно тождественное; чувства, питаемыя Шевалье къ госпожѣ Лизеттѣ, тѣ же самыя, какія доставляютъ не мало хлопотъ Молчалину въ его интригѣ съ Софьей.—*Ив. Ивановъ*. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка. М. 1895. Стр. 424.

Напечатанный отрывокъ далъ возможность до сихъ поръ молчавшей литературной критикѣ высказать свое мнѣніе о всѣмъ извѣстной, всѣхъ волновавшей комедіи [1]). Говорили сначала только объ отрывкѣ, затѣмъ о цѣлой комедіи. Нашлись сторонники, сочувственно отнесшіеся къ идеямъ Чацкаго, которые по достоинству оцѣнили его «силу характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда» и въ тоже время—«слабость духа, совершенную преданность предразсудкамъ, низость мыслей, тѣсный кругъ сужденій» его противниковъ. Въ самой комедіи они съумѣли оцѣнить ея оригинальность, далекую отъ обыкновеннаго въ то время французскаго трафарета, ея живость. Но, съ другой стороны, были люди, которые держались противоположнаго взгляда. Этимъ Чацкій представлялся никѣмъ инымъ, какъ злословящимъ, грубымъ «сумасбродомъ, который находится *въ обществѣ людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ*, и который *умничаетъ* передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣе». Грибоѣдова упрекали за отсутствіе драматической жизни въ комедіи, видѣли въ Чацкомъ простаго автомата и т. д. Понятно, что возгласы такого рода могли исходить только изъ того болота, плѣсень котораго затронулъ Грибоѣдовъ. Литературная полемика, завязавшаяся между обѣими партіями, продолжается и до настоящаго времени [2]). Благодаря Бѣлинскому, написавшему статью о Грибоѣдовѣ въ періодъ своего увлеченія Гегелемъ, а потому присоединившемуся къ противникамъ поэта и съ свойственнымъ ему жаромъ и талантомъ развившему мысли послѣднихъ, въ обществѣ долго господствовало, даже вошло въ учебники, совершенно ошибочное мнѣніе о лучшемъ произведеніи русской литературы. Въ настоящее время, можно сказать, мнѣніе это оставлено. Достаточно прочесть талантливую статью такого авторитетнаго художника, какъ Гончаровъ, или не менѣе талантливый и подробный разборъ комедіи, сдѣланный А. С. Суворинымъ, для того, чтобъ оставить это старое мнѣніе и согласиться, что пьеса Грибоѣдова «есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, и, скажемъ сами за себя —больше всего комедія, какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій...». «...Въ группѣ двадцати

[1]) *А. С. Суворинъ.* «Горе отъ ума» и его критики. Спб. 1886. Стр. II.

[2]) *А. Н. Пыпинъ.* Грибоѣдовъ. Историческія замѣтки. Вѣстникъ Европы, 1890. № 1. стр. 185—224.—«Новое Время», 1889, № 4596.

лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю» [1]. По мнѣнію Писарева, одному только Грибоѣдову, во всякомъ случаѣ не Пушкину, удалось выполнить громадную задачу — изобразить въ тѣсной рамкѣ комедіи всю Россію двадцатыхъ годовъ [2].

Если можно считать окончательно установленной оцѣнку комедіи «Горе отъ ума», то далеко не въ такомъ положеніи находится вопросъ о характерѣ, убѣжденіяхъ, взглядахъ Чацкаго и его alter ego—Грибоѣдова. До сихъ поръ ведутся живые, страстные споры о томъ, былъ ли Грибоѣдовъ западникомъ-либераломъ, или же славянофиломъ; до сихъ поръ не выяснены его политическія и соціальныя убѣжденія. Главная причина такого явленія заключается въ томъ, что для такой оцѣнки въ рукахъ изслѣдователя слишкомъ мало матеріала. Попытаемся собрать здѣсь все, что только можетъ, хоть нѣкоторымъ образомъ, послужить для выясненія этого вопроса.

Москва съ ея памятниками сѣдой старины на каждомъ шагу, патріотическими преданіями и разсказами, знакомство и родство съ московской столбовой аристократіей, съ московскими тузами, наконецъ, кружокъ А. С. Шишкова, куда попалъ Грибоѣдовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, все это должно было оказать на Грибоѣдова то вліяніе, о которомъ мы говорили уже раньше. Изъ этой школы Грибоѣдовъ вышелъ патріотомъ, любящимъ свое отечество, «сѣдую старину», родной, единокровный народъ. Владиміры и Изяславы иной разъ настолько овладѣвали его воображеніемъ, что онъ «едва вскользь замѣчалъ современное поколѣніе». Первое время онъ даже не чуждъ былъ нѣкоторыхъ недостатковъ той среды, которую потомъ такъ рѣзко обличалъ. Петръ Великій представлялся ему чернымъ, злымъ волшебникомъ, своенравно и жестоко нарушившимъ самостоятельное теченіе русской жизни, самостоятельное развитіе русскаго народа. Будь этотъ своеобразный народъ предоставленъ самому себѣ, до чего бы онъ не дошелъ! У него были зачатки самоуправленія, не было такого рѣзкаго дѣленія на классы, русскіе сплочены были въ одинъ народъ, была

[1] Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1886. Т. VIII, стр. 127.

[2] Собраніе сочиненій Д. И. Писарева. Спб. 1894. Т. V, стр. 59.

полная общность интересовъ. Петръ Великій своенравно и жестоко измѣнилъ теченіе этой жизни, направилъ ее по другому руслу. Въ результатѣ: рѣзкое дѣленіе одного и того же народа на интеллигенцію—грубыхъ *полу-европейцевъ* и забитыхъ, угнетенныхъ рабовъ—простой народъ, противный французско-нижегородскій языкъ, погоня за модой, преклоненіе передъ каждымъ иностранцемъ, страстное желаніе быть чѣмъ угодно, только не русскимъ, жить гдѣ угодно, только бы не въ Россіи, куда иностранцы собираются «со страхомъ и слезами». Грибоѣдовъ возставалъ противъ слѣпаго рабскаго подражанія, противъ того, что набирали полки учителей, лишь слѣдуя модѣ, что европейской внѣшностью прикрывали отечественную грубость, необразованность, безнравственность [1]). Вездѣ онъ является сторонникомъ истиннаго просвѣщенія, поклонникомъ науки, истины, все равно откуда бы она ни шла, смѣло обличаетъ тотъ «край, гдѣ достоинство человѣка цѣнится въ прямомъ отношеніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ», гдѣ Шереметевъ можетъ затмить Гомера. Для Грибоѣдова Россія далеко не рисовалась идеаломъ совершенства, какъ для многихъ патріотовъ его времени. Онъ ее любитъ, онъ «радуется» при взятіи Анапы [2]), его *русское* сердце «прыгаетъ отъ радости» потому, что взятъ Карсъ [3]). Какъ дипломатъ, Грибоѣдовъ старался заставить всѣхъ

[1]) Профессоръ В. О. Ключевскій, характеризуя умственное состояніе образованной части русскаго общества XVIII в., говоритъ, что русскіе непривычные къ размышленію умы «слѣпо бросались на яркіе парадоксы тогдашнихъ ésprits forts и на нихъ сжигали послѣдніе остатки здраваго смысла. Новыя идеи просвѣтительной философіи являлись оправданіемъ и укрѣпленіемъ стараго доморощеннаго невѣжества и нравственной косности. Обличительный Вольтеровскій смѣхъ помогалъ прикрывать застарѣлыя русскія язвы, не исцѣляя ихъ. Доисторическія привычки и одичалыя понятія, которыя прежде припрятывались отъ глазъ закона или которыхъ стыдились передъ добрыми людьми, какъ стыдятся неубраннаго домашняго сора передъ гостями, теперь самодовольно выставлялись на показъ, какъ указаніе или требованіе природы...». «Направленіе русскихъ умовъ, такимъ образомъ воспринимавшихъ просвѣтительное вліяніе, становилось уже *не усвоеніемъ европейской цивилизаціи, а болѣзненнымъ разстройствомъ національнаго смысла*, не подготовленнаго къ такому острому питанію. Привозныя лекарства только растравляли старые туземные недуги и приходилось лечить не только отъ болѣзней, но и отъ самаго леченія». — Русская Мысль, 1895, № 1, стр. 42—44.

[2]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 258.

[3]) Тамъ же, стр. 260.

«прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь» [1]). Зная иностранные языки, Грибоѣдовъ любилъ читать русскіе переводы. «Мнѣ любопытно знать», говорилъ онъ, «какъ изъяснены высокія мысли мудрецовъ» [2]), другими словами, до какой степени выросъ русскій языкъ. Но въ то же время Грибоѣдовъ выставляетъ на видъ и ея недостатки. Желая, подобно всѣмъ патріотамъ, руссификаціи «новыхъ согражданъ по сю сторону Кавказа», онъ указывалъ на то, что *русскіе* чиновники, присылавшіеся туда съ этой цѣлью, «по отсутствію полезныхъ и похвальныхъ качествъ, водворяли токмо безнравственность», мечтали только о чинахъ и не думали о пользѣ страны [3]). Онъ былъ противъ репрессивныхъ мѣръ. «Одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей», писалъ онъ 7-го декабря 1825 года. «Дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени»... [4]). Какимъ упрекомъ звучатъ его слова о «борьбѣ горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ», заставляющей «вѣшать, прощать и плевать на исторію». Очутившись въ Өеодосіи, онъ вспоминаетъ славное прошлое этого города, его блестящее положеніе до тѣхъ поръ, пока имъ не овладѣли русскіе. «Явились мы, всеобщіе наслѣдники», пишетъ онъ, «и съ нами—духъ разрушенія. Ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Чтожъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, *когда исчезнетъ Русское племя*, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего житія». Грибоѣдовъ иронически относился къ разнаго рода дворянскимъ тенденціямъ, не способенъ былъ гордиться своимъ генеалогическимъ древомъ и, смѣясь, просилъ сдѣлать для него справку въ герольдіи. «Узнай, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онерами», писалъ онъ въ 1828 году [5]). О его недовольствѣ современнымъ характеромъ русскаго общества—и говорить нечего. Подобно Чацкому, Грибоѣдовъ былъ въ отчаяніи, что не можетъ отыскать уголка для оскорбленнаго чувства. «Боже мой», писалъ онъ изъ Петербурга, «когда

---

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 330.

[2]) Тамъ же, стр. XXXIII.

[3]) Тамъ же, стр. 151.

[4]) Тамъ же, стр. 214.

[5]) Тамъ же, стр. 256.

вырвусь изъ этого мертваго города. Знай только, что я здѣсь на перепутьи въ *чужіе краи*». Тамъ, очевидно, хотѣлъ Грибоѣдовъ отдохнуть отъ отечественнаго застоя, отъ окружавшихъ его подлостей, тамъ думалъ найти этотъ завѣтный уголокъ. Изъ всего этого видно, что Грибоѣдовъ не имѣлъ какого нибудь вполнѣ опредѣленнаго міросозерцанія, что онъ не можетъ быть причисленъ ни къ одному изъ существующихъ теперь, но тогда совершенно отсутствовавшихъ, лагерей. Это былъ образованный, гуманный человѣкъ, съ умѣреннымъ и спокойнымъ взглядомъ на вещи, любившій Россію, видѣвшій недостатки современнаго положенія дѣлъ и старавшійся, насколько могъ, исправить ихъ личнымъ протестомъ, обличеніями. Однимъ словомъ, Грибоѣдовъ — отчасти такой же «ругатель безжалостный, но патріотъ», какимъ былъ Ермоловъ. Его Чацкій, по словамъ Ѳ. М. Достоевскаго, «совершенно особый типъ нашей русской Европы, типъ милый, страдающій, восторженный, взывающій и къ Россіи, и къ почвѣ, а, между тѣмъ, уѣхавшій всетаки опять въ Европу, когда надо было сыскать,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ [1]).

Гуманныя воззрѣнія и образованность сближали Грибоѣдова съ кружкомъ декабристовъ. У нихъ были одинаково свѣтлыя задачи, такія же надежды на лучшее будущее и такой же мрачный взглядъ на настоящее. Несомнѣнно, однако, что Грибоѣдовъ не сочувствовалъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты для осуществленія этихъ надеждъ, можетъ быть, и зналъ, но, во всякомъ случаѣ, былъ противъ переворота 14-го декабря. «Сто человѣкъ прапорщиковъ», часто говаривалъ онъ, смѣясь, «хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи». Въ такомъ же духѣ написалъ онъ письмо и князю А. И. Одоевскому, участвовавшему въ этомъ переворотѣ. «Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Кто тебя завлекъ *въ эту гибель*? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшиваться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать». Недовольный Петромъ Великимъ за его крутыя реформы, Грибоѣдовъ естественно не могъ сочувствовать насильному перевороту, не могъ онъ также не видѣть, что около кучки людей, дѣйствительно глубоко убѣжденныхъ, людей, искреннихъ, съ вполнѣ опредѣлен-

[1]) Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1894. Т. III, ч. 2, стр. 23.

ными задачами, группируется масса Репетиловыхъ, только шумѣвшихъ, скорѣе мѣшавшихъ дѣлу, чѣмъ двигавшихъ его, приставшихъ къ кружку не по убѣжденію, а только скуки и моды ради. Относясь съ уваженіемъ къ первымъ, онъ не могъ не смѣяться надъ вторыми. Сцена съ Репетиловымъ цѣликомъ направлена противъ подобныхъ ему либераловъ, потерпѣвшихъ неудачи по службѣ, вздыхавшихъ о чинахъ, орденахъ, награжденьяхъ, крѣпко на руку нечистыхъ и въ то же время шумѣвшихъ о «секретнѣйшихъ собраньяхъ», съ таинственнымъ видомъ говорившихъ о неясномъ для нихъ самихъ «государственномъ дѣлѣ»...

Въ общемъ, однако, Грибоѣдовъ былъ далеко не въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ декабристовъ. Онъ любилъ А. И. Одоевскаго, какъ умнаго и добраго человѣка, былъ *знакомъ* съ А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, Д. И. Завалишинымъ, В. К. Кюхельбекеромъ, повидимому, съ княземъ Трубецкимъ. Видно это, между прочимъ, изъ того, что А. И. Одоевскій «предостерегалъ Грибоѣдова отъ интимности и откровенности съ нѣкоторыми декабристами, людьми нескромными и безхарактерными». Очевидно, что самъ Грибоѣдовъ мало зналъ этотъ кружокъ.

Гораздо ближе онъ былъ съ людьми совершенно противоположныхъ качествъ. Положительно непонятна, напримѣръ, его дружба съ Ѳадеемъ Булгаринымъ. Сохранилось нѣсколько писемъ Грибоѣдова, доказывающихъ дружескія отношенія между этими двумя совершенно противоположными людьми. Грибоѣдовъ писалъ Булгарину, что онъ «всегда будетъ о немъ хорошихъ мыслей», несмотря на чужіе пересуды, считалъ «долгомъ отзываться (о немъ) съ благодарностью». Съ Булгаринымъ дѣлился самыми завѣтными мыслями; пріѣзжая въ Петербургъ, жилъ на его дачѣ, совершалъ съ нимъ вмѣстѣ прогулки, наконецъ, сотрудничалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «докучалъ» ему своими дѣлами. Когда друзья осуждали эту связь, всегда спокойно говорившій Грибоѣдовъ раздражался, «можно было видѣть», по словамъ Д. И. Завалишина, «что его кольнули въ самое больное мѣсто». Такъ горячился Грибоѣдовъ только тогда, когда «Каховскій доказывалъ ему, что, осуждая у ложныхъ либераловъ противорѣчіе ихъ дѣйствій съ провозглашаемыми принципами, онъ и самъ не свободенъ отъ подобнаго противорѣчія». Разъ даже, вѣроятно, подъ вліяніемъ подобныхъ разговоровъ, Грибоѣдовъ написалъ своему другу Булгарину рѣзкое письмо, въ которомъ объяснилъ, что не можетъ и не

хочетъ продолжать прежнихъ отношеній и даже знакомства, но скоро все улеглось и пошло по старому. То, что Грибоѣдовъ оставилъ рукопись «Горя отъ ума» въ наслѣдство Булгарину, который послѣ торговалъ ею, объясняется чисто финансовыми отношеніями: Грибоѣдовъ былъ долженъ Булгарину довольно значительную сумму денегъ [1]). Намъ кажется, что, неизвѣстно когда начавшаяся дружба продолжалась отъ того, что «съ перваго дня знакомства» Булгаринъ «оказалъ множество ласковостей» Грибоѣдову, выказалъ ему свои, можетъ быть, дѣйствительно искреннія симпатіи, свои хорошія стороны, однимъ словомъ, понравился Грибоѣдову. Первое время, по словамъ К. А. Полевого, Булгарина не чуждался никто. У него бывалъ Пушкинъ, Гнѣдичъ и другіе. Самъ К. А. Полевой видѣлъ въ немъ тогда «умнаго, иногда смѣшнаго, капризнаго человѣка» [2]). Даже Гречъ былъ смущенъ тѣмъ, что сдѣлалось съ Булгаринымъ въ старости. «Признаюсь», пишетъ онъ, «если бы я это зналъ, я ни за что бы ни вошелъ съ нимъ въ союзъ» [3]). Немудрено, что могъ понравиться Булгаринъ и Грибоѣдову, который притомъ же отличался въ своихъ привязанностяхъ большимъ постоянствомъ. Онъ, напримѣръ, постоянно поддерживалъ дружескія отношенія съ княземъ Шаховскимъ. «Я у него бываю», писалъ онъ П. А. Катенину, «отъ того, *что всѣ другіе его ругаютъ*. Это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство». Само собой понятно, что причина заключалась не въ этомъ, а въ тѣхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыя завязались значительно раньше [4]). Кромѣ того, у насъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы говорить положительно о близкихъ, «дружескихъ» отношеніяхъ Грибоѣдова съ Булгаринымъ, тѣмъ болѣе, что часть этихъ данныхъ сообщена самимъ Булгаринымъ, которому Пушкинъ писалъ:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:

---

[1]) «Не бойся», писалъ Булгарину Грибоѣдовъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, «я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ или скоро ты получишь отъ дяди Мальцева 15000 рублей и, слѣдовательно, до 1-го января со всѣми расквитаешься».

[2]) Записки К. А. Полевого. Спб. 1888. Стр. 269.

[3]) Записки о моей жизни. Н. И. Греча. Спб. 1886. Стр. 448.

[4]) «Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій», писалъ онъ о Шаховскомъ 13-го февраля 1819 года. «Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ».

Ахъ, ты безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

Страннымъ кажется также и то обстоятельство, что Грибоѣдовъ не сошелся съ кружкомъ Пушкина, даже какъ будто не симпатизировалъ ему, «всемѣрно удалялся отъ людей», повидимому, наиболѣе къ нему подходящихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы это ни казалось непонятнымъ, для насъ несомнѣнно одно. Всѣ дружескія и враждебныя отношенія Грибоѣдова къ людямъ не имѣли въ своемъ основаніи ничего низкаго, ничего такого, что могло бы набросить тѣнь на свѣтлую память этого писателя. «Тотъ, кто написалъ эти строки», говорилъ А. А. Бестужевъ о «Горѣ отъ ума», «не можетъ и не могъ быть иначе, какъ благородное существо».

Дружескія отношенія, завязанныя еще въ молодые годы, дружба съ Жандромъ, Катенинымъ, Хмельницкимъ, княземъ Шаховскимъ и друг. продолжается и теперь. Грибоѣдовъ «всячески избѣгалъ» новыхъ знакомствъ, новыхъ людей. «Буду ли я когда нибудь независимъ отъ людей?», спрашиваетъ онъ Бѣгичева въ 1826 году. Его возмущала тупость современнаго общества, низменность его интересовъ, полное отсутствіе какихъ нибудь болѣе или менѣе возвышенныхъ идеаловъ, страшный эгоизмъ, равнодушіе къ «людямъ съ дарованіемъ» и вообще къ нуждамъ ближняго. «Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ,.... гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ». Говоря въ одномъ письмѣ о жертвахъ холеры, о смерти нѣсколькихъ друзей, Грибоѣдовъ пишетъ: «Трезвые умы,—Коцебу, напримѣръ, обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторично пуще себя! Ахъ, эти избалованные *дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ* etc. etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность души моей: для нея ничего нѣтъ чужаго, страдаетъ болѣзнью ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ нибудь бѣдствіи; *чтобы разъ потрясло ихъ сильно не отъ однихъ только собственныхъ золъ*». Этотъ эгоизмъ, притомъ чисто животный эгоизмъ, несомнѣнно, долженъ былъ отдалять отъ людей благородную, совершенно противоположную натуру Грибоѣдова, для котораго ничего не было чужаго, который страдалъ чужимъ горемъ. Что эти страданія были вполнѣ искренни, въ чемъ нѣкоторые изъ его друзей сомнѣвались, доказываетъ, между прочимъ, письмо

Грибоѣдова къ Паскевичу, въ которомъ онъ, «осыпая руки слезами», стоя на колѣняхъ, умоляетъ спасти «страдальца» Одоевскаго [1]). Такое отношеніе къ людямъ было причиной мизантропическаго вывода, къ которому пришелъ Грибоѣдовъ, что, «кто хочетъ истинно быть другомъ людей, долженъ сократить свои связи» [2]).

Не лучше относился онъ и къ современнымъ литераторамъ, которыхъ такъ характеризовалъ въ письмѣ къ Бѣгичеву: «Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ душишекъ». Его возмущала современная литературная полемика, эта «школьная, ребяческая борьба», препирательства «о нѣсколькихъ стихахъ, ихъ гладкости, жесткости, плоскости». Понятно, что самъ Грибоѣдовъ не могъ особенно цѣнить и тѣхъ восторженныхъ, часто неискреннихъ, отзывовъ о немъ, которые слышались изъ этой толпы. «Какъ сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не можетъ меня утѣшить», писалъ онъ своему другу Бѣгичеву. Этимъ объясняются такія рѣзкіе поступки Грибоѣдова, какъ извѣстное столкновеніе съ «писателемъ» Ѳедоровымъ, въ присутствіи котораго онъ наотрѣзъ отказался читать свою комедію. Понятно также, почему у Грибоѣдова навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. «Жизнь народа, какъ жизнь человѣка», говорилъ Грибоѣдовъ, «есть дѣятельность умственная и физическая: словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи—не погибли отъ того, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ. Какой результатъ нашихъ трудовъ по истеченіи года столѣтія?». «Разсуждая о сихъ предметахъ», прибавляетъ Булгаринъ, «Грибоѣдовъ становился грустенъ, угрюмъ».

Строгій къ другимъ, Грибоѣдовъ не менѣе былъ строгъ и къ самому себѣ. Недовольство собою, сомнѣнія въ своихъ силахъ особенно возрасли на обратномъ пути его въ Грузію.

Два года отпуска незамѣтно пробѣжали за работой надъ комедіей, за хлопотами о ея постановкѣ на сцену. Съѣздить за границу, какъ онъ это

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 114.

[2]) «Русскій Вѣстникъ», 1894, № 3, стр. 207.

предполагалъ раньше, «обрыскать свѣтъ», не удалось за это время и приходилось возвращаться на старыя мѣста. Для разнообразія онъ рѣшилъ ѣхать на Кіевъ и Крымъ, надѣясь, вѣроятно, обогатить себя новыми впечатлѣніями, возбудить свое творчество, которое послѣ окончанія «Горя отъ ума» ослабло до того, что заставляло его сомнѣваться въ своихъ силахъ. «Три мѣсяца провелъ я въ Тавридѣ», пишетъ онъ 9-го сентября 1825 года, «а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, это для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать—за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? нѣмъ, какъ гробъ?»... «Подожду», прибавляетъ онъ дальше, «авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченные способности». Будучи въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ увлекался Шекспиромъ, читалъ его самъ, читалъ другимъ. Каратыгинъ, которому онъ прочелъ въ плохомъ французскомъ переводѣ пятый актъ и еще нѣсколько мѣстъ изъ «Ромео и Юліи», упрашивалъ его перевести эту трагедію на русскій языкъ. «Сладить трудно», отвѣтилъ на эту просьбу Грибоѣдовъ (въ августѣ 1824 года), «перекраивать Шекспира дерзко, да и *я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію*, и лишь бы вонъ отсюда, *напишу непремѣнно*». Между тѣмъ, не писалось. Его дневникъ за это время наполненъ разными замѣтками чисто ученаго, историко-археологическаго характера. Кіевская старина, древности Крыма переносили его, какъ и раньше, во времена Владиміровъ, Ярославовъ, вызывали воспоминанія о руссахъ, варягахъ, генуэзцахъ, грекахъ. Отославъ своего слугу, Александра Грибова, онъ подолгу бродилъ по кладбищамъ, наединѣ предавался всякаго рода мрачнымъ думамъ, которыя не переставали его преслѣдовать въ послѣднее время....

Въ началѣ января 1826 года прибылъ, наконецъ, Грибоѣдовъ на Кавказъ. Онъ догналъ Ермолова въ Екатеринодарской станицѣ и здѣсь узналъ о событіяхъ 14-го декабря. Знакомство съ участниками событія не могло пройти безнаказаннымъ для Грибоѣдова. Дѣйствительно, 23-го января, вечеромъ, когда онъ вмѣстѣ съ Ермоловымъ спокойно пировалъ у одного изъ сослуживцевъ, прискакалъ въ станицу фельдъегерь съ приказаніемъ арестовать Грибоѣдова. Ермоловъ отозвалъ его въ сторону, сообщилъ о приказаніи и далъ одинъ часъ для уничтоженія бумагъ, которыя могли бы его скомпрометировать. Черезъ часъ обыскъ былъ произведенъ. «Грибоѣдовъ былъ взятъ», какъ оффиціально доносилъ Ермоловъ, «не успѣвъ

истребить своихъ бумагъ», и мчался съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, изъ котораго такъ недавно еще уѣхалъ. Въ Москвѣ онъ видѣлся только съ однимъ Бѣгичевымъ, даже не зашелъ къ матери, метавшей громы и молніи за вольнодумство сына, не видѣлся со старикомъ Іономъ. Скоро онъ доставленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ его посадили въ особомъ отдѣленіи Главнаго Штаба, потому что тюрьмы были переполнены.

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ...
Меня и взяли въ Главный Штабъ
И потянули къ Іисусу,

негодовалъ онъ по этому поводу. Положеніе было дѣйствительно непріятное. Онъ «погибалъ отъ скуки и невинности», тосковалъ, ругался съ надсмотрщиками, изрѣдка въ сопровожденіи смотрителя ходилъ въ кондитерскую Лоредо и здѣсь, въ отдѣльномъ кабинетѣ, отводилъ душу за фортепьяно. Четырехъ-мѣсячное заключеніе привело его къ усиленнымъ научнымъ занятіямъ, къ которымъ онъ получилъ склонность еще въ университетѣ. Будучи гусарскимъ корнетомъ, съ восторгомъ и жадностью изучалъ Грибоѣдовъ греческій языкъ. Восточные языки имъ были изучены въ совершенствѣ. Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ онъ то и дѣло обнаруживаетъ знакомство съ исторіей Россіи, Грузіи, Персіи, заноситъ въ свой дневникъ любопытныя въ научномъ отношеніи замѣчанія. Онъ слѣдилъ за наукой, былъ au courant всего. Поставленные имъ вполнѣ научно историко-археологическіе вопросы разрѣшены едва только теперь въ трудахъ современныхъ намъ ученыхъ— Н. П. Барсова, Е. Е. Замысловскаго, г. Корсакова, г. Иловайскаго и друг. Въ заключеніе, онъ превращается совершенно въ ученаго. Сохранились его записочки къ Булгарину, въ которыхъ онъ проситъ прислать ему то «Софійскій временникъ», то сочиненіе Абуль Газа «Historia Monholorum et Tartarorum», или путешествіе Плано-Карпини, книгу Gerando «Histoire comparée des systémes de philosophie» и многія другія. Въ то же время онъ читаетъ Чайльдъ-Гарольда, стихотворенія Пушкина, «Апологіи» И. Дмитріева, газеты, журналы, занимается высшей математикой съ Д. И. Завалишинымъ и проситъ прислать ему книгу Франкера о дифференціальномъ исчисленіи.

Допросы, для которыхъ водили Грибоѣдова въ крѣпость, обнару-

*

жили полную его «невинность». Говорятъ, что этому много помогло заступничество разнаго рода вліятельныхъ лицъ, вродѣ Паскевича. Какъ бы тамъ ни было, онъ былъ совершенно оправданъ и даже награжденъ высшимъ чиномъ. Лѣто провелъ онъ на дачѣ съ Булгаринымъ, часто досадуя на ослабленіе своего творчества, а осенью отправился въ Москву, гдѣ мать ждала уже его съ новыми честолюбивыми замыслами. Дѣло въ томъ, что Ермоловъ около этого времени окончательно впалъ въ немилость и на его мѣсто назначался Паскевичъ, приходившійся родственникомъ Грибоѣдову. Матеріальныя дѣла семьи были въ плохомъ положеніи [1]), назначеніе на такой важный постъ родственника, который «не могъ не порадѣть родному человѣчку», сулило въ будущемъ чины, деньги и т. под. заманчивыя вещи. Зная, однако, что сынъ врядъ ли согласится служить у Паскевича и, такимъ образомъ, стать во враждебныя отношенія съ уважаемымъ Ермоловымъ, мать рѣшила пустить въ дѣло хитрость. Вмѣстѣ съ сыномъ отправилась она къ Иверской Божьей Матери и послѣ молебна, ставши передъ нимъ на колѣни, добилась клятвы, что онъ исполнитъ ея просьбу. Просьба эта, какъ оказалось потомъ, заключалась въ томъ, чтобы служить у Паскевича. Волей неволей, религіозный и любившій свою мать, Грибоѣдовъ долженъ былъ исполнить данное слово и ѣхать на Кавказъ.

Ермоловъ еще не былъ отозванъ, и Грибоѣдовъ, такимъ образомъ, очутился между двухъ огней. «Плохое мое житье здѣсь», писалъ онъ Бѣгичеву, «два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ». Тяжело ему было, тѣмъ болѣе, что раньше онъ былъ въ такихъ хорошихъ, теплыхъ отношеніяхъ съ Ермоловымъ, а теперь приходилось испытывать «родъ прохлажденія прежней дружбы». Скоро, впрочемъ, Ермоловъ уѣхалъ и ненормальность отношеній прекратилась. Грибоѣдовъ отправился вмѣстѣ съ княземъ Паскевичемъ на театръ военныхъ дѣйствій, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ, своей храбростью и неустрашимостью обращалъ на себя всеобщее вниманіе. «Нашъ слѣпой (близорукій)», писалъ

---

[1]) Въ письмахъ Грибоѣдовъ то и дѣло говоритъ о недостаткѣ въ деньгахъ. Такъ, 19-го марта 1826 года онъ проситъ Булгарина одолжить ему 150 рублей. 31-го августа 1824 года онъ пишетъ, что хотѣлъ заѣхать къ Бѣгичеву, но «проклятый недочетъ все испортилъ, *взять было не откуда, Левъ и Солнце* (персидскій орденъ) *давно уже покоится въ ломбардѣ*.—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 189, 195, 204, 223, XIV и друг.

Паскевичъ матери, «совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями, да и только»... Дѣйствительно, испуганный однажды разорвавшимся вблизи отъ него ядромъ, Грибоѣдовъ, чтобы прогнать «гадкое чувство робости», чтобы вылечить себя отъ этого чувства, нарочно становился подъ пулями и уходилъ только, сосчитавъ опредѣленное число выстрѣловъ. Когда, послѣ битвы подъ Нахичеванью, разбитый Аббасъ-Мирза просилъ о мирѣ, Грибоѣдовъ отправленъ былъ къ нему для переговоровъ и, понявъ вполнѣ намѣренія персовъ, предсказалъ возобновленіе военныхъ дѣйствій, противъ которыхъ приняты были заранѣе предосторожности. Неудачная для персовъ война окончилась Туркманчайскимъ миромъ, по которому къ Россіи присоединена была Эриванская область, а на Персовъ наложена большая контрибуція. Главный виновникъ, Грибоѣдовъ, отправленъ былъ въ Петербургъ вѣстникомъ мира, гдѣ былъ осыпанъ почестями и получилъ необходимые для него въ то время 4,000 червонцевъ.

Награды, поздравленія, лесть, заискиванья со стороны неизвѣстныхъ до того времени друзей не могли, конечно, радовать Грибоѣдова. Тяжелое настроеніе духа не только не уменьшилось, но скорѣе увеличилось. Давно уже тяготила его мысль, что онъ живетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что судьба упорно толкаетъ его съ того пути, по которому ему хотѣлось бы идти. Происшедшій въ немъ нравственный переворотъ оторвалъ его отъ среды, въ которой онъ выросъ, поставилъ неизмѣримо выше ея и открылъ глаза на окружавшую его низость, подлость; но судьба заставляла его жить въ этой средѣ, иной разъ даже подчиняться завѣдомо нелѣпымъ, мелочнымъ ея требованіямъ. «Люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему», жаловался Грибоѣдовъ, и долженъ былъ жить съ этими людьми, чувствовать, что слабѣетъ въ борьбѣ съ ними, съ ихъ предразсудками. Онъ сознавалъ, что «рожденъ для другаго поприща», что «негодится для службы», и въ то же время не могъ бросить этой службы, хотя «ненавидѣлъ ее отъ всего сердца, несмотря ни на что, чтобы она ни обѣщала ему въ будущемъ». Онъ мучился нравственно, поступая на службу къ Паскевичу, и въ то же время не могъ этого не сдѣлать, не въ силахъ былъ поступить, какъ, по его мнѣнію, *должно* было поступить.

Этотъ разладъ между свѣтлыми мечтами и тѣмъ, во что превращала ихъ сѣрая жизнь, разладъ, обусловленный цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ обсто-

ятельствъ былъ больнымъ мѣстомъ Грибоѣдова. Друзья, вродѣ Каховскаго, не только не облегчали его нравственныхъ мученій, но еще болѣе бередили рану, доказывая, что у него слово расходится съ дѣломъ. Нерѣдко приходилось Грибоѣдову выслушивать упреки въ эгоизмѣ, холодности даже по отношенію къ такимъ друзьямъ, какъ Александръ Одоевскій, «за которыхъ бы охотно жизнь отдалъ» онъ.— «Что проку, что чувства мои неизмѣнны», писалъ Грибоѣдовъ, «когда видимые поступки тому противорѣчатъ» [1]). Недовольство собою, пессимизмъ сдѣлался преобладающимъ настроеніемъ Грибоѣдова. Въ его музыкальныхъ импровизаціяхъ слышалась постоянно тоска, глубокое чувство меланхоліи; въ письмахъ къ лучшему другу, Бѣгичеву, слышатся все чаще и чаще вопли отчаянія. «Мнѣ такъ скучно, такъ грустно», писалъ ему Грибоѣдовъ 12-го сентября 1825 года. «Я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть. Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная. Если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружаться терпѣніемъ. Пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мной повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой степени, какъ никогда не бывало. Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумашествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди»...

Служба со всѣми ея мелочными дѣлами отнимала у него время, не позволяла взяться за дѣло, которое онъ считалъ своимъ главнымъ дѣломъ, своимъ призваніемъ. «Время летитъ», говорилъ онъ, «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а, между тѣмъ, я не могу приняться за дѣло». Это еще болѣе усиливало его мрачное настроеніе духа. Съ нимъ начали дѣлаться сильные нервные припадки, продолжавшіеся по цѣлымъ часамъ, начались безсонныя ночи. Тяжело жилось Грибоѣдову до послѣдняго пріѣзда въ 1828 году въ Петербургъ, но всетаки оставалась еще небольшая надежда, что когда нибудь, и даже въ скоромъ времени, онъ выбьется изъ колеи, въ которую толкнула его судьба, начнетъ новую жизнь. «Неожидай отъ меня стиховъ», писалъ онъ Бѣгичеву. «Горцы, персіяне турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ редакціей А. И. Шляпкина. Т. I, стр. 330.—«Русскій Вѣстникъ», 1894, № 3, стр. 207.— Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. подъ редакціей А. О. Круглаго. Т. II, стр. 196.

начальника поглощаютъ все мое вниманіе. *Не надолго, разумѣется:* кончится кампанія, *и я откланяюсь*». Онъ чувствовалъ «необходимость и потребность» писать, все время лелѣялъ мечты о кабинетной жизни въ деревнѣ Бѣгичева, вдали отъ всего, что его до сихъ поръ терзало, мучило. Онъ чувствовалъ, что постарѣлъ физически и нравственно, что веселость, молодость и бодрость духа пропали. «Я не напишу болѣе комедіи», говорилъ онъ Бѣгичеву, «веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи, но есть у меня *написанная* трагедія». Трагедія эта («Грузинская ночь»), отъ которой сохранилось только двѣ сцены, основанная на народныхъ грузинскихъ преданіяхъ, была результатомъ увлеченія Шекспиромъ, которое обнаружилъ Грибоѣдовъ, по окончаніи «Горя отъ ума». «Не знаемъ», говоритъ профессоръ Алексѣй Веселовскій, «правъ ли Гречъ, говоря, что поэтъ только попробовалъ перо на «Горѣ отъ ума»; дошедшихъ до насъ двухъ сценъ и бѣглаго очерка содержанія слишкомъ недостаточно, для того, чтобы составить себѣ точное понятіе о дарованіяхъ Грибоѣдова, какъ трагика; но сильно проведенные штрихи въ характерахъ стараго самодура князя и такой же непреклонной и мстительной кормилицы, и таинственный колоритъ сцены съ горными духами указываютъ, что поэтъ вступалъ въ новый періодъ творчества, единственно возможный для него съ тѣхъ поръ, какъ веселость отъ него отлетѣла, далеко оставилъ прежнія попытки въ патетическомъ родѣ, высвободился изъ подъ власти славянизмовъ, неизбѣжныхъ у него прежде въ подобныхъ случаяхъ, и выработалъ себѣ легкость и образность слога, предвѣщающую Пушкинскую «Русалку» [1]). Но Грибоѣдову не суждено было окончить эту пьесу, осуществить свои мечты.

Судьба распорядилась иначе. Возобновлены были дипломатическія сношенія съ Персіей, и Грибоѣдовъ, какъ старожилъ, прекрасно изучившій языкъ, страну и характеръ персовъ, былъ единственнымъ кандидатомъ на должность полномочнаго посланника. Общія соображенія, горячо высказанныя министру Грибоѣдовымъ, предполагавшимъ, что его небольшой чинъ не позволитъ назначить его на этотъ важный постъ, сочтены были за намекъ, за полу-просьбу, и Грибоѣдовъ былъ назначенъ. Отказаться было нельзя, и Грибоѣдовъ отправился на вѣрную смерть. Постоянныя предчувствія, которыя онъ испытывалъ каждый разъ на пути въ Персію [2]),

[1]) *Алексѣй Веселовскій.* Этюды и характеристики, стр. 527.

[2]) Сегодня мои именины, писалъ онъ Бѣгичеву 30-го августа 1818 г., «благовѣрный

теперь достигли высшей степени. Грибоѣдовъ говорилъ вполнѣ увѣренно, что «живой изъ Персіи не воротится», на вѣки прощался съ друзьями. Въ дождливый, пасмурный день онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Жандръ и Всеволожскій провожали его до Царскаго Села. За всю дорогу не было сказано ни одного слова. До завтрака никто не дотронулся, вина никто не пилъ. Молча, простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску. Друзья проводили его глазами и, не проронивъ ни одного слова, какъ послѣ погребенія, вернулись въ Петербургъ.

Тяжелыя думы и мрачное настроеніе не покидали Грибоѣдова не только всю дорогу, но и по пріѣздѣ на Кавказъ. Нервные припадки, горячка, желтая лихорадка изнуряли его страшно, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ врачей, приходилось «ожидать выздоровленія единственно отъ дѣйствія природы». «Я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ», пишетъ Грибоѣдовъ 8-го сентября 1828 года, «что думаю капли крови здоровой во мнѣ не осталось». Несмотря на все это, здѣсь еще разъ, послѣдній разъ, улыбнулась ему надежда на лучшее. Впервые онъ узналъ чистое, правда—минутное, но дѣйствительное счастіе, котораго такъ упорно онъ добивался всю жизнь. Здѣсь впервые онъ хоть на время оставилъ недававшія ему покоя мысли о собственныхъ недостаткахъ, повѣрилъ въ свое обновленіе... Женитьба на шестнадцатилѣтней, веселой, любящей его дѣвушкѣ, княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, искренняя, горячая любовь къ этой почти что дѣвочкѣ, съ которой онъ раньше любилъ играть на роялѣ, бесѣдовать по душѣ, на время какъ будто его переродила. Письма къ друзьямъ за это время свидѣтельствуютъ о его искренней любви, о томъ, что вернулась его молодость, дышатъ искренней радостью, поэзіей.

Сильный продолжительный нервный припадокъ, происшедшій во время вѣнчанія, нарушилъ покой его души, заронилъ въ немъ искру исчезнувшихъ было сомнѣній. «Это теперь такъ свѣтло и отрадно», задумывался онъ, «а впереди такъ темно и неопредѣленно. Всегда ли такъ будетъ?» Дѣйствительно, впереди было очень неопредѣленно. Горизонтъ затянутъ былъ тучами, собиралась гроза, которой Грибоѣдовъ не могъ не предчувствовать. Шумное путешествіе по Персіи, блестящія встрѣчи, пере-

князь, по имени котораго я названъ, здѣсь (Новгородъ) прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался. Можетъ быть, и соименнаго ему секретаря посольства ждетъ таже участь, только врядъ ли я попаду въ святые.

моніи, которыя устраивали Грибоѣдову на пути, мало его развлекали. Одна только «женушка», жизнерадостная, всѣмъ довольная, ни на что не роптавшая, поддерживала нѣсколько прежнее бодрое настроеніе. Въ Тавризѣ Грибоѣдовъ оставилъ жену, сказавъ, что по дѣламъ ему нужно ѣхать въ Тегеранъ, чтобы предварительно приготовить тамъ квартиру.

Въ Тегеранѣ Грибоѣдовъ явился такимъ же грознымъ, твердымъ охранителемъ русскихъ интересовъ, какимъ былъ всегда въ сношеніяхъ съ персами. Онъ неуклонно требовалъ выполненія всѣхъ статей Туркманчайскаго договора, требовалъ внесенія тяжелой, но условленной раньше, контрибуціи, требовалъ возвращенія русскихъ плѣнныхъ. На аудіенціяхъ у шаха Грибоѣдовъ держалъ себя гордо, по выраженію одного персидскаго историка, «въ лобызаніи порога султанства не соблюлъ покорности, приличествующей слугамъ, велъ себя смѣло и дерзко, рѣчи говорилъ съ задоромъ и грубостью». Вѣроятно, Грибоѣдовъ неуклонно дѣйствовалъ по статьямъ трактата, который точно опредѣлялъ церемонію встрѣчи, пріема и представленія нашихъ посланниковъ, и не хотѣлъ выполнить какихъ нибудь произвольныхъ требованій восточнаго этикета [1]). Раздраженный шахъ не разъ прерывалъ аудіенціи, приближенные его, особенно личный врагъ Грибоѣдова, Алаяръ-ханъ, возбуждали шаха противъ посла.

Между тѣмъ, происходили частыя столкновенія, ссоры и драки между русской свитой и персіянами. Нерѣдко, безъ вѣдома Грибоѣдова, допускались большія злоупотребленія, которыя раздражали и безъ того недружелюбныхъ персіянъ. Каплей, переполнившей чашу, былъ бѣглый главный евнухъ, мирза Якубъ, просившій помочь возвратиться ему въ Россію, котораго Грибоѣдовъ принялъ подъ свою защиту, а также двѣ русскія подданныя, одна грузинка, другая нѣмка, убѣжавшія изъ гарема въ русское посольство. Начали ходить слухи, что ихъ насильно удерживали въ посольствѣ, что Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. Персидское правительство усиленно настаивало на выдачѣ Якуба, знакомаго со всѣми тайнами шахскаго двора, обвиняя его въ томъ, что онъ обворовалъ казну шаха... Народъ волновался...

Повидимому, однако, все должно было кончиться благополучно. Былъ назначенъ даже день отъѣзда посольства. Усталый, измученный тяже-

[1]) *В. Жуковскій.* Персидскія лѣтописцы о смерти А. С. Грибоѣдова. «Новое Время», 1890. № 5068.

лыми переговорами ожидалъ Грибоѣдовъ этого дня. Въ безсонныя ночи, когда все кругомъ спало, онъ находилъ отраду въ мысляхъ о прошломъ, грустилъ по любимой «женушкѣ». «Помнишь, другъ мой», писалъ онъ ей въ одну изъ такихъ ночей, «какъ я за тебя сватался, безъ посредниковъ, тутъ не было третьяго. Помнишь, какъ я тебя въ первый разъ поцѣловалъ, скоро и искренно мы съ тобой сошлись и на вѣки. Помнишь первый вечеръ, какъ маменька твоя и бабушка, Прасковья Николаевна, сидѣли на крыльцѣ, а мы съ тобой—въ глубинѣ окошка; какъ я тебя прижималъ, а ты, душка, раскраснѣлась; я училъ тебя, какъ надо цѣловаться крѣпче и крѣпче. А какъ я потомъ воротился изъ лагеря, и ты у меня бывала. Когда я къ тебѣ ворочусь!». Былое счастіе воскресало въ воображеніи тосковавшаго Грибоѣдова. Какъ бы предчувствуя надвигавшуюся грозу, ему хотѣлось оглянуться на это счастіе, хотѣлось вспомнить все хорошее, все счастливое, что только было въ его жизни, чтобы хоть передъ смертью примириться съ этой жизнью.

Между тѣмъ, фанатическое духовенство проповѣдывало на базарахъ и улицахъ месть русскимъ. Стотысячная толпа, воспламененная этими воззваніями, окружила 30-го января 1829 года посольскій домъ. Всѣ крыши вокругъ заняты были народомъ. Никѣмъ не сдерживаемая разъяренная стихія бросилась на домъ, быстро смяла незначительный караулъ. Все было разорено, разграблено до появленія посланныхъ шаха, потребовавшихъ удаленія толпы. Среди груды труповъ найдено было до неузнаваемости изуродованное тѣло Грибоѣдова. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ простомъ гробу, на грузинской арбѣ, запряженной парой воловъ, доставлено было тѣло несчастнаго Грибоѣдова въ русскіе предѣлы и съ большими почестями погребено въ Тифлисѣ, близъ церкви Св. Давида [1]). Далеко не всѣ современники могли оцѣнить по достоинству всю горесть этой утраты. По словамъ Пушкина, многіе изъ друзей Грибоѣдова скептически улыбались при словахъ о его великомъ значеніи [2]). Одна жена вполнѣ вѣрно оцѣнила значеніе своего мужа, сдѣлавъ на памятникѣ надпись: *Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской.* Справедливость этихъ словъ значительно позже подтвердилъ Гончаровъ. «Каждое дѣло, требующее обновленія»,

---

[1]) А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Изд. Е. Серчевскаго Спб. 1858, стр. XXXII—XXXVI.

[2]) Сочиненія А. С. Пушкина (изд. Литер. фонда). Т. IV, стр. 431.

писалъ онъ, «вызываетъ тѣнь Чацкаго,—и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ,—ни группировались люди—имъ никогда не уйти отъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта *учиться, на старшихъ глядя,* съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ *свободной жизни* впередъ и впередъ, съ другой. Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія» [1]).

Вл. Боцяновскій.

[1]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Т. VIII, стр. 155.

18 29

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Сего дня въ Понедѣльникъ, 2 Декабря, Россійскими Придворными Актерами представлено будетъ

въ пользу Актрисы Г-жи [illegible]

въ первый разъ

ІОАННЪ

ГЕРЦОГЪ ФИНЛЯНДСКІЙ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г-жи Вейсентурнъ, переведенная съ Нѣмецкаго стихами Н. Г. Оболдуевымъ

Въ коей будетъ играть роль Герцогини Екатерины г-жа Каратыгина б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эрикъ XIV, Король Шведскій	Г-нъ [illegible]
Королева Марія, его супруга	Г-жа [illegible] б.
Герцогъ Іоаннъ, его братъ отъ другой матери	Г-нъ Григорьевъ б.
Герцогиня Екатерина, его супруга	Г-жа Каратыгина б.
Сигизмундъ, ихъ сынъ	Г-жи [illegible]
Графъ Гранъ, Государственный Канцлеръ	Г-нъ Толченовъ.
Графъ Христіанъ Рихеръ, его племянникъ	Г-нъ Каратыгинъ б.
Графъ Гарденъ, Тайный Совѣтникъ	Г-нъ Бурецъ [illegible]
Бонвидъ } Шведскіе дворяне, друзья Графа Рихера	Г-нъ [illegible]
Даль	Г-нъ Каратыгинъ м.
Струвъ	Г-нъ [illegible]
Валовскій, посланникъ	Г-нъ Каменскій.
Каммергеръ	Г-нъ [illegible]
Капитанъ дворцовой стражи	Г-нъ Григорьевъ м.
Робертъ, слуга Графа Рихера	Г-нъ [illegible] б.
Фрицъ, бывшій слуга Герцога Іоанна	Г-нъ Радинъ.
Пажъ Королевы	Г-нъ [illegible] (восп.)
Грусель, пикементь	Г-нъ [illegible]

Члены Государственнаго Совѣта. Свита Посланника.

Дѣйствіе происходитъ въ Штокгольмѣ въ 1566 году.

За оною послѣдуетъ:

ТЕАТРАЛЬНОЕ ФОЙЕ

или: СЦЕНА ПОЗАДИ СЦЕНЫ,

Интермедія дивертиссементъ, составленная изъ декламацій, пѣнія, танцовъ и плясокъ.

Въ оной интермедіи будетъ играна сцена изъ комедіи

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Въ оной же интермедіи г. Шуваловъ и г-жа Иванова будутъ пѣть: дуэтъ составленный изъ двухъ Рускихъ пѣсенъ: *Лучина лучинушка березовая* и *улица улица моя*, соч. г. Кашина. Танцовать будутъ: Гг. Огюстъ, Эбергардъ, Трифановъ и Шеляховъ с., г-жи Шемаева б, Ефремова, Дидье и Азарова Краковякъ; г. Гольцъ съ г-жами Бертранъ-Атрюкесъ и Истоминой pas de trois; г. Спиридоновъ м. и г-жа Телешова м. pas de deux.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ КОМЕДІИ;

Чадскій	Г-нъ Сосницкій
Фамусовъ	Г-нъ Брянскій.
Софья Павловна	Г-жа Семенова
Лиза, ея горничная	Г-жа Монготье (восп.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ИНТЕРМЕДІИ.

Режиссеръ театра	Г-нъ [illegible]
Актеры	Г-нъ Сосницкій.
	Г-нъ Брянскій.
Актрисы	Г-жа Семенова.
	Г-жа Монготье (восп.)
Пѣвицы	Г-жа Иванова.
	Г-жа [illegible]
Пѣвецъ	Г-нъ Шуваловъ.
Дирижеръ	Г-нъ [illegible]
Балетмейстеръ	Г-нъ Григорьевъ м.

Начало въ 7 часовъ.

Особы, желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору Большаго Театра.

Факсимиле афиши перваго представленія въ С.-Петербургѣ сцены 1-го дѣйствія комедіи А. С. Грибоѣдова—«Горе отъ ума».

ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ

комедіи А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума»

на сценахъ Императорскихъ театровъ

(со дня первой постановки по 4-е января 1895 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1829 г.

1) 2-го декабря—сцена 1-го дѣйствія (въ 1-й разъ) (бенефисъ М. И. Валберховой) [1].

2) 5-го декабря—сцена 1-го дѣйствія.

1830 г.

3) 5-го февраля—3-е дѣйствіе (въ 1-й разъ) (бенефисъ А. М. Каратыгиной).

4) 8-го февраля—3-е дѣйствіе.

5) 11-го » 3-е »

6) 12-го мая — 3-е дѣйствіе (въ пользу заведеній Женскаго Патріотическаго Общества).

7) 19-го мая—3-е дѣйствіе.

8) 16-го іюня — 3-е и 4-е дѣйствія (послѣднее въ 1-й разъ) (бенефисъ П. А. Каратыгина и И. И. Григорьева).

9) 20-го іюня —3-е и 4-е дѣйствія.

10) 25-го » 3-е и 4-е »

11) 30-го августа —3-е и 4-е »

12) 4-го сентября—3-е и 4-е »

13) 16-го » 3-е и 4-е »

14) 9-го октября — сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

15) 21-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

16) 28-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

17) 13-го ноября — сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

18) 21-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

19) 25-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

20) 30-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

21) 9-го декабря — сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

---

[1]) Въ «Хроникѣ Петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа (ч. I, стр. 21) ошибочно указывается, что 1-е дѣйствіе комедіи «Горе отъ ума» было впервые поставлено въ январѣ 1830 года, въ бенефисъ И. И. Сосницкаго.

22) 16-го декабря — сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

23) 30-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

1831 г.

24) 8-го января — сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

25) 15-го » сцена 1-го дѣйствія и 3-е и 4-е дѣйствія.

26) 26-го » вся комедія (въ 1-й разъ) (бенефисъ Я. Г. Брянскаго).

27) 30-го »

28) 2-го февраля.

29) 5-го »

30) 9-го »

31) 16-го »

32) 19-го »

33) 26-го »

34) 28-го »

35) 8-го мая.

36) 28-го »

37) 23-го іюня.

38) 9-го октября.

39) 15-го »

40) 27-го »

41) 19-го ноября.

1832 г.

42) 13-го января.

43) 20-го »

44) 11-го февраля.

45) 21-го »

46) 6-го мая.

47) 25-го » (гастроль М. С. Щепкина).

48) 3-го іюня (гастроль М. С. Щепкина).

49) 3-го іюля.

50) 16-го августа.

51) 21-го октября.

52) 16-го ноября.

1833 г.

53) 8-го января.

54) 1-го февраля.

55) 12-го »

56) 20-го апрѣля (гастроль П. С. Мочалова).

57) 27-го іюля.

58) 13-го сентября.

59) 7-го ноября.

60) 23-го »

1834 г.

61) 10-го января.

62) 1-го марта.

63) 11-го мая.

64) 18-го іюня (бенефисъ кордебалетныхъ танцоровъ).

65) 18-го іюля.

66) 28-го сентября.

67) 6-го ноября.

68) 5-го декабря (гастроль П. Г. Степанова).

69) 13-го » (гастроль П. Г. Степанова).

70) 27-го »

1835 г.

71) 12-го февраля.

72) 23-го апрѣля.

73) 5-го мая.

74) 19-го іюня.

75) 16-го іюля.

76) 18-го августа.

77) 11-го сентября.

78) 30-го октября.

79) 11-го декабря.

1836 г.

80) 24-го мая.

81) 17-го августа.

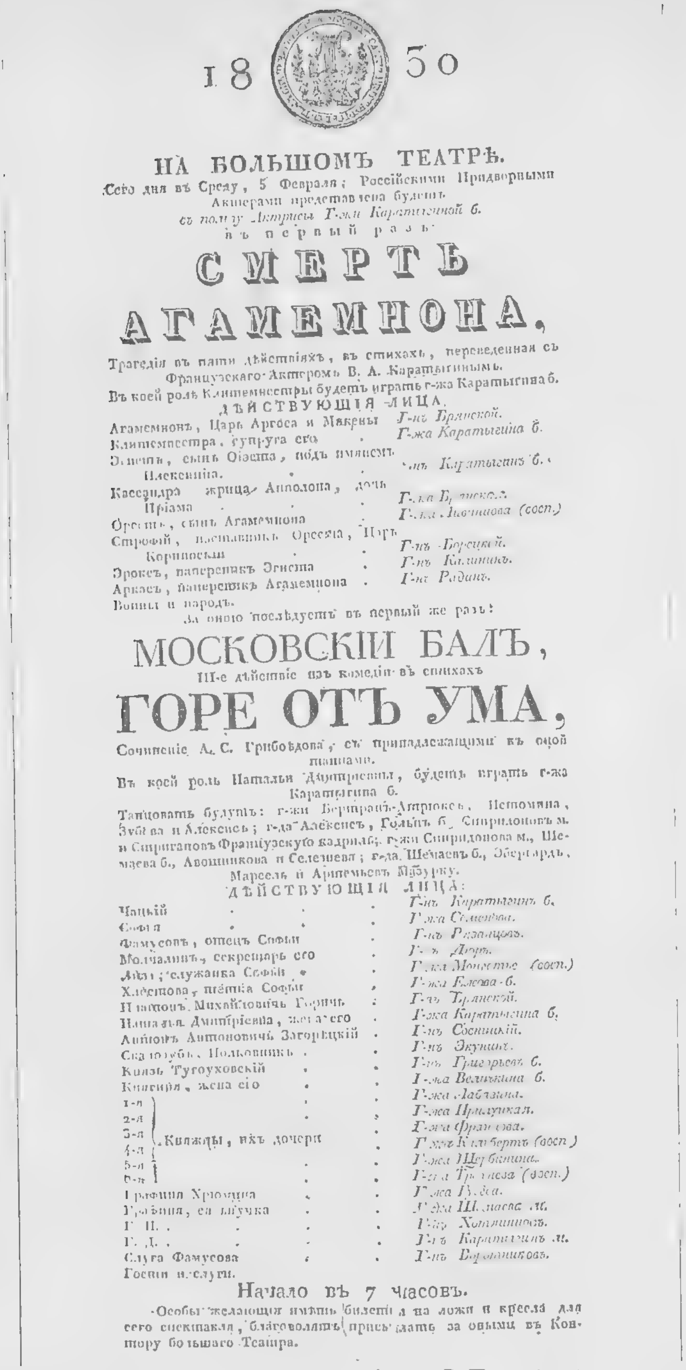
82) 25-го ноября.

1837 г.

83) 27-го января.

84) 17-го октября.

85) 16-го ноября.



1830

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Сего дня въ Среду, 5 Февраля; Россійскими Придворными Актерами представлена будетъ съ пользу Актрисы Г-жи Каратыгиной б. въ первый разъ

СМЕРТЬ АГАМЕМНОНА,

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная съ Французскаго Актеромъ В. А. Каратыгинымъ.

Въ коей роль Клитемнестры будетъ играть г-жа Каратыгина б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агамемнонъ, Царь Аргоса и Микены	Г-нъ Брянской.
Клитемнестра, супруга его	Г-жа Каратыгина б.
Эгистъ, сынъ Оіэста, подъ именемъ Плексенія.	Г-нъ Каратыгинъ б.
Кассандра жрица Аполлона, дочь Пріама	Г-жа Брянская.
Орестъ, сынъ Агамемнона	Г-жа Лючинова (восп.)
Строфій, наставникъ Ореста, Царь Коринфскій	Г-нъ Борецкой.
Эрoкъ, наперсникъ Эгиста	Г-нъ Калининъ.
Аркасъ, наперсникъ Агамемнона	Г-нъ Радинъ.
Воины и народъ.	

За оною последуетъ въ первый же разъ:

МОСКОВСКІЙ БАЛЪ,

III-е дѣйствіе изъ комедіи въ стихахъ

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Сочиненіе А. С. Грибоѣдова, съ принадлежащими къ оной танцами.

Въ коей роль Натальи Дмитріевны, будетъ играть г-жа Каратыгина б.

Танцовать будутъ: г-жи Бертранъ-Атрюкесъ, Истомина, Зубова и Алексеева; г-да Алексеевъ, Гольцъ б., Спиридоновъ м. и Стриганов Французскую кадриль; г-жи Спиридонова м., Шемаева б., Авошникова и Селезнева; г-да Шемаевъ б., Эбергардъ, Марсель и Артемьевъ Мазурку.

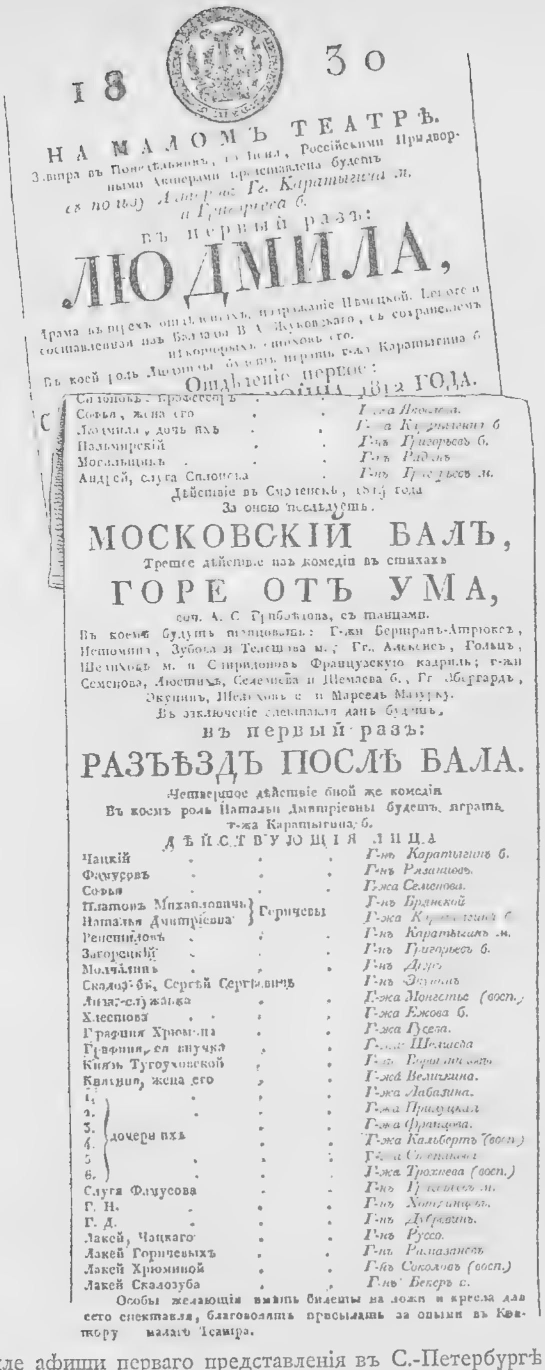
ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чацкій	Г-нъ Каратыгинъ б.
Софія	Г-жа Семенова.
Фамусовъ, отецъ Софьи	Г-нъ Рязанцовъ.
Молчалинъ, секретарь его	Г-нъ Дюръ.
Лиза, служанка Софьи	Г-жа Монготье (восп.)
Хлестова, тётка Софьи	Г-жа Ежова б.
Платонъ Михайловичъ Горичъ	Г-нъ Брянской.
Наталья Дмитріевна, жена его	Г-жа Каратыгина б.
Антонъ Антоновичъ Загорецкій	Г-нъ Сосницкій.
Скалозубъ, Полковникъ	Г-нъ Экунинъ.
Князь Тугоуховскій	Г-нъ Григорьевъ б.
Княгиня, жена его	Г-жа Величкина б.
1-я Княжна, ихъ дочери	Г-жа Лабазина.
2-я	Г-жа Прилуцкая.
3-я	Г-жа Францова.
4-я	Г-жа Кильбертъ (восп.)
5-я	Г-жа Щербинина.
6-я	Г-жа Тряпцева (восп.)
Графиня Хрюмина	Г-жа Бузя.
Графиня, ея внучка	Г-жа Шемаева м.
Г. Н.	Г-нъ Хотяинцовъ.
Г. Д.	Г-нъ Каратыгинъ м.
Слуга Фамусова	Г-нъ Воротниковъ.
Гости и слуги.	

Начало въ 7 часовъ.

Особы желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору большаго Театра.

Факсимиле афиши перваго представленія въ С.-Петербургѣ 3-го дѣйствія комедіи А. С. Грибоѣдова—«Горе отъ ума».



1830

НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Завтра въ Понедѣльникъ, [illegible] Іюня, Россійскими Придворными Актерами представлена будетъ (въ пользу) Актеровъ Гг. Каратыгина м. и Григорьева б.

въ первый разъ:

ЛЮДМИЛА,

Драма въ трехъ отдѣленіяхъ, подражаніе Нѣмецкой, Lenore и составленная изъ Баллады В. А. Жуковскаго, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ стиховъ его.

Въ коей роль Людмилы будетъ играть г-жа Каратыгина б.

Отдѣленіе первое:

[illegible] 1812 ГОДА.

Салоновъ, профессоръ	[illegible]
Софья, жена его	Г-жа Яковлева.
Людмила, дочь ихъ	Г-жа Каратыгина б.
Пальмирскій	Г-нъ Григорьевъ б.
Могильщикъ	Г-нъ Радинъ
Андрей, слуга Салонова	Г-нъ Григорьевъ м.

Дѣйствіе въ Смоленскѣ, 1812 года

За оною послѣдуетъ.

МОСКОВСКІЙ БАЛЪ,

Третье дѣйствіе изъ комедіи въ стихахъ

ГОРЕ ОТЪ УМА,

соч. А. С. Грибоѣдова, съ танцами.

Въ коемъ будутъ танцовать: Г-жи Бертранъ-Атрюксъ, Истомина, Зубова и Телешова м.; Гг. Алексисъ, Гольцъ, Шелиховъ м. и Спиридоновъ Французскую кадриль; г-жи Семенова, Люстихъ, Селезнева и Шемаева б., Гг. Эбергардъ, Экунинъ, Шелиховъ с. и Марсель Мазурку.

Въ заключеніе спектакля данъ будетъ,

въ первый разъ:

РАЗЪѢЗДЪ ПОСЛѢ БАЛА.

Четвертое дѣйствіе оной же комедіи

Въ коемъ роль Натальи Дмитріевны будетъ играть г-жа Каратыгина б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Чацкій		Г-нъ Каратыгинъ б.
Фамусовъ		Г-нъ Рязанцовъ.
Софья		Г-жа Семенова.
Платонъ Михайловичъ	Горичевы	Г-нъ Брянской
Наталья Дмитріевна		Г-жа Каратыгина б.
Репетиловъ		Г-нъ Каратыгинъ м.
Загорецкій		Г-нъ Григорьевъ б.
Молчалинъ		Г-нъ Дюръ
Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ		Г-нъ Экунинъ
Лиза, служанка		Г-жа Монгенье (восп.)
Хлестова		Г-жа Ежова б.
Графиня Хрюмина		Г-жа Гусева.
Графиня, ея внучка		Г-жа Шелихова
Князь Тугоуховской		Г-нъ [illegible]
Княгиня, жена его		Г-жа Величкина.
1.	дочери ихъ	Г-жа Лабазина.
2.		Г-жа Прилуцкая
3.		Г-жа Французова.
4.		Г-жа Кальбертъ (восп.)
5.		Г-жа [illegible]
6.		Г-жа Трохнева (восп.)
Слуга Фамусова		Г-нъ Григорьевъ м.
Г. Н.		Г-нъ [illegible]
Г. Д.		Г-нъ Дубравинъ.
Лакей Чацкаго		Г-нъ Руссо.
Лакей Горичевыхъ		Г-нъ Рамазановъ
Лакей Хрюминой		Г-нъ Соколовъ (восп.)
Лакей Скалозуба		Г-нъ Бекеръ с.

Особы желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору малаго Театра.

Факсимиле афиши перваго представленія въ С.-Петербургѣ 4-го дѣйствія комедіи А. С. Грибоѣдова—«Горе отъ ума».

1838 г.

86) 12-го января.
87) 11-го апрѣля (гастроль М. С. Щепкина).

1839 г.

88) 26-го іюня—2-е и 3-е дѣйствія (гастроли г. Орлова и П. И. Орловой, бенефисъ Н. И. Куликова).
89) 28-го іюня—2-е и 3-е дѣйствія (гастроли г. Орлова и П. И. Орловой).

1840 г.

Не было представленій.

1841 г.

90) 16-го января.
91) 19-го »
92) 26-го »
93) 5-го февраля.
94) 22-го октября.
95) 20-го ноября.

1842 г.

96) 3-го декабря.
97) 26-го »

1843 г.

98) 26-го января.
99) 18-го февраля.
100) 6-го мая.
101) 28-го сентября.

1844 г.

102) 1-го января.
103) 22-го »
104) 3-го февраля.
105) 28-го апрѣля.
106) 19-го мая.
107) 22-го »
108) 3-го іюля.
109) 11-го сентября (гастроль М. С. Щепкина).
110) 17-го » (гастроль М. С. Щепкина).
111) 25-го » (гастроль М. С. Щепкина).
112) 11-го октября (гастроль М. С. Щепкина).
113) 16-го » (гастроль М. С. Щепкина).
114) 27-го » (гастроль М. С. Щепкина).

1845 г.

115) 24-го февраля.
116) 26-го августа.
117) 30-го октября.

1846 г.

118) 12-го февраля.
119) 17-го апрѣля (гастроль И. В. Самарина).
120) 17-го мая (гастроль И. В. Самарина).
121) 22-го »
122) 29-го іюля (гастроль И. В. Самарина).
123) 23-го сентября.

1847 г.

124) 1-го января.
125) 6-го апрѣля.
126) 9-го мая.
127) 13-го іюня.
128) 16-го іюля.
129) 3-го сентября.
130) 29-го октября.
131) 28-го декабря.

1848 г.

132) 14-го февраля.
133) 16-го августа.
134) 5-го октября.

1849 г.

135) 25-го августа.
136) 8-го сентября (гастроль М. С. Щепкина).
137) 6-го октября (гастроль М. С. Щепкина).
138) 25-го » (гастроль М. С. Щепкина).
139) 21-го декабря.

1850 г.

140) 9-го января.
141) 16-го "
142) 30-го апрѣля.
143) 22-го іюня.
144) 22-го ноября.

1851 г.

145) 23-го мая.
146) 4-го іюня.

1852 г.

147) 7-го февраля.
148) 20-го августа (гастроль М. С. Щепкина).
149) 3-го сентября (гастроль М. С. Щепкина).
150) 27-го декабря.

1853 г.

151) 3-го сентября.
152) 15-го октября.

1854 г.

153) 20-го октября.

1855 г.

154) 31-го января.

1856 г.

Не было представленій.

1857 г.

155) 28-го января (бенефисъ А. Е. Мартынова).
156) 30-го "
157) 1-го февраля.
158) 6-го "
159) 13-го "
160) 17-го "
161) 20-го мая.
162) 5-го іюня.
163) 22-го августа.
164) 24-го сентября.

1858 г.

165) 2-го февраля.
166) 23-го апрѣля.
167) 25-го августа.
168) 22-го октября.
169) 9-го декабря.

1859 г.

170) 27-го января.
171) 21-го апрѣля (гастроль М. С. Щепкина).
172) 16-го августа.
173) 4-го ноября.
174) 4-го декабря.

1860 г.

175) 4-го января.
176) 11-го февраля.
177) 12-го апрѣля.

1861 г.

Не было представленій.

1862 г.

178) 20-го сентября (бенефисъ Е. М. Левкѣевой).
179) 25-го "
180) 30-го октября.

1863 г.

181) 20-го января.
182) 9-го февраля.
183) 4-го апрѣля.
184) 9-го мая.
185) 3-го сентября.
186) 18-го "
187) 7-го ноября.

1864 г.

188) 28-го сентября.
189) 19-го октября.
190) 27-го ноября.
191) 30-го декабря.

1865 г.

192) 28-го января.
193) 10-го октября.
194) 15-го декабря (бенефисъ инвалидовъ).

1866 г.

195) 16-го января.
196) 19-го мая.
197) 14-го октября.
198) 21-го "

18 31

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Завтра въ Понедѣльникъ, 26 Генваря, Россійскими Придворными Актерами представлено будетъ *въ пользу Актера Г. Брянскаго* въ первый разъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова.

Въ коей роль Натальи Дмитревны будетъ играть г-жа Каратыгина б.

Въ 3-мъ актѣ сей комедіи поставлена будетъ новая декорація, изображающая богатое зало и писанная декораторомъ г. Мазонески.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Афонасьевичь Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ	*Г-нъ Рязанцовъ.*
Софья Павловна, дочь его	*Г-жа Семенова.*
Александръ Андреичъ Чацкій	*Г-нъ Каратыгинъ, б.*
Платонъ Михайловичь } Горичевы	*Г-нъ Брянской.*
Наталья Дмитревна } Горичевы	*Г-жа Каратыгина б*
Репетиловъ	*Г-нъ Сосницкій.*
Антонъ Антоновичь Загорецкій	*Г-нъ Каратыгинъ м.*
Алексѣй Степановичь Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ	*Г-нъ Дюръ.*
Полковникъ Сергѣй Сергѣевичь Скалозубъ	*Г-нъ Григорьевъ б*
Лиза, служанка	*Г-жа Азаревичева*
Хлестова	*Г-жа Ежова б.*
Графиня Хрюмина	*Г-жа Гусева.*
Графиня, ея внучка	*Г-жа Прилуцкая.*
Князь Тугоуховской	*Г-нъ Ворошниковъ.*
Княгиня, жена его	*Г-жа Величкина.*
1-я дочери ихъ	*Г-жа Лабазина.*
2-я дочери ихъ	*Г-жа Монготье (восп.)*
3-я дочери ихъ	*Г-жа Григорьева.*
4-я дочери ихъ	*Г-жа Кальбрехтъ (с ж.*
5-я дочери ихъ	*Г-жа Степанова*
6-я дочери ихъ	*Г-жа Трохнева (восп.)*
1-й слуга Фамусова	*Г-нъ Алекинъ м*
2-й слуга Фамусова	*Г-нъ Мѣльниковъ.*
Г. Н.	*Г-нъ Григорьевъ м.*
Г. Д.	*Г-нъ Дубровинъ.*
Лакей Чацкаго	*Г-нъ Руссо*
Лакей Горичевыхъ	*Г-нъ Пилановскій.*
Лакей Хрюминой	*Г-нъ Соколовъ.*
Лакей Скалозуба	*Г-нъ Бекеръ 2.*

За оною послѣдуетъ:

БОЛЬШОЙ ДИВЕРТИССЕМЕНТЪ,

Составленный изъ разныхъ плясокъ и танцовъ.

Танцующіе: Г-жи Бертранъ-Атрюксъ, Алексисъ, Зубова, Крутицкая, Селезнева м., Аовинникова, Шемаева б., Телешова б. и Азарова, Гг. Алексисъ, Гольцъ, Шелиховъ м., Спиридоновъ м., Шемаевъ б., Эбергардъ, Трифановъ и Артемьевъ

Особы, желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору большаго Театра.

Факсимиле афиши перваго представленія въ С.-Петербургѣ комедіи А. С. Грибоѣдова—«Горе отъ ума».

1867 г.

199) 17-го ноября.
200) 1-го декабря.
201) 20-го »

1868 г.

202) 4-го апрѣля.
203) 17-го сентября.
204) 8-го октября.

1869 г.

205) 9-го февраля.
206) 14-го декабря (бенефисъ П. А. Каратыгина).
207) 17-го »

1870 г.

208) 8-го января.
209) 20-го февраля.
210) 16-го августа.
211) 31-го »

1871 г.

212) 10-го декабря (бенефисъ И. И. Монахова).
213) 29-го »

1872 г.

214) 2-го января.
215) 10-го »
216) 4-го февраля.
217) 9-го »
218) 22-го »
219) 20-го апрѣля.
220) 22-го августа.
221) 21-го сентября.
222) 10-го октября.
223) 9-го ноября.

1873 г.

224) 12-го апрѣля.
225) 17-го »
226) 16-го августа.
227) 11-го сентября.
228) 18-го октября.
229) 1-го ноября.

1874 г.

230) 3-го января.
231) 3-го сентября.
232) 15-го сентября.
233) 27-го октября—4-е дѣйствіе (бенефисъ Н. Ѳ. Сазонова).

1875 и 1876 гг.

Не было представленій.

1877 г.

234) 14-го января (бенефисъ П. А. Каратыгина).
235) 19-го »
236) 27-го »
237) 31-го »
238) 11-го марта.
239) 17-го мая.
240) 8-го сентября.
241) 21-го декабря.

1878 г.

242) 28-го марта.
243) 11-го сентября.
244) 9-го октября.

1879 г.

Не было представленій.

1880 г.

245) 27-го августа.
246) 1-го сентября.
247) 5-го »
248) 8-го »
249) 15-го »
250) 20-го »
251) 24-го »
252) 2-го октября.
253) 11-го »
254) 14-го »
255) 18-го ноября.

1881 г.

256) 7-го января.
257) 13-го »
258) 26-го » (въ день 50-лѣтія первой постановки).

259) 20-го февраля.
260) 2-го сентября.
261) 20-го октября.

1882 г.

Не было представленій.

1883 г.

262) 18-го февраля—3-е и 4-е дѣйствія (бенефисъ А. А. Нильскаго).

1884 г.

263) 30-го августа.
264) 3-го сентября.
265) 16-го »
266) 25-го ноября.

1885 г.

267) 29-го апрѣля.
268) 15-го мая.
269) 30-го августа.
270) 5-го сентября.
271) 15-го »
272) 14-го ноября (безплатный спектакль для воспитанниковъ учебныхъ заведеній).

1886 г.

273) 31-го августа.

1887, 1888 и 1889 гг.

Не было представленій.

1890 г.

274) 21-го сентября.
275) 24-го »
276) 26-го »
277) 30-го »
278) 9-го октября.
279) 11-го »
280) 14-го ноября (безплатный спектакль для воспитанниковъ учебныхъ заведеній).
281) 25-го »
282) 13-го декабря.
283) 28-го »

1891 г.

284) 9-го января.
285) 18-го »
286) 27-го »
287) 6-го февраля.
288) 26-го » (безплатный спектакль для воспитанниковъ учебныхъ заведеній).
289) 2-го сентября.
290) 3-го октября.
291) 6-го »
292) 1-го декабря.
293) 20-го »

1892 г.

294) 26-го января.
295) 16-го апрѣля.
296) 30-го августа.
297) 18-го октября.
298) 30-го декабря.

1893 г.

299) 3-го февраля.
300) 6-го мая.
301) 2-го сентября.
302) 31-го декабря.

1894 г.

303) 30-го января.

Итого, комедія «Горе отъ ума» со дня первой постановки по 4-е января 1895 года (день 100-лѣтія дня рожденія А. С. Грибоѣдова) была исполнена на С.-Петербургской сценѣ 274 раза полностью и 29 разъ отдѣльными дѣйствіями или сценами, а всего—303 раза.

МОСКВА [1]).

1831 г. [2])

1) 27-го ноября.
2) 30-го »
3) 22-го декабря.

1832 г.

4) 4-го января.
5) 26-го »
6) 9-го февраля.
7) 14-го апрѣля.
8) 18-го »
9) 21-го »
10) 27-го » (гастроль И. И. Сосницкаго).
11) 4-го іюля.
12) 16-го августа.
13) 27-го сентября.
14) 25-го октября.
15) 14-го декабря.

1833 г.

16) 16-го января.
17) 28-го апрѣля (гастроли В. А. Каратыгина и А. М. Каратыгиной, бенефисъ г. Орлова и Д. Т. Ленскаго).
18) 9-го іюня.
19) 21-го сентября.
20) 9-го ноября.

1834 г.

21) 2-го мая.
22) 4-го сентября.
23) 13-го ноября.
24) 31-го декабря.

1835 г.

25) 19-го іюля.
26) 25-го августа.
27) 29-го октября.
28) 31-го декабря.

1836 г.

29) 3-го февраля.
30) 5-го мая.
31) 23-го августа.
32) 27-го октября.
33) 3-го ноября.
34) 7-го декабря.

1837 г.

35) 31-го января.
36) 17-го февраля.
37) 3-го октября.
38) 9-го ноября.
39) 22-го декабря.

1838 г.

40) 1-го февраля.
41) 27-го мая.
42) 22-го августа.

1839 г.

43) 15-го января.
44) 30-го іюня.
45) 11-го ноября.

1840 г.

Не было представленій.

1841 г.

46) 29-го іюня.

1842 г.

47) 2-го ноября.

1843 г.

48) 15-го января.
49) 27-го августа.
50) 26-го сентября.

---

[1]) Свѣдѣнія о представленіяхъ комедіи «Горе отъ ума» на сценѣ Императорскихъ Московскихъ театровъ любезно сообщены намъ режиссеромъ московской русской драматической труппы С. А. Черневскимъ.

[2]) До 1831 года исполнялось на Московской сценѣ одно только 3-е дѣйствіе, но, за неимѣніемъ въ архивѣ Дирекціи афишъ за эти годы, мы не можемъ указать ни дня перваго представленія его, ни числа разъ исполненія.

1844 г.

51) 20-го января.
52) 27-го апрѣля.
53) 9-го мая — 3-е и 4-е дѣйствія.
54) 29-го » — 3-е и 4-е »
55) 17-го іюля. — 3-е и 4-е »
56) 25-го августа.
57) 8-го ноября.
58) 28-го декабря.

1845 г.

59) 29-го января.
60) 23-го февраля.
61) 2-го іюля.
62) 5-го » — 3-е дѣйствіе.
63) 2-го октября.
64) 2-го ноября.

1846 г.

65) 11-го января.
66) 12-го ноября.

1847 г.

67) 7-го января.
68) 31-го »
69) 23-го мая.
70) 4-го сентября.
71) 4-го декабря.

1848 г.

72) 23-го января.
73) 20-го февраля.
74) 27-го сентября.
75) 2-го ноября.
76) 16-го декабря.

1849 г.

77) 18-го января.
78) 22-го апрѣля.
79) 14-го ноября.
80) 9-го декабря.

1850 г.

81) 22-го января.
82) 27-го февраля.
83) 5-го октября.
84) 14-го ноября.

1851 г.

85) 12-го февраля.
86) 20-го апрѣля — (гастроль В. В. Самойловой).
87) 22-го іюня.
88) 18-го октября.
89) 29-го ноября.

1852 г.

90) 8-го января.
91) 28-го »
92) 23-го іюня.
93) 10-го октября.
94) 28-го ноября.

1853 г.

95) 2-го января.
96) 27-го »
97) 26-го февраля.
98) 15-го іюня.
99) 18-го сентября.
100) 13-го октября.
101) 3-го ноября.
102) 21-го декабря.

1854 г.

103) 19-го февраля.
104) 4-го іюня.
105) 24-го августа.
106) 29-го октября.

1855 г.

107) 4-го января.

1856 г.

108) 25-го іюля.
109) 19-го сентября (гастроли Н. Н. Орловой).
110) 5-го ноября.
111) 2-го декабря.
112) 30-го »

1857 г.

113) 1-го февраля.
114) 14-го »

115) 30-го апрѣля.
116) 21-го іюня.
117) 9-го сентября.
118) 6-го ноября.

1858 г.

119) 8-го января.
120) 8-го сентября (бенефисъ П. Г. Степанова).
121) 12-го »
122) 30-го »
123) 26-го ноября.

1859 г.

124) 19-го января.
125) 24-го августа.
126) 22-го сентября.
127) 2-го ноября.
128) 7-го декабря.

1860 г.

129) 22-го января.
130) 14-го апрѣля.
131) 28-го сентября.

1861 г.

132) 19-го января.
133) 24-го февраля.
134) 2-го марта.
135) 23-го мая.
136) 23-го августа.
137) 6-го октября.

1862 г.

138) 2-го января.
139) 16-го февраля.
140) 6-го іюля — 3-е дѣйствіе (въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ въ С.-Петербургѣ).
141) 21-го августа.
142) 25-го октября.
143) 21-го ноября.
144) 13-го декабря.

1863 г.

Не было представленій.

1864 г.

145) 19-го октября (бенефисъ режиссера Богданова).
146) 7-го декабря (бенефисъ С. В. Шумскаго).
147) 9-го »
148) 10-го »
149) 11-го »
150) 15-го »
151) 28-го »

1865 г.

152) 21-го января.
153) 8-го февраля.
154) 30-го апрѣля (бенефисъ капельмейстера Эрлангера).
155) 14-го мая.
156) 19-го августа.
157) 8-го ноября.

1866 г.

158) 22-го августа.
159) 3-го ноября.
160) 27-го декабря.

1867 г.

161) 23-го февраля.
162) 10-го мая (бенефисъ суфлеровъ гг. Ер[illegible] и Вильнебена).
163) 10-го »

1868 г.

164) 5-го сентября.
165) 26-го »

1869 г.

166) 3-го сентября.
167) 23-го »

1870 г.

168) 23-го октября (бенефисъ г. Дурнова).

1871 г.

169) 10-го января (бенефисъ И. В. Самарина).
170) 31-го декабря (бенефисъ В. И. Живокини).

1872 г.

171) 10-го февраля (бенефисъ М. А. Рышнова).

172) 24-го »

173) 10-го августа.

174) 3-го сентября.

1873 г.

175) 21-го января.

176) 16-го февраля.

1874 г.

177) 3-го января (бенефисъ П. В. Самарина).

1875 г.

178) 11-го сентября (бенефисъ П. Я. Рябова).

179) 22-го

180) 24-го октября.

181) 20-го ноября.

182) 30-го декабря.

1876 г.

183) 30-го апрѣля.

184) 2-го сентября (бенефисъ П. Я. Рябова).

185) 6-го

186) 16-го »

1877 г.

187) 3-го апрѣля.

188) 2-го сентября (бенефисъ Д. В. Живокини).

189) 12-го

190) 10-го октября.

191) 7-го ноября.

1878 г.

192) 15-го января (бенефисъ П. В. Самарина).

193) 24-го февраля.

194) 30-го августа.

195) 22-го сентября.

1879 г.

196) 30-го января.

197) 18-го марта.

198) 27-го декабря.

1880 г.

199) 19-го февраля.

200) 26-го августа.

1881 г.

201) 26-го января.

202) 27-го сентября (бенефисъ П. Я. Рябова.

203) 29-го сентября.

204) 27-го декабря.

1882 г.

205) 30-го августа.

206) 6-го сентября.

207) 16-го »

208) 4-го октября.

209) 5-го декабря.

210) 27-го » (гастроль П. С. Васильевой).

1883 г.

211) 3-го января.

212) 12-го »

213) 26-го февраля (безплатный спектакль для воспитанниковъ учебныхъ заведеній).

214) 9-го мая.

215) 20-го »

1884, 1835 и 1886 гг.

Не было представленій.

1887 г.

216) 16-го сентября.

217) 21-го »

218) 6-го ноября.

219) 9-го »

220) 14-го » (безплатный спектакль для воспитанниковъ учебныхъ заведеній).

221) 27-го »

222) 17-го декабря.

223) 29-го »

1888 г.

224) 3-го февраля.

225) 3-го мая.

226) 16-го августа.

227) 20-го октября.

228) 6-го ноября (въ память 100-лѣтія со дня рожденія М. С. Щепкина.

229) 14-го декабря.

1889 г.

230) 5-го мая.

231) 16-го августа.

232) 12-го сентября.

1890 г.

233) 16-го августа.

1891 г.

234) 4-го января (гастроль В. Н. Давыдова).

235) 6-го » (гастроль В. Н. Давыдова).

236) 17-го февраля.

237) 22-го сентября.

238) 10-го декабря.

1892 г.

239) 29-го апрѣля.

240) 10-го мая.

241) 26-го августа.

1893 г.

242) 4-го апрѣля.

243) 17-го августа.

244) 27-го декабря.

1894 г.

245) 26-го февраля.

246) 16-го августа.

Итого, комедія «Горе отъ ума» была представлена на Московской сценѣ съ 27-го ноября 1831 года по 4-е января 1895 года 241 разъ полностью и 5 разъ отдѣльными дѣйствіями, а всего—246 разъ.

Исполнители комедіи А. С. Грибоѣдова—„Горе отъ ума“

на сценахъ Императорскихъ театровъ

(со дня первой постановки по 4-е января 1898 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Фамусовъ—Борецкій (съ 2-го декабря 1829 г.), Рязанцевъ (съ 5-го февраля 1830 г.), Брянскій (съ 9-го октября 1831 г.), Аѳанасьевъ (съ 6-го мая 1832 г.), Щепкинъ (гастроли—25-го мая и 3-го іюня 1832 г.; 11-го апрѣля 1838 г.; 11-го 17-го и 25-го сентября, 11-го, 16-го и 27-го октября 1844 г.; 8-го сентября, 6-го и 25 октября 1849 г.; 20-го августа и 3-го сентября 1852 г.; 21-го апрѣля 1859 г.). Прохоровъ (съ 11-го мая 1834 г.), Алекинъ (17-го октября 1837 г.), Сосницкій (съ 26-го іюня 1839 г.), Каратыгинъ 2-й (съ 16-го января 1841 г.), Григорьевъ 1-й (съ 5-го февраля 1841 г.), Шемаевъ (20-го октября 1854 г.), Мартыновъ (съ 28-го января 1857 г.), Зубовъ (съ 14-го октября 1866 г.), Полтавцевъ (съ 21-го декабря 1877 г.), Нильскій (съ 5-го сентября 1880 г.), Давыдовъ (съ 30-го августа 1884 г.), Шевченко (съ 6-го октября 1891 г.).

Софья—Семенова (съ 2-го декабря 1829 г.), Шемаева (съ 30-го августа 1830 г.), Сосницкая (съ 9-го октября 1830 г.), Монготье (съ 16-го февраля 1831 г.), Кальбрехтъ (съ 21-го октября 1832 г.), Смирнова (съ 5-го декабря 1834 г.), Самойлова М. В. (съ 13-го декабря 1834 г.), Асенкова (съ 26-го іюня 1839 г.), Ѳедорова (съ 16-го января 1841 г.), Самойлова В. В. (съ 3-го декабря 1842 г.), Читау (съ 22-го іюня 1850 г.), Владимірова (съ 28-го января 1857 г.), Ѳедорова (съ 23-го апрѣля 1858 г.), Снѣткова 2-я (съ 4-го ноября 1859 г.), Снѣткова 3-я (съ 20-го сентября 1862 г.), Александрова 2-я (съ 28-го сентября 1864 г.), Лядова-Саріотти

(съ 14-го декабря 1869 г.). Дюжикова 1-я (съ 14-го января 1877 г.), Глама-Мещерская (28-го марта 1878 г.), Өедорова (20-го октября 1881 г.), Пащенко (съ 30-го августа 1885 г.). Савина (съ 21-го сентября 1890 г.), Мичурина (съ 26-го сентября 1890 г.), Дюжикова 2-я (16-го апрѣля 1892 г.), Градовская (30-го декабря 1892 г.).

Лиза—Монготье (съ 2-го декабря 1829 г.), Францева (съ 12-го мая 1830 г.). Азаревичева (съ 25-го іюня 1830 г.). Асенкова (съ 9-го октября 1830 г.), Трохнева (съ 21-го октября 1832 г.), Ливинцева (съ 27-го іюля 1833 г.), Волкова (съ 7-го ноября 1833 г.). Васильева (съ 23-го ноября 1833 г.), Прокоповичева (съ 18-го іюля 1834 г.), Петрова (24-го мая 1836 г.), Соловьева (съ 26-го іюня 1839 г.), Куликова 1-я (съ 6-го мая 1843 г.), Куликова-Шубертъ (съ 3-го февраля 1844 г.), Рамазанова 2-я (съ 26-го августа 1845 г.), Михайлова (съ 12-го февраля 1846 г.), Гринева (съ 17-го мая 1846 г.), Жулева (съ 3-го сентября 1847 г.), Боченкова (22-го іюня 1850 г.), Натарова (съ 20-го октября 1854 г.), Михайлова 2-я (съ 28-го января 1857 г.). Стрѣльская (съ 20-го мая 1857 г.). Спорова (съ 20-го сентября 1862 г.), Горская (28-го сентября 1864 г.), Глѣбова (съ 19-го мая 1866 г.), Яблочкина 2-я (съ 14-го декабря 1869 г.). Хлѣбникова 1-я (съ 12-го апрѣля 1873 г.), Савина (3-го сентября 1874 г.), Стремлянова (съ 14-го января 1877 г.), Васильева Н. С. (съ 20-го сентября 1880 г.). Алексѣева (20-го октября 1881 г.), Ильинская (съ 30-го августа 1884 г.), Читау 2-я (съ 30-го сентября 1890 г.), Критова (съ 1-го декабря 1891 г.).

Молчалинъ—Дюръ (съ 5-го февраля 1830 г.), Максимовъ (съ 27-го іюля 1833 г.), Михайловъ (съ 17-го октября 1837 г.), Петровъ 2-й (12-го января 1838 г.), Куликовъ (съ 11-го апрѣля 1838 г.). Самойловъ (съ 16-го января 1841 г.), Фризановскій (съ 22-го октября 1841 г.), Смирновъ 2-й (съ 3-го іюля 1844 г.), Ширяевъ (30-го апрѣля 1850 г.), Жулевъ (съ 20-го октября 1854 г.), Шемаевъ (съ 28-го января 1857 г.), М. Максимовъ (съ 3-го сентября 1863 г.), Сазоновъ (съ 14-го октября 1866 г.), Монаховъ (съ 8-го января 1870 г.), Самойловъ 2-й (съ 10-го декабря 1871 г.), Петипа (съ 14-го января 1877 г.), Стрѣльскій (съ 5-го сентября 1880 г.), Давыдовъ (съ 26-го января 1881 г.), Черновъ (съ 30-го августа 1884 г.), Аполлонскій (съ 16-го сентября 1884 г.), Панчинъ 1-й (съ 21-го сентября 1890 г.), Усачевъ (съ 30-го сентября 1890 г.).

— () —

Чацкій—Сосницкій (съ 2-го декабря 1829 г.), Каратыгинъ 1-й (съ 5-го февраля 1830 г.), Мочаловъ (гастроль—20-го апрѣля 1833 г.), Григорьевъ 1-й (съ 23-го апрѣля 1835 г.), Максимовъ (съ 11-го апрѣля 1838 г.), Самаринъ (гастроли—17-го апрѣля, 17-го мая и 29-го іюля 1846 г.), Нильскій (съ 20-го сентября 1862 г.), Никитинъ (съ 20-го января 1863 г.), Монаховъ (съ 10-го декабря 1871 г.), Сазоновъ (съ 27-го октября 1874 г.), Горевъ (съ 5-го сентября 1880 г.), Далматовъ (съ 30-го августа 1884 г.), Воробецъ-Сперанскій (29-го апрѣля 1885 г.), Петипа (съ 15-го сентября 1885 г.), Дмитріевъ (31-го августа 1886 г.), Дальскій (съ 21-го сентября 1890 г.), Аполлонскій (съ 30-го сентября 1890 г.).

Скалозубъ—Экунинъ (съ 5-го февраля 1830 г.), Григорьевъ 1-й (съ 9-го октября 1830 г.), Смирновъ (съ 5-го декабря 1834 г.), Ахалинъ (съ 17-го октября 1837 г.), Орловъ (гастроли—26-го и 28-го іюня 1839 г.), Громовъ (26-го января 1843 г.), Васильевъ 1-й (съ 15-го октября 1853 г.), Пронскій (съ 30-го октября 1862 г.), Варламовъ (съ 14-го января 1877 г.), Киселевскій (съ 27-го августа 1880 г.), Славинъ 1-й (съ 30-го августа 1884 г.), Костровъ (29-го апрѣля 1885 г.), Ленскій (съ 31-го августа 1886 г.).

Горичева—Каратыгина (съ 5-го февраля 1830 г.), Валберхова (съ 30-го января 1831 г.), Монготье (съ 23-го іюня 1831 г.), Самойлова (съ 18-го августа 1835 г.), Асенкова (съ 30-го октября 1835 г.), Степанова (съ 16-го ноября 1837 г.), Орлова (гастроли—26-го и 28-го іюня 1839 г.; затѣмъ, перейдя въ петербургскую труппу, съ 31-го января 1855 г.), Дюръ (съ 1-го января 1844 г.), Снѣткова (20-го октября 1854 г.), Левкѣева (съ 20-го сентября 1862 г.), Ѳедорова (съ 20-го января 1863 г.), Яблочкина 1-я (съ 28-го сентября 1864 г.), Подобѣдова 2-я (съ 10-го декабря 1871 г.), Абаринова (съ 18-го февраля 1883 г.), Корсакова (съ 30-го сентября 1890 г.), Темирова (съ 26-го января 1892 г.), Красовская (съ 2-го сентября 1893 г.).

Горичевъ—Брянскій (съ 5-го февраля 1830 г.), Борецкій (съ 9-го октября 1831 г.), Григорьевъ 1-й (съ 20-го апрѣля 1833 г.), Третьяковъ (съ 16-го іюля 1835 г.), Толченовъ 3-й (съ 5-го февраля 1841 г.), Славинъ (съ 7-го февраля 1852 г.), Яблочкинъ (съ 28-го января 1857 г.), Степановъ (съ 3-го сентября 1863 г.), Малышевъ (съ 12-го апрѣля 1873 г.), Варламовъ (съ 27-го августа 1880 г.), Писаревъ (съ 30-го августа 1885 г.). Черновъ (съ 5-го сентября 1885 г.).

Репетиловъ—Каратыгинъ 2-й (съ 16-го іюня 1830 г.), Сосницкій (съ 9-го октября 1830 г.), Зубровъ (съ 10-го декабря 1871 г.), Бурдинъ (съ 12-го апрѣля 1873 г.), Монаховъ (съ 14-го января 1877 г.), Ѳедоровъ (съ 17-го мая 1877 г.), Новиковъ (съ 11-го сентября 1878 г.), Градовъ-Соколовъ (8-го сентября 1880 г.), Нильскій (18-го февраля 1883 г.), Свободинъ (съ 30-го августа 1884 г.), Сазоновъ (съ 21-го сентября 1890 г.).

Загорѣцкій—Сосницкій (съ 5-го февраля 1830 г.), Григорьевъ 1-й (съ 12-го мая 1830 г.), Каратыгинъ 2-й (съ 9-го октября 1830 г.), Годуновъ (11-го апрѣля 1838 г.), Куликовъ (съ 16-го января 1841 г.), Мартыновъ (съ 20-го ноября 1841 г.), Бурдинъ (5-го октября 1848 г.), Яблочкинъ (16-го августа 1859 г.), Егуловъ (27-го октября 1874 г.), Самойловъ 2-й (съ 27-го августа 1880 г.), Трофимовъ (съ 30-го августа 1884 г.), Осокинъ (съ 25-го ноября 1884 г.) Дмитріевъ (съ 21-го сентября 1890 г.), Княжнинъ (30-го сентября 1890 г.).

Хлестова — Ежова (съ 5-го февраля 1830 г.), Телешова (съ 25-го ноября 1836 г.), Сандунова (съ 16-го ноября 1837 г.), Черникова (съ 22-го января 1844 г.), Валберхова (съ 22-го мая 1844 г.), Линская (съ 20-го октября 1854 г.), Сабурова (съ 21-го апрѣля 1859 г.). Жулева (съ 27-го августа 1880 г.).

Графиня Хрюмина—Гусева (съ 5-го февраля 1830 г.). Капылова (съ 28-го февраля 1831 г.), Сандунова (22-го октября 1841 г.), Волкова (съ 3-го сентября 1853 г.), Воронова (съ 17-го сентября 1868 г.), Карпова (съ 22-го августа 1872 г.), Надеждина (съ 11-го сентября 1873 г.), Павлова (съ 8-го сентября 1877 г.), Читау 1-я (съ 27-го августа 1880 г.), Стрѣлкова (18-го февраля 1883 г.), Громова (съ 30-го августа 1884 г.), Шубертъ (съ 5-го сентября 1885 г.), Натарова (31-го августа 1886 г.), Стрѣльская (съ 21-го сентября 1890 г.), Ленская (съ 30-го сентября 1890 г.).

Графиня-внучка — Шемаева (съ 5-го февраля 1830 г.), Прилуцкая (съ 30-го августа 1830 г.), Смирнова (съ 7-го ноября 1833 г.), Волкова (съ 5-го декабря 1834 г.), Савицкая (съ 11-го сентября 1835 г.), Капылова (съ 26-го іюня 1839 г.), Рамазанова (съ 16-го января 1841 г.), Васильева (съ 12-го февраля 1846 г.), Радина (съ 3-го сентября 1847 г.), Славина (съ 14-го февраля 1848 г.), Селезнева (съ 2-го февраля 1858 г.),

Денисова (28-го сентября 1864 г.), Натарова (съ 17-го ноября 1867 г.), Подобѣдова 1-я (съ 10-го декабря 1871 г.), Шубертъ (съ 18-го февраля 1883 г.), Магнусъ (съ 16-го сентября 1884 г.), Ѳедорова (съ 21-го сентября 1890 г.), Темирова (съ 30-го августа 1892 г.).

Князь Тугоуховскій—Григорьевъ 1-й (съ 5-го февраля 1830 г.), Воротниковъ (съ 12-го мая 1830 г.), Хотяинцевъ (съ 21-го октября 1832 г.), Прохоровъ (съ 7-го ноября 1833 г.), Степановъ (съ 5-го декабря 1834 г.), Беккеръ (съ 27-го декабря 1834 г.), Ѳоминъ (съ 28-го сентября 1843 г.), Самойловъ (3-го іюля 1844 г.), Семихатовъ (съ 29-го іюля 1846 г.), Рославскій (съ 22-го іюня 1850 г.), Алексѣевъ (съ 28-го января 1857 г.), Сапшуговъ (съ 16-го августа 1859 г.), Васильевъ 2-й (съ 20-го сентября 1862 г.), Горбуновъ (съ 28-го сентября 1864 г.), Егуловъ (8-го января 1870 г.), Трофимовъ (съ 27-го августа 1880 г.), Вейнбергъ (съ 30-го сентября 1890 г.), Рокотовъ (1-го декабря 1891 г.), Шемаевъ (съ 16-го апрѣля 1892 г.).

Княгиня Тугоуховская—Величкина (съ 5-го февраля 1830 г.), Яковлева (съ 23-го іюня 1831 г.), Ольгина (съ 9-го октября 1831 г.), Каратыгина 2-я (съ 24-го мая 1836 г.), Бормотова-Громова (съ 16-го января 1841 г.), Линская (28-го сентября 1843 г.), Читау 1-я (съ 26-го января 1881 г.), Сабурова (съ 18-го февраля 1883 г.), Мусинъ-Пушкина (съ 30-го сентября 1890 г.), Уварова (съ 30-го августа 1892 г.).

Г-нъ N.—Хотяинцевъ (съ 5-го февраля 1830 г.), Григорьевъ 2-й (съ 28-го октября 1830 г.), Экунинъ (съ 30 го декабря 1830 г.), Беккеръ (съ 1-го марта 1834 г.), Годуновъ (съ 19-го іюня 1835 г.), Воротниковъ 2-й (съ 17-го октября 1837 г.), Петровъ 1-й (съ 16-го января 1841 г.), Краюшкинъ (съ 20-го ноября 1841 г.), Яблочкинъ (28 го сентября 1843 г.), Петровъ 2-й (съ 1-го января 1844 г.), Мартыновъ (12-го февраля 1846 г.), Михайловъ (съ 17-го апрѣля 1846 г.), Семеновъ (20-го октября 1854 г.), Жулевъ (съ 20-го января 1863 г.), Соколовъ 1-й (съ 3-го сентября 1863 г.), Озеровъ (съ 14-го января 1877 г.), Платоновъ (съ 27-го августа 1880 г.), Петипа (26-го января 1881 г.), Душкинъ (18-го февраля 1883 г.), Осокинъ (съ 30-го августа 1884 г.), Глазуновъ (съ 25-го ноября 1884 г.), Шаповаленко (съ 21-го сентября 1890 г.), Лирскій (съ 30-го августа 1892 г.).

Г-нъ Д.—Каратыгинъ 2-й (съ 5-го февраля 1830 г.), Григорьевъ 2-й

(съ 11-го февраля 1830 г.), Дубровинъ (съ 16-го іюня 1830 г.), Беккеръ (20-го апрѣля 1833 г.), Воротниковъ 2-й (17-го августа 1836 г.), Мартыновъ (съ 26-го іюня 1839 г.), Прусаковъ (съ 16-го января 1841 г.), Славинъ (съ 5-го октября 1848 г.), Соколовъ 1-й (съ 21-го апрѣля 1859 г.), Арнольдъ (съ 25-го сентября 1862 г.), Сосновскій (съ 16-го января 1866 г.), Озеровъ (съ 22-го февраля 1872 г.), Душкинъ (съ 27-го августа 1880 г.), Арди (съ 18-го февраля 1883 г.), Шевченко (съ 21-го сентября 1890 г.), Глазуновъ (съ 6-го октября 1891 г.), Озаровскій (съ 30-го августа 1892 г.), Ремизовъ (съ 2-го сентября 1893 г.).

МОСКВА [1]).

Фамусовъ—Щепкинъ, Потанчиковъ, Нѣмчиновъ (съ 15-го іюня 1853 г.), Садовскій (съ 8-го сентября 1858 г.), Самаринъ (съ 19-го октября 1864 г.), Дурново (23-го октября 1870 г.), Вильде (съ 16-го сентября 1887 г.), Ленскій (съ 6-го ноября 1887 г.), Давыдовъ (гастроли—4-го и 6-го января 1891 г.).

Софья—Потанчикова, Орлова, Ольгина (съ 20-го января 1844 г.), Петрова (съ 27-го апрѣля 1844 г.), Щепина (съ 28-го декабря 1844 г.), Сабурова 2-я (съ 4-го декабря 1847 г.), Лаврова-Васильева (съ 27-го сентября 1848 г.), Воронова (съ 22-го января 1850 г.), Самойлова В. В. (гастроль—20-го апрѣля 1851 г.), Васильева 2-я (съ 25-го іюля 1856 г.), Баранова (съ 19-го сентября 1856 г.), Медвѣдева (съ 8-го сентября 1858 г.), Позднякова-Ѳедотова (съ 19-го октября 1864 г.), Ермолова (съ 3-го января 1874 г.), Васильева Н. С. (съ 2-го сентября 1877 г.), Вронская (съ 4-го октября 1882 г.), Ермолова-Кречетова (съ 5-го декабря 1882 г.), Васильева Н. Н. (съ 16-го сентября 1887 г.), Уманецъ-Райская (съ 6-го ноября 1887 г.), Яблочкина 2-я (съ 3-го мая 1888 г.), Панова (съ 5-го мая 1889 г.).

[1]) Въ виду того, что афиши Московскихъ театровъ за прежніе годы сохранились въ архивѣ Дирекціи Императорскихъ театровъ далеко не въ полномъ видѣ, а до 1843 года и совершенно отсутствуютъ, мы не имѣли возможности точно возстановить у нѣкоторыхъ исполнителей «Горя отъ ума» датъ перваго исполненія ими ролей; кромѣ того, заранѣе считаемъ своимъ долгомъ принести извиненіе въ случаѣ могущихъ встрѣтиться пропусковъ въ исполнителяхъ комедіи до 1843 года.

Лиза—Нагаева, Степанова, Шебекъ 2-я (съ 20-го января 1844 г.), Куликова-Шубертъ (съ 25-го августа 1844 г.), Соболева 1-я (съ 12-го ноября 1846 г.), Бурначева (27-го сентября 1848 г.), Дмитріева (съ 22-го января 1850 г.), Рябова 2-я (съ 18-го сентября 1853 г.), Колосова (съ 21-го декабря 1853 г.), Никулина (съ 5-го сентября 1868 г.), Васильева 2-я (23-го октября 1870 г.), Ѳедорова (18-го марта 1879 г.), Щепкина (съ 12-го января 1883 г.), Уманецъ-Райская (съ 16-го сентября 1887 г.).

Молчалинъ—Д. Ленскій, Колоссвъ (съ 27-го августа 1843 г.), Черкасовъ (съ 2-го іюля 1845 г.), Васильевъ (съ 8-го сентября 1858 г.), Рябовъ (съ 19-го октября 1864 г.), Рѣшимовъ (съ 2-го сентября 1877 г.), Рыбаковъ (съ 27-го сентября 1881 г.), Садовскій (съ 30-го августа 1882 г.), Скуратовъ (съ 5-го декабря 1882 г.), Багровъ (съ 16-го сентября 1887 г.), Донской (съ 9-го ноября 1887 г.), Эльскій (3-го мая 1888 г.).

Чацкій—Мочаловъ, Каратыгинъ 1-й (гастроль—28-го апрѣля 1833 г.), Самаринъ, Полтавцевъ (съ 22-го іюня 1851 г.), Леонидовъ (съ 18 го сентября 1853 г.), Вильде (съ 19-го октября 1864 г.), Шумскій (съ 7-го декабря 1864 г.), Рѣшимовъ (съ 3-го сентября 1869 г.), Ленскій (съ 30-го апрѣля 1876 г.), Южинъ (съ 30-го августа 1882 г.), Горевъ (съ 5-го декабря 1882 г.), Босковичъ (5-го мая 1889 г.), Анчаровъ (29-го апрѣля 1892 г.).

Скалозубъ—Орловъ, Ольгинъ (съ 8-го ноября 1844 г.), Садовскій (съ 2-го октября 1845 г.), Нѣмчиновъ (съ 4-го декабря 1847 г.), Дмитревскій (съ 19-го октября 1864 г.), Шеламытовъ (съ 3-го сентября 1869 г.), Петровъ (съ 23-го октября 1870 г.), Вильде (съ 2-го сентября 1877 г.), Рыбаковъ (съ 16-го сентября 1887 г.), Гаринъ (съ 27-го декабря 1893 г.).

Горичева—Рыкалова, Каратыгина (гастроль — 28-го апрѣля 1833 г.), Цѣлибѣева, Львова-Синецкая, Орлова (гастроль—19-го сентября 1856 г.), Литвина (съ 8-го сентября 1858 г.), Ольгина (съ 7-го декабря 1859 г.), Васильева (съ 19-го октября 1864 г.), Аристова (3-го апрѣля 1877 г.), Яблочкина 1-я (съ 2-го сентября 1877 г.), Порошина (съ 5-го мая 1889 г.).

Горичевъ—Третьяковъ, В. Соколовъ, Нѣмчиновъ (съ 23-го мая 1847 г.), Дмитревскій (съ 27-го сентября 1848 г.), Садовскій (6-го іюля 1862 г.), Живокини (19-го октября 1864 г.), Полтавцевъ (съ 7-го декабря 1864 г.), Петровъ (съ 8-го ноября 1865 г.), Владыкинъ (съ 23-го октября 1870 г.), Дурново (съ 10-го февраля 1872 г.), Грековъ (съ 30-го августа 1882 г.), Левицкій (съ 3-го мая 1888 г.).

Репетиловъ—Живокини, Д. Ленскій, Зиминъ (съ 22-го августа 1838 г.), Титовъ (съ 18-го сентября 1853 г.), Щепинъ (4-го іюня 1854 г.), Шумскій (19-го октября 1864 г.), Бергъ (съ 3-го января 1874 г.), Грековъ (съ 18-го марта 1879 г.), Рѣшимовъ (съ 30-го августа 1882 г.), Дурново (12-го января 1883 г.), Горевъ (съ 16-го сентября 1887 г.), Правдинъ (съ 10-го декабря 1891 г.).

Загорѣцкій—Живокини, В. Степановъ, Сабуровъ (съ 27-го сентября 1848 г.), Шумскій (съ 5-го октября 1850 г.), Васильевъ (съ 14-го ноября 1850 г.), Разсказовъ (съ 27-го января 1853 г.), Востоковъ (съ 24-го августа 1854 г.), Живокини 2-й (съ 25-го іюля 1856 г.), Петровъ (съ 19-го октября 1864 г.), Константиновъ (съ 5-го сентября 1868 г.), Садовскій 2-й (съ 2-го сентября 1877 г.), Правдинъ (съ 19-го февраля 1880 г.), Музиль (съ 30-го августа 1882 г.), Охотинъ (съ 16-го сентября 1887), Грессеръ (съ 4-го апрѣля 1893 г.).

Хлестова—Кавалерова, Сабурова (съ 2-го октября 1845 г.), Рыкалова (съ 8-го сентября 1858 г.), Таланова (съ 23-го мая 1861 г.), Медвѣдева (съ 30-го августа 1882 г.), Бларамбергъ-Чернова (съ 26-го августа 1892 г.).

Графиня Хрюмина—Божановская, Златопольская (съ 22-го іюня 1851 г.), Акимова (съ 10-го октября 1852 г.), Нѣмчинова (съ 7-го декабря 1859 г.), Таланова (съ 19-го октября 1864 г.), Колпакова (съ 26-го августа 1880 г.), Рыкалова (съ 30-го августа 1882 г.), Бларамбергъ-Чернова (съ 20-го октября 1888 г.), Закоркова (съ 29 апрѣля 1892 г.), Семевская (съ 28-го декабря 1893 г.).

Графиня-внучка—Ришардъ, Петрова, Соловьева, Рябова (съ 27-го апрѣля 1844 г.), Горбунова (съ 9-го мая 1844 г.), Цѣлибѣева (съ 2-го октября 1845 г.), Гольтерманъ (съ 7-го января 1847 г.), Лебедева (съ 24-го августа 1854 г.), Нѣмчинова (съ 8-го сентября 1858 г.), Никифорова (съ 6-го іюля 1862 г.), Куликова-Шубертъ (съ 8-го ноября 1865 г.), Стрекалова 2-я (съ 10-го мая 1867 г.), Кондакова (съ 5-го сентября 1868 г.), Егорова (съ 11-го сентября 1875 г.), Скюдери (съ 2-го сентября 1877 г.), В. Васильева (съ 30-го августа 1882 г.).

Князь Тугоуховскій—П. Степановъ, Рославскій (20-го февраля 1848 г.), Ермоловъ 1-й (съ 27-го января 1853 г.), Рябовъ (съ 3-го января 1874 г.), Дурново (съ 2-го сентября 1877 г.), Талановъ (съ 29-го апрѣля 1892 г.).

Княгиня Тугоуховская — Кураева, Кашина, Степанова (8-го ноября 1844 г.), Нѣмчинова (съ 3-го ноября 1853 г.), Львова-Синецкая (съ 8-го сентября 1858 г.), Ольгина (съ 28-го сентября 1860 г.), Акимова (съ 19-го октября 1864 г.), Садовская (съ 5-го декабря 1882 г.), Закоркова (съ 16-го августа 1890 г.), Грибунина (съ 17-го августа 1893 г.).

Г. N. — Богдановъ 2-й, Шумскій (12-го ноября 1846 г.), Никифоровъ (съ 7-го января 1847 г.), Калининъ (20-го февраля 1848 г.), Зелѣнинъ (18-го января 1849 г.), Рябовъ (съ 8-го января 1852 г.), Макшеевъ (съ 18-го марта 1879 г.), Гаринъ (съ 5-го мая 1889 г.), Ѳедотовъ (съ 27-го декабря 1893 г.).

Г. Д.—Шубертъ, Ермоловъ 1-й (съ 9-го мая 1844 г.), Турчаниновъ (съ 7-го января 1847 г.), Рославскій (съ 4-го декабря 1847 г.), Бѣляевъ (20-го февраля 1848 г.), Зелѣнинъ (съ 14-го ноября 1850 г.), Рябовъ (съ 18-го сентября 1853 г.), Колосовъ (съ 19-го октября 1864 г.), Охотинъ (съ 23-го октября 1870 г.), Александровъ (съ 10-го февраля 1872 г.), Невскій (съ 16-го сентября 1887 г.), Гаринъ (съ 20-го октября 1888 г.).

МИЛЛІОНЪ ТЕРЗАНІЙ

Прологъ-пьеса въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. **Петра Вейнберга.**

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, на сценѣ Александринскаго театра, 4-го января 1895 года—въ день столѣтія дня рожденія А. С. Грибоѣдова.

Дѣйствующія лица:

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ . .	Г-нъ Ленскій.
Пушкинъ	Г-нъ Дальскій.
Хмельницкій	Г-нъ Нильскій.
Бестужевъ	Г-нъ Корвинъ-Круковскій.
Грибоѣдовъ, Алексѣй, дядя Александра Сергѣевича	Г-нъ Писаревъ.
Жандръ	Г-нъ Никольскій.
Шатиловъ	Г-нъ Сазоновъ.
Авиловъ	Г-нъ Усачевъ.
Бронниковъ	Г-нъ Костровъ.
Длинноволосый поэтъ	Г-нъ Рюминъ.
Господинъ З.	Г-нъ Тройницкій.
Господинъ К.	Г-нъ Новинскій.
Г-жа Волкова	Г-жа Васильева.
Одна изъ дамъ	Г-жа Дюжикова 1-я.
Лакей у Хмельницкаго	Г-нъ Рокотовъ.

Гости обоего пола: гг. Борисовъ, Сосновскій, Израилевъ, Степановъ; г-жи Калмыкова, Александрова 2-я, Кованько и Славина.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ въ половинѣ 20-хъ годовъ, въ квартирѣ Хмельницкаго.

Примѣчаніе. Многое изъ того, что произносится здѣсь А. С. Грибоѣдовымъ и нѣкоторыми другими дѣйствующими лицами, взято изъ подлинныхъ писемъ, мемуаровъ, статей и т. под.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лакей *сметаетъ пыль съ мебели. Входятъ* **Авиловъ** *и* **Бронниковъ.**

Авиловъ.

Что баринъ?

Лакей.

У себя. Пожалуйте. Сейчасъ
Сюда воротятся *(уходитъ).*

Авиловъ.

Я радъ, что встрѣтилъ васъ.
Давно не видѣлись.

Бронниковъ.

Давненько. Думалъ съ вами
Вчера сойтись у Свиньина.

Авиловъ.

Да, я хотѣлъ, но заваленъ дѣлами..
Ну, что же тамъ?

Бронниковъ.

Была полна
Гостиная.

Авиловъ.

Еще бы! Грибоѣдовъ
Свою комедію читалъ вѣдь снова?

Бронниковъ.

Да.

Авиловъ.

А это тысячи собраній и обѣдовъ
Съ избыткомъ стоитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* Хмельницкій.

Хмельницкій.

Господа,
Простите, я замѣшкался немного...

Бронниковъ.

А, имянинникъ дорогой!
Привѣтъ мой вамъ сердечный и живой!

Авиловъ.

Всего вамъ лучшаго отъ Бога!

Хмельницкій.

Отъ всей души благодарю....
Прошу присѣсть... Вы что-то разсуждали
Здѣсь горячо, какъ я вошелъ... Нельзя-ли
Узнать?

Авиловъ.

Да вотъ я говорю
Про Грибоѣдовское чтенье
Вчерашнее. Какое наслажденье...

Хмельницкій.

Да, тѣмъ, кто слушаетъ. За то ужъ авторъ нашъ
Горьчайшую изъ горькихъ чашъ
Пьетъ каждый день съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ
Вновь очутился онъ. О бѣдномъ драматургѣ
Скорблю я отъ души. Вѣдь не проходитъ дня,
Когда-бъ его не мучила возня
Съ цензурою, съ опекой театральной,

Съ газетами—со всей
Обузою тяжелой и печальной
Писателя для сцены...

Авиловъ.

Да, больнѣй
Врядъ есть-ли что. Вотъ подлинно ужъ горе
Большое отъ ума...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, *при послѣднихъ словахъ влетаетъ* **Шатиловъ,** *за нимъ постепенно входятъ* **Жандръ, госпожа Волкова** *и* **нѣсколько гостей,** *здоровающихся съ* **Хмельницкимъ.**

Шатиловъ.

Mon cher, je félicite—и пожеланій тьма!
Mesdames! Messieurs...
(Хмельницкому) Я васъ на разговорѣ
Пикантнѣйшемъ, кажись, прервалъ. .
О «Горѣ отъ ума»...

Одинъ изъ гостей *(другому).*

Вотъ самъ оригиналъ...

Другой.

Чей?

Первый.

Репетилова. Не знали
Какъ будто вы?

Шатиловъ.

Да, «Горе отъ ума».
Я доложу вамъ—вещь... Едва-ли
И *наша* вся компанія сама
Такую сочинитъ...

Хмельницкій *(смѣясь).*

Ну, что̀ вы!
Какая скромность!

Шатиловъ.

Нѣтъ, готовы
Признать *мы* это отъ души,
Чтó-бъ ни кричи и ни пиши
Газетная компанія зоиловъ...

Жандръ.

А какъ вамъ нравится, скажите, напримѣръ.
Изъ персонажей—Репетиловъ?

Шатиловъ.

О, восхитительно, mon cher!...
Вы знаете—мнѣ Грибоѣдовъ лично
И для меня отдѣльно—прочиталъ
Роль Репетилова... Ахъ, какъ я хохоталъ!
И говорю ему: «Я знаю вѣдь отлично,
Ты на кого здѣсь мѣтилъ!»—«На кого-жъ?»
—«На Чаадаева! Похожъ,
Какъ капли двѣ воды!...».

Жандръ.

Ужасно
Вы проницательны!

Шатиловъ.

Надѣюсь!..

Одна изъ дамъ.

А по мнѣ
Совсѣмъ напрасно
Дивитесь вы всей этой болтовнѣ...
Ужъ то, что comme il faut тутъ нѣту никакого!
Притомъ, я очень не люблю
Къ намъ, въ дамскія дѣла, вмѣшательства мужскаго:
Ну, много-ль смыслитъ онъ въ атласныхъ тюрлюрлю?..

Одинъ изъ кавалеровъ *(ей).*

Chère dame, вы совершенно правы.
Я съ нашимъ кругомъ всѣмъ охотно признаю:
Бо-мондныя приличія и нравы
Здѣсь грубо попраны. Читали-ли статью
Вы въ «Вѣстникѣ Европы»?.. Превосходно
Тамъ доказалъ нашъ Дмитріевъ поэтъ,
Что Грибоѣдовъ высшій свѣтъ
Оклеветалъ неблагородно,
Что онъ...

Г-жа Волкова.

Ахъ, господа, надѣюсь я, что вы
Мнѣ, старой гражданкѣ Москвы,
Простите, если я скажу вамъ откровенно:
Виной во всемъ тутъ несомнѣнно
Вашъ Петербургъ. Уже не разъ
Онъ былъ источникомъ для всяческихъ заразъ,
И я его боюсь, какъ преисподней—
(Въ Москвѣ, по милости Господней,
Для этой язвы мѣста нѣтъ)!
Повѣрьте мнѣ, лишь петербургскій свѣтъ
Могъ произвесть исчадіе такое,
Какъ Чацкій вашъ... Но надо намъ
Надѣяться, что этимъ господамъ
На сцену не пройти..

Хмельницкій.

И можете въ покоѣ
Вы пребывать: у Чацкаго друзей
Такъ много здѣсь, что онъ себѣ дорогу
На сцену до скончанья дней
Ужъ не пробьетъ...

Г-жа Волкова.

И слава Богу!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* Бестужевъ.

Бестужевъ *(Хмельницкому)*.

Здорово, милый другъ! А я сюда
И съ поздравленіемъ, и вмѣстѣ
Съ не очень-то пріятной вѣстью,
Хоть въ сущности неважной...
(Раскланиваясь со всѣми).
Господа...
Mesdames...

Хмельницкій.

Но что-же?.. Я въ тревогѣ...

Бестужевъ.

Къ вамъ отправляясь, по дорогѣ
Я Фамусова встрѣтилъ...

Нѣсколько голосовъ.

Какъ! Кого?

Бестужевъ.

Да Фамусова самого!

Голоса.

Кто, кто такой?

Бестужевъ.

Да нашего поэта
Московскій дядя Алексѣй!
Чтобъ появленію портрета
Какъ своего, такъ и своихъ друзей,
На сценѣ помѣшать, онъ собственной особой
Сюда пожаловалъ теперь
И, чисто-фамусовской злобой
Проникнутый, изъ двери ѣздитъ въ дверь,
Усердно хлопоча...

Авиловъ.

Еще не доставало

Намъ этого!

Г-жа Волкова.

Ахъ, я восхищена!

Такъ поступить могла Москва одна!

Бестужевъ *(Хмельницкому).*

Онъ будетъ тоже къ вамъ...

Хмельницкій.

Ко мнѣ! Но очень мало,

Надѣюсь, общаго...

Бестужевъ

Не знаю, для чего,

Но явится еще сегодня...

Хмельницкій.

Вотъ кара-то Господня!..

А Александръ? Вы видѣли его?

Бестужевъ.

Да, онъ пріѣдетъ непремѣнно

Поздравить васъ.

Хмельницкій.

Не встрѣтиться-бъ ему

Съ любезнымъ дядею!..

Нѣсколько голосовъ *(въ томъ кружкѣ, гдѣ во время этого разговора что-то декламировалъ Шатиловъ).*

Parfait! Неоцѣненно!

Жандръ *(обращаясь туда).*

Восторженно дивитесь такъ чему?

Нельзя-ль узнать и намъ?

Одна изъ дамъ.

Прелестныхъ два куплета
Мосье Шатиловъ намъ, какъ истинный артистъ
Продекламировалъ.

Шатиловъ.

На милаго поэта
Великій нашъ водевилистъ
И другъ мой Писаревъ ихъ написалъ... Угодно,
Я вновь прочту?

Одни голоса.

Увольте!

Другіе голоса.

Превосходно!

Шатиловъ *(декламируетъ)*.

«Какъ Грибоѣдова забыть?
Сатирикъ, трагикъ, лирикъ!
Его не нужно намъ хвалить—
Онъ самъ свой панегирикъ.
Давиду переводъ его
Страшнѣе Голіафа!
Онъ доказалъ намъ, каково
Быть другомъ «Телеграфа»!
Онъ старымъ слогомъ намъ прочелъ
Супружескую вѣрность
И преневѣрно перевелъ
«Притворную невѣрность».

«Давно-ли «Горе отъ ума»
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смысла, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
Хоть стóитъ быть повѣшенъ,

Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
Нижегородскій смѣшанъ—
Никто о немъ не думалъ знать,
Никто о немъ не слышалъ,—
Но чтобъ комедію читать,
Поэтъ въ отставку вышелъ...».

Н ѣ с к о л ь к о г о л о с о в ъ.

Charmant!..

Д р у г і е.

Дуракъ!

Ж а н д р ъ *(Хмельницкому, указывая на Шатилова).*

Пріятелемъ вѣдь тоже
Считается!..

Х м е л ь н и ц к і й.

На то вѣдь онъ
И Репетиловъ...

Б е с т у ж е в ъ.

Боже, Боже,
Какой нелѣпый Вавилонъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Алексѣй Грибоѣдовъ.

А л е к с ѣ й Г р и б о ѣ д о в ъ.

Прошу простить... Быть можетъ, незаконно
Вторгаюсь я...

Х м е л ь н и ц к і й *(идя къ нему на встрѣчу).*

Помилуйте... Я радъ...
Давно-ль у насъ?

А л е к с ѣ й Г р и б о ѣ д о в ъ.

Да дня ужъ три назадъ
Изъ матушки Москвы.

(Увидя Волкову).

А, Марья Аполлонна!
Ужъ вотъ не чаялъ встрѣтить васъ
Среди грѣховъ столицы здѣшней...

Г-жа Волкова.

Ахъ, cher ami, изъ этой тьмы кромѣшной
Домой я каждый день и часъ
Душою рвусь, да все съ дѣлами
Никакъ не справлюсь...

Хмельницкій (*Алексѣю Грибоѣдову*).

Долго-ль съ нами
Пробыть намѣрены?

Алексѣй Грибоѣдовъ.

Какъ можно поскорѣй
Хотѣлось бы мнѣ въ путь обратный,
Исполнивъ долгъ пренепріятный,
По коему вліятельныхъ друзей
Пріѣхалъ я обезпокоить. .
И, Николай Иванычъ, къ вамъ
Явился я по этимъ же дѣламъ,
Съ усердной просьбою—устроить,
Уладить какъ нибудь...

Хмельницкій.

Я очень радъ... но чѣмъ
Могу служить?...

Алексѣй Грибоѣдовъ.

Сейчасъ исторью эту
Вамъ объясню.

Хмельницкій.

Быть можетъ, по секрету
Желаете?

Алексѣй Грибоѣдовъ.

О, нѣтъ! Предъ свѣтомъ всѣмъ
Готовъ я говорить. Чѣмъ даже больше въ сборѣ,
Тѣмъ лучше. Видите-ль, у насъ большое горе
Отъ «Горя отъ ума»...

Шатиловъ *(выдвигаясь).*

Чудесный каламбуръ! *(Въ сторону).*
Сейчасъ же запишу!..

Алексѣй Грибоѣдовъ *(Шатилову).*

А, милый другъ, bonjour!
Сердечно радъ! *(Хмельницкому, продолжая).* Жестокаго позора
Вся наша честная дворянская семья
И всѣ почтенные московскіе друзья
Понабрались отъ пасквильнаго вздора,
Которымъ надъ Москвой
Племянничекъ любезный мой
Потѣшился... Не потому, конечно,
Что тамъ хоть капля правды есть...
Нѣтъ, только оттого, что честь
Дворянская безчеловѣчно
Оскорблена—и кѣмъ же? Столбовымъ
Московскимъ дворяниномъ!.
Но недовольный тѣмъ, что съ дѣтищемъ своимъ
Онъ носится лишь по гостинымъ,
Читая всякому, въ комъ есть
Охота слушать,—онъ съ нахальнымъ
Упрямствомъ пасквиль свой хлопочетъ ужъ провесть
Къ подмосткамъ театральнымъ!..
На сцену!.. Этотъ срамъ легко поймете вы:
Весь лучшій цвѣтъ Москвы,
Публично опозоренный въ угоду
Мѣщанскому презрѣннѣйшему сброду!..
Понятно—стали мы изъ всѣхъ работать силъ:

Кокошкинъ, милый нашъ директоръ театральный,
Начальству высшему докладъ фундаментальный
Представилъ, въ коемъ объяснилъ,
Что «Горе отъ ума», явясь на русской сценѣ,
Весьма способно повести
Спокойные умы къ опасной перемѣнѣ
И даже... кое-что важнѣе потрясти...
Нашли мы и другихъ вліятельныхъ и знатныхъ
Ходатаевъ,—но ныньче вѣдь у насъ
Такія времена, что можно каждый часъ
Сюрпризовъ очень непріятныхъ—
Особенно въ столицѣ *вашей*—ждать...
Вотъ отчего рѣшился утруждать
Васъ, Николай Иванычъ милый,
Я тоже просьбою покорнѣйшею...

Хмельницкій *(иронически)*.

Но...
Мнѣ, къ сожалѣнью, не дано
Владѣть *вліятельною силой*...

Алексѣй Грибоѣдовъ.

Да, это знаю я. Но вы
Дружны съ моимъ племянникомъ—безумцемъ;
Поговорите съ вольнодумцемъ:
Пусть дурь изъ дерзкой головы
Онъ выкинетъ, пусть не срамитъ сословья
Дворянскаго, пускай сожжетъ
Плоды преступнаго злословья...
Вы сами дворянинъ...

Бестужевъ *(тихо Жандру)*.

Какъ хорошо поетъ
Московскій соловей!

(Оба смѣются; Алексѣй Грибоѣдовъ гнѣвно смотритъ въ ихъ сторону).

Хмельницкій.

Простите... Но ошибкой
Вы, кажется, ко мнѣ зашли....
На вашу рѣчь отвѣтить лишь улыбкой
Способенъ я... Ужели вы могли
Быть обо мнѣ такого мнѣнья
Печальнаго? Считать меня
Участникомъ такого преступленья?...

Алексѣй Грибоѣдовъ.

А, вотъ что! Стало быть, здѣсь Чацкаго родня,
Его сообщники и други!.. Да, вы правы,
Я не туда зашелъ... Pardon... Имѣю честь...
О, Петербургъ! О, времена, о нравы!
(Быстро уходитъ).

Г-жа Волкова *(вставая).*

Пора и мнѣ.

Хмельницкій.

Куда же? А присѣсть
За пирожокъ нашъ имянинный
Не пожелаете?

Г-жа Волкова.

Нѣтъ, милый мой, лежитъ
Къ *вамъ* вся моя душа,—но всякій апетитъ
Испортится у васъ въ гостиной.
Mesdames, messieurs... *(идетъ къ двери).*

Хмельницкій *(провожая ее).*

Покорный вашъ слуга.
(Возвращаясь безъ нея).
Да, барыня строга!...
Ахъ, злополучный Грибоѣдовъ,
Какъ уцѣлѣть ему въ зубахъ у людоѣдовъ!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* **Грибоѣдовъ** *(появляется въ дверяхъ).*

Бестужевъ.

А, вотъ и самъ онъ!..

Хмельницкій.

Всей душой
Радъ видѣть васъ...

Господинъ З. *(другому гостю).*

Сейчасъ, честнóе слово,
Начнемъ смѣяться мы: забавникъ онъ большой!

Хмельницкій *(Грибоѣдову).*

Вы такъ встревожены... Чего нибудь дурнаго
Не приключилось ли опять?..

Грибоѣдовъ.

Ахъ, каждый часъ могу я повторять,
Какъ Чацкій мой: «Мильонъ терзаній!»
Вотъ часъ тому назадъ...
(Всѣ собираются съ любопытствомъ вокругъ него).
Вы помните—я вамъ
Разсказывалъ, что въ театральной школѣ
Двумъ-тремъ ученикамъ
Пришло на мысль: доколѣ
Комедію мою давать запрещено—
Сыграть ее на школьной сценѣ,
Совсѣмъ безъ публики. Инспекторъ, добрый Бокъ,
Сперва противился, но послѣ, тѣмъ не менѣ,
Далъ разрѣшеніе—и молодой кружокъ
Принялся горячо за дѣло
Подъ наблюденіемъ моимъ.
(Бестужеву).
Ты помнишь—часто какъ мы пріѣзжали къ нимъ

На репетиціи, какъ живо и умѣло
У нихъ все ладилось!.. *(Хмельницкому).*
Григорьева Петра
И Каратыгина меньшаго
Я хоть сейчасъ—честнòе слово—
Въ актеры-бъ выпустилъ: совсѣмъ ужъ мастера!..
Но... часъ тому назадъ—на генеральной
Ужъ репетиціи—вдругъ съ вѣстью къ намъ печальной
Бокъ, весь испуганный, бѣжитъ:
Графъ Милорадовичъ ужасно, молъ, сердитъ,
Что школьникамъ дозволили затѣю
Столь дерзкую, и властію своею,
Какъ шефа всѣхъ театровъ, онъ
Немедленно кладетъ запретъ суровый.
«Вотъ случай вамъ со мною—онъ не новый»,
Какъ Чацкій, я скажу,—но въ немъ вѣдь заключенъ
И новый мнѣ урокъ... О, Господи, когда-же
Окончится все это? Съ каждымъ днемъ
Становится все тяжелѣй и гаже...

Бестужевъ.

Терпѣніе, мой другъ!

Грибоѣдовъ.

О, я давно ужъ въ немъ
Усердно упражняюсь. Да, терпѣнье—
Наукъ всѣхъ азбука.

Шатиловъ *(въ сторону).*

Какое изреченье
Глубокое! Сейчасъ же запишу...
(Входитъ лакей).

Хмельницкій *(лакею).*

Что ты?

Лакей.

Все къ завтраку готово.

Хмельницкій.

А! Гости милые, покорнѣйше прошу.
(Всѣ идутъ въ столовую).

Господинъ К. *(господину З. по дорогѣ).*

Да что-жъ ты въ немъ нашелъ забавнаго, смѣшнаго?
Скучнѣйшій мизантропъ— и больше ничего! *(проходятъ).*

Хмельницкій *(Грибоѣдову, который сидитъ въ задумчивости).*

Ну, полно, мой поэтъ! Пойдемъ, веселымъ дѣломъ
Займемся—пирога отвѣдать моего.
Духъ духомъ, тѣло тѣломъ!

Грибоѣдовъ.

Позвольте мнѣ на нѣсколько минутъ
Остаться, другъ любезный, тутъ...
Я отдохну...

Бестужевъ.

А я не помѣшаю?

Грибоѣдовъ *(протягивая ему руку).*

Ты—никогда!

Хмельницкій.

Ну, я васъ оставляю.
И скоро жду *(уходитъ).*

Длинноволосый поэтъ *(не ушедшій еще съ другими гостями, подходитъ къ Грибоѣдову).*

Позвольте вамъ deux mots.
Я тоже вѣдь *(съ фальшивой скромностью)* поэтъ немного...
Вчера я слушалъ васъ... Комедія—само
Великолѣпіе!.. Но... вы мнѣ ради Бога
Простите... кое-что могло
Быть передѣланнымъ. Притомъ, всего четыре
Тамъ акта, а кому-жъ въ литературномъ мірѣ

Невѣдомо, что нашъ великій Буало
Велѣлъ писать въ пяти?..

Бестужевъ.

Вамъ, какъ я вижу, мало
Двухъ паръ колесъ для дрожекъ тѣхъ,
На коихъ вы катаетесь?

Длинноволосый поэтъ.

Вашъ смѣхъ,
Mon cher monsieur, мнѣ страненъ. Не пристало
Въ вопросахъ d'art шутить—и грубо такъ!..
Je vous salue *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Грибоѣдовъ *и* **Бестужевъ.**

Бестужевъ.

Еще одинъ дуракъ
Изъ критиковъ!..

Грибоѣдовъ.

Охота, право,
Тебѣ входить съ ничтожностью такой
Въ полемику! Ихъ весь газетный бой—
Мальчишекъ-школьниковъ забава!
Еще на дняхъ обѣдалъ я
Въ компаніи, гдѣ собралася братья
Литературная. Тутъ были и друзья—
На видъ, по крайности; тутъ были и объятья,
И ѳиміамъ во славу дѣлъ моихъ...
Но сколько сытости отъ всѣхъ дурачествъ ихъ,
Отъ сплетень старцевъ и мальчишекъ,
Талантовъ мишурныхъ и мелочныхъ душишекъ!..
До этой дряни мнѣ, ей Богу, дѣла нѣтъ:
Она, какъ мухи, и родится,
И тутъ же мретъ.... Убійственно ложится

Мнѣ на душу одно: запретъ.
Запретъ тупой, неумолимый
На трудъ завѣтнѣйшій, трудъ горячо любимый
Столь многихъ, многихъ лѣтъ... Надежды никакой
Не вижу я нигдѣ...

Бестужевъ.

Но—слышалъ я—хлопочетъ
Паскевичъ за тебя; Ланской
Помочь, я знаю, тоже хочетъ;
А вѣдь въ его рукахъ
Цензура вся,—и надо думать...

Грибоѣдовъ.

Ахъ,
Защитниковъ *опальныхъ* много
Найдется, вѣрю я,—но воздухъ, воздухъ весь
Враждой къ такимъ, какъ я, насквозь пропитанъ здѣсь,
И предо мной—навѣкъ закрытая дорога...

Бестужевъ.

Ну, что-жъ! Въ театръ не попадетъ—
Появится твой трудъ въ печати,
И «Горе отъ ума» въ ней вѣчно не умретъ!..
Да, кстати:
Сегодня утромъ лишь случайно я узналъ,
Что не въ комедію сперва предполагалъ
Ты мысль свою облечь.

Грибоѣдовъ.

Да, планъ первоначальный
Сценической поэмы этой былъ
Великолѣпнѣе, пока не облачилъ
Его въ нарядъ я театральный—
Нарядъ столь суетный. Желаніе стихамъ
Моимъ *публичнаго* успѣха,
Желанье дѣтское услышать взрывы смѣха,
Рукоплесканія—виной тому, что самъ

Испортилъ я свое созданье...
Но я страдаю не одинъ:
Ужъ такова судьба нашедшаго призванье
Въ томъ, чтобъ писать для сцены. И Расинъ,
И самъ Шекспиръ избѣгнуть этой доли
Вѣдь не могли... Но я театръ люблю
Глубоко, пламенно,—и страшно я скорблю,
И безъ невыразимой боли
Съ тѣмъ примириться не могу,
Что поле уступить приходится врагу!..

Бестужевъ.

Нѣтъ, рано уступать! Что-бъ ни было—сражаться
Должны мы до конца...

Голосъ Пушкина *(за сценой).*

Куда же направляться?

Голосъ лакея *(за сценой).*

Сюда пожалуйте.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же *и* Пушкинъ.

Грибоѣдовъ и Бестужевъ *(вскакивая).*

Что это? Пушкинъ! Вы!

Пушкинъ.

А, милые мои! Какъ радъ я встрѣчѣ съ вами!

Грибоѣдовъ.

Откуда и когда?

Пушкинъ.

Дѣлами
Сюда я вызванъ изъ Москвы.
Вчера пріѣхалъ въ ночь,—и, вспомнивъ имянины
Хмельницкаго... Да гдѣ-же онъ?

Бестужевъ *(стоящему у дверей лакею).*

Ступай—

И доложи скорѣй.

Пушкинъ.

Ну, что у васъ,—я, чай,
Для удивленія есть разныя причины?

Бестужевъ.

Да, интереснаго не мало...

Голосъ Хмельницкаго *(за сценой).*

Гдѣ, гдѣ онъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *и* **Хмельницкій,** *за нимъ мало-по-малу выходятъ другіе гости.*

Хмельницкій.

Вотъ это такъ сюрпризъ! Порадовали знатно!
Сердечнѣйшій привѣтъ вамъ и поклонъ!

Пушкинъ.

И мнѣ весьма, весьма пріятно,
Обнявъ, поздравить васъ... Не видѣлись давно...
Какъ поживаете?.. Что въ Питерѣ творится?
Въ Москвѣ теперь занятіе одно:
Старушка бьетъ въ набатъ, и доблестныя лица
Созданья вашего, мой тёзка дорогой,
Грозятъ васъ раздавить могучею ногой!..
Но здѣсь, надѣюсь, ваше дѣло
Значительно подвинуться успѣло,
И русской сценѣ предстоитъ
Великій праздникъ?..

Хмельницкій.

Нѣтъ, здѣсь все идетъ, какъ прежде,
Пожалуй—хуже... Мы...

Пушкинъ.

Тьма свѣту, значитъ, мститъ
По прежнему?.. Но въ радостной надеждѣ
Мы колебаться не должны!
О, да, какъ ни были-бъ сильны
Враги въ ихъ гнусной непріязни—
Настанетъ лучшая пора:
Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.

(Беретъ за руку Грибоѣдова и выводитъ на авансцену; остальные окружаютъ ихъ).

Утѣшьтесь, милый другъ! Вашъ Чацкій побѣдитъ
Въ открытой для него аренѣ,
И «Горе отъ ума» на всероссійской сценѣ
Навѣки ярко заблеститъ.
И будетъ прятаться отъ взглядовъ
Побѣдоноснаго орла
Сонмъ заклейменныхъ вами гадовъ,
Дѣтей невѣжества и зла;
А тѣ, которые за вами
Съ любовью теплою пойдутъ—
Далеко дѣломъ и словами
Работу вашу разнесутъ,
И, по наслѣдію отъ дѣдовъ,
Въ сердцахъ у внуковъ будетъ ввѣкъ
Жить, какъ поэтъ и человѣкъ,
Нашъ геніальный Грибоѣдовъ!

Новые матеріалы для біографіи М. И. Глинки.

Въ недавнее время, при разборѣ обширной корреспонденціи покойнаго московскаго профессора Шевырева, принадлежащей теперь Императорской Публичной Библіотекѣ, найдено письмо М. И. Глинки, до сихъ поръ неизвѣстное.

Оно писано изъ Неаполя 10-го ноября 1831 года и принадлежитъ къ тому періоду жизни Глинки, изъ котораго (сколько до сихъ поръ извѣстно) не сохранилось ни единаго письма, а свѣдѣнія, сообщенныя самимъ Глинкой, довольно скудны.

О Римѣ у Глинки написаны въ его «автобіографіи» всего лишь слѣдующія строки: «Въ началѣ октября 1831 года я и Ивановъ пріѣхали въ Римъ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль [1]). Въ то время жила въ Римѣ княгиня Зинаида Волконская [2]). Въ качествѣ наставника, при сынѣ ея [3]) былъ Шевыревъ, извѣстный теперь (1854) профессоръ московскаго университета, съ которымъ я познакомился въ 1828 году въ Москвѣ, у Мельгунова [4]). Въ продолженіе пребыванія моего въ Римѣ, онъ былъ моимъ

---

1) Ивановъ, знаменитый впослѣдствіи въ Европѣ теноръ, былъ сначала однимъ изъ пѣвчихъ нашей Придворной Капеллы, а въ 1830 году пріѣхалъ въ Италію учиться пѣнію у знаменитыхъ тогда итальянскихъ учителей пѣнія.

2) Княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, замужемъ за княземъ Никитою Григорьевичемъ Волконскимъ.

3) Князь Александръ Никитичъ Волконскій.

4) Николай Алексѣевичъ Мельгуновъ, [illegible] и пріятель Глинки.

чичероне и показалъ всѣ достопримѣчательности съ объясненіями. Въ достоинствѣ церкви Св. Петра въ Римѣ я не могъ убѣдиться, вѣроятно, потому, что и до сихъ поръ готическія и византійскія церкви я предпочитаю всѣмъ другимъ».

Нравился или не нравился Глинкѣ Римъ, было ли ему тамъ пріятно или нѣтъ, съ кѣмъ онъ тамъ встрѣчался, какъ проводилъ время—въ «автобіографіи» о томъ нѣтъ ни слова. Найденное нынче письмо Глинки пополняетъ этотъ недочетъ и сообщаетъ нѣсколько довольно удовлетворительныхъ подробностей обо всемъ этомъ.

Свѣдѣнія о Неаполѣ гораздо обширнѣе у Глинки. Въ его «автобіографіи» читаемъ: «Мы прибыли въ Неаполь 1-го ноября 1831 года утромъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ и долго не могъ налюбоваться необыкновенною, величественною красотою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный, праздничный свѣтъ, все это было для меня ново и восхитительно-прекрасно. Отъ отраженія солнца въ заливѣ, какъ въ зеркалѣ, Капри и отдаленныя горы Сорренто казались въ ясную погоду полупрозрачными, подобно опаламъ... Сочинялъ ли я что въ Неаполѣ—не помню; кажется, что я твердилъ какую то фортепіанную пьесу для какого то концерта, у какихъ то англичанъ...».

Далѣе разсказывается, что въ Неаполѣ Глинка много времени проводилъ, слушая пѣвицу Фодоръ Менвіель, родомъ русскую, Ѳедорову, и итальянскаго пѣвца, Ноццари, знаменитаго учителя пѣнія, и къ этому онъ прибавляетъ: «Ноццари и Фодоръ я обязанъ болѣе всѣхъ другихъ maestro моими познаніями въ пѣніи...». Въ Неаполѣ Глинка познакомился съ живописцемъ Карломъ Брюлловымъ, принимавшимся тогда за свою картину «Послѣдній день Помпеи», а также съ Беллини и Доницетти, слышалъ знаменитаго баса Тамбурини въ «Turco in Italia» Россини, но особенно любилъ маленькій народный театрикъ Санъ-Карлино. Наконецъ, былъ два раза на Везувіи,—но, каковы были впечатлѣнія отъ всего этого вмѣстѣ, о томъ не говорится въ «автобіографіи» совершенно ничего. Въ декабрѣ и январѣ, отъ большихъ пріемовъ *бѣлены*, которую итальянскіе доктора давали ему противъ безсонницы, онъ почувствовалъ такое раздраженіе нервовъ, а отъ него—такую тоску, что рѣшился оставить Неаполь, а съ нимъ вмѣстѣ и Иванова, который опротивѣлъ ему своимъ «труднымъ характеромъ, черствымъ сердцемъ, неповоротливостью и тупымъ умомъ». Въ концѣ

февраля 1832 года Глинка уѣхалъ изъ Неаполя, и черезъ Римъ, Болонью, Парму, Модену и Піаченцу прибылъ въ Миланъ въ началѣ марта.

Найденное нынче письмо прибавляетъ довольно много новаго къ тому, что сообщено «автобіографіей». Вотъ это письмо.

Неаполь. 10-го ноября 1831.

До меня дошли дурныя вѣсти, милый другъ мой. Говорятъ, что ты оставляешь Италію, и скоро. Неужели я болѣе не увижусь съ тобою до возвращенія въ Россію? Ужели счастливые дни, проведенные съ тобою въ Римѣ, не возобновятся болѣе?

И такъ, мнѣ должно разстаться съ пріятнѣйшею мечтою—пожить съ тобою въ благословенной Италіи. Эта мысль такъ сильно врѣзалась въ мою голову, что, токмо подъѣзжая къ Неаполю и въ первый день пріѣзда, я пересталъ думать о Римѣ. На другой же день задумался и, признаюсь, началъ даже тосковать о прелестныхъ, слишкомъ скоро протекшихъ минутахъ нашего втораго свиданія. Твоя дружба такъ разогрѣла мое почти охладѣвшее сердце, что я снова воскресъ для изящныхъ и высокихъ впечатлѣній. Здѣсь я снова начинаю погружаться въ равнодушіе ко всему, даже къ прелестямъ самой природы, ибо здѣсь не съ кѣмъ подѣлиться чувствами.

Если бы не княгиня Софья Григорьевна Волконская (которая приняла насъ подъ свое особенное покровительство) [1]) мы бы, кажется, погибли въ этомъ огромномъ чужомъ для насъ городѣ. Здѣсь все на этикетѣ. Признаюсь, что Неаполь, несмотря на чудесную красоту мѣстоположенія, мнѣ antipatico,—отчасти по нѣкоторому сходству съ ненавистнымъ мнѣ Петербургомъ, отчасти и потому, что я въ немъ нахожу мало итальянскаго. Я охотно бы уѣхалъ отсюда, но жестокая судьба мнѣ въ этомъ препятствуетъ; къ тому же, здѣшній климатъ, сколько могу судить, для меня весьма хорошъ, и это такое обстоятельство, котораго я не долженъ выпускать изъ виду.

Хлопоты и легкое разстройство здоровья лишили меня возможности писать къ тебѣ въ первые дни послѣ пріѣзда, да и теперь долженъ ограничиться этими немногими строками за недостаткомъ времени.

---

[1]) Княгиня Софья Григорьевна Волконская была супруга министра Двора, князя Петра Михайловича Волконскаго.

Наше глубочайшее почтеніе княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ и всѣмъ вашимъ. Поблагодари ихъ еще разъ за ихъ къ намъ милостивое расположеніе.

Не забудь также и милой созвучницы. Прощай. Твой навѣки

М. Глинка.

Ради Бога изрѣдка пиши мнѣ. Даю слово отвѣчать исправно.

(Адресъ, безъ конверта) Степану Петровичу
Шевыреву.

Въ Римѣ.

(Тутъ же, на внѣшней сторонѣ письма, гдѣ адресъ)

На счетъ нашихъ нотъ прошу тебя распорядиться по твоему усмотрѣнію.

И такъ, Италія была для Глинки «благословенной», онъ находилъ въ ней многое для себя пріятное, даже поэтическое (особливо впослѣдствіи, послѣ Рима и Неаполя, въ Миланѣ), но тоска его грызла и не давала ему покоя,—отчасти подъ вліяніемъ осаждавшихъ его нервныхъ болѣзней Неаполь казался Глинкѣ столько же ненавистнымъ, какъ Петербургъ. Не взирая на всю прелесть природы, онъ тамъ «погибалъ». Иногда онъ впадалъ въ Италіи даже въ «жесточайшее отчаяніе», которое выразилъ однажды въ своемъ Trio для фортепіано, кларнета и фагота съ такою силою, что игравшіе съ нимъ это тріо итальянскіе музыканты сказали ему: «Ma questo è disperazione! (Но вѣдь это—отчаяніе!).

Въ концѣ же концовъ, въ Италіи болѣе чѣмъ гдѣ нибудь Глинка почувствовалъ, что онъ «русскій», что сочинять музыку долженъ только русскую, что въ Италіи ему не житье, а потому, воротившись въ Россію, объ Италіи онъ никогда уже болѣе и не думалъ. Если же онъ и пробовалъ иногда впослѣдствіи снова пускаться за границу, то единственно изъ-за своего здоровья, требовавшаго климата болѣе южнаго, чѣмъ Петербургъ, или же вслѣдствіе какихъ либо сильныхъ непріятностей и раздраженій моральныхъ. Не будь этихъ двухъ причинъ, онъ, кажется, никогда бы и не вздумалъ уѣзжать куда бы то ни было изъ Россіи.

Русская жилка слишкомъ сильно билась въ немъ, русская почва, жизнь и люди слишкомъ были ему нужны.

В. Стасовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ 1860 году открыло свои дѣйствія основанное въ предшествовавшемъ году Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, извѣстное въ публикѣ подъ названіемъ Литературнаго Фонда. Литераторы въ то время были не то, что теперь: они находились у общества «въ цѣнѣ», котировались на биржѣ общественнаго мнѣнія и сочувствія очень высоко. Да и было отчего: Некрасовъ, Майковъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Дружининъ, Писемскій, а около нихъ—боги minores, но такіе, которымъ въ настоящее время подъ стать бы возсѣдать на самой почетной вершинѣ Олимпа: Василій Курочкинъ, Мей, Михайловъ... Помню, когда въ пользу того же Фонда, немедленно по основаніи его, въ Пассажѣ было устроено въ пользу его литературное чтеніе, и на эстрадѣ появились послѣдовательно Тургеневъ со своимъ «Гамлетомъ и Донъ-Кихотомъ», Некрасовъ съ нѣсколькими стихотвореніями, графъ Алексѣй Толстой и еще кто то—забылъ теперь,—то при появленіи каждаго изъ нихъ залъ, въ которомъ негдѣ было яблоку упасть, буквально, а не реторически выражаясь, дрожалъ отъ криковъ и аплодисментовъ, и потомъ, въ теченіе долгаго времени, только и было въ публикѣ рѣчи, что объ этомъ дотолѣ невиданномъ и необычайно привлекательномъ зрѣлищѣ... Именно «зрѣ-

лищѣ»,—потому что литераторовъ бѣжали не только слушать, а и смотрѣть, пожалуй, даже больше смотрѣть, чѣмъ слушать... Не забудьте, что это было самое начало знаменитыхъ «шестидесятыхъ годовъ»...

Сдѣлавшись членомъ Фонда съ самаго его основанія и, само собой разумѣется, горячо сочувствуя его цѣлямъ и дѣятельности, я, въ виду сочувствія къ нему и къ литераторамъ также и со стороны общества, задумалъ устроить въ пользу его литературный спектакль, т. е. съ участіемъ возможно большаго числа писателей.

Въ то время, вращаясь преимущественно въ «Дружининскомъ» кружкѣ, гдѣ часто собирались всѣ тогдашніе главари литературы, я былъ особенно близокъ, между прочимъ, съ Писемскимъ, который, сверхъ своего громаднаго литературнаго дарованія, обладалъ еще, какъ говорили видѣвшіе его въ качествѣ актера, большимъ талантомъ сценическимъ. Я сообщилъ ему мою мысль, онъ горячо ухватился за нее—и мы начали работать. Рѣшено было устроить два спектакля: въ первый дать «Ревизора», во второй—«Женитьбу». Понятно, что прежде всего приходилось отыскать актеровъ,—и я пустился на поиски послѣ того, какъ мы сообща условились, что городничаго будетъ играть Писемскій, Хлестакова—я.

Всѣ литераторы изъ «большихъ»,—а ихъ то участіе въ спектаклѣ и было наиболѣе желательно,—самымъ сочувственнымъ образомъ отнеслись къ моему предпріятію, но принять участіе активное, выступить въ маломальски отвѣтственной роли нашлось мало охотниковъ. Ни одному изъ нихъ не приходилось до того времени выступать на сценѣ, и сдѣлать первый опытъ *теперь* никто не рѣшался; не рѣшался даже Тургеневъ, который игрывалъ въ своей жизни, но теперь почему то уклонялся сыграть даже графа въ своей «Провинціалкѣ», которую мы тоже собирались поставить въ одинъ вечеръ съ «Женитьбой». А *читалъ* онъ эту роль отлично... Единственнымъ писателемъ изъ этого кружка, выказавшимъ полнѣйшую, даже горячую готовность играть — не выдти только на сцену, а именно играть—оказался, какъ это не можетъ показаться страннымъ для знавшихъ этого писателя, особенно впослѣдствіи, — Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій (незадолго до того вернувшійся въ Петербургъ). «Дѣло хорошее, очень хорошее, дѣло даже—прямо скажу—очень важное!» говорилъ онъ съ какою то суетливою радостью, и раза два-три, пока шли приготовленія, забѣгалъ ко мнѣ узнавать, ладится ли все, какъ слѣдуетъ.

Само собой разумѣется, что и Писемскій (безъ совѣта котораго я не позволялъ себѣ ничего рѣшать) и я предоставили Ѳедору Михайловичу полную свободу въ выборѣ роли, и онъ безъ всякихъ обдумываній остановился на роли почтмейстера Шпекина.

«Это», сказалъ онъ, «одна изъ самыхъ высоко-комическихъ ролей не только въ Гоголевскомъ, но и во всемъ русскомъ репертуарѣ, и притомъ исполненная глубокаго общественнаго значенія... Не знаю, какъ мнѣ удастся съ нею справиться, но играть ее буду съ большимъ стараніемъ и большою любовью...».

И такъ, почтмейстеръ — Достоевскій. Но какъ же быть съ остальными ролями? А самое главное—какъ утилизировать остальныхъ «большихъ» писателей, безъ присутствія которыхъ и спектакль будетъ не въ спектакль,—если принять въ соображеніе мысль, руководившую мною въ этомъ устройствѣ? И вотъ мнѣ приходитъ въ голову сдѣлать ихъ являющимися къ Хлестакову, а потомъ и къ городничему безмолвными купцами. На это приглашеніе всѣ отвѣчали согласіемъ, и вотъ какая компанія купцовъ образовалась у меня: Тургеневъ, Григоровичъ, Майковъ, Дружининъ, Краевскій, Василій Курочкинъ! Представьте себѣ гордость режиссера, у котораго въ распоряженіи такіе «выходные»! Но между купцами есть Абдулинъ, которому приходится говорить не мало, а *говорить* никто изъ моихъ «выходныхъ» не хочетъ. Тогда я пишу Александру Николаевичу Островскому въ Москву. «Хорошо», отвѣчаетъ онъ, «съ удовольствіемъ буду играть Абдулина, только репетируйте безъ меня, я пріѣду на двѣ послѣднія репетиціи...». Такимъ образомъ, персоналъ писательскій у меня обезпеченъ, причемъ еще квартальнаго соглашается играть только что начинающій литераторъ, Сниткинъ, пріобрѣвшій себѣ нѣкоторую извѣстность въ легкой юмористической прессѣ подъ псевдонимомъ Аммоса Шишкина (и увы! умершій жертвою этого спектакля, потому что простудился на немъ и схватилъ горячку); роль городничихи беретъ на себя извѣстная артистка, Ирина Семеновна Кони (бывшая Сандунова); всѣ остальныя роли распредѣляются уже между лицами изъ публики.

Но надо было позаботиться и о помѣщеніи для спектакля. Просить у Дирекціи Императорскихъ театровъ какой нибудь театръ—въ чемъ намъ, конечно, не отказали бы—почему то не пришло намъ въ голову, а театровъ частныхъ въ то время не было. Поиски по городу привели меня къ откры-

тію большаго зала въ домѣ Руадзе,—того самаго зала, въ которомъ теперь устроенъ Кононовскій театръ; но тогда залъ былъ совсѣмъ пустымъ, такъ что пришлось строить всю сцену. Предстояли очень значительныя затраты, но перспектива большихъ сборовъ дала мнѣ (на которомъ лежала вся распорядительная, даже кассирская часть) смѣлость не испугаться расходовъ, тогдашній комитетъ Литературнаго Фонда предоставилъ мнѣ свободу въ этомъ отношеніи,—и работа всяческихъ сооруженій закипѣла, а одновременно съ этимъ начались и репетиціи. Собственно режиссерская дѣятельность сосредоточилась тоже въ моихъ рукахъ,—Писемскій помогалъ совѣтами и указаніями, иногда же я приглашалъ то того, то другаго писателя, который, по моему мнѣнію, могъ быть компетентнымъ судьею, а впослѣдствіи—и лучшихъ актеровъ Императорской драматической труппы. Но объ этомъ рѣчь впереди...

На первыхъ же репетиціяхъ обнаружилось, что дѣло пойдетъ хорошо, какъ потому, что были подобраны—даже на самыя маленькія роли—даровитые люди, такъ и оттого, что рѣшительно всѣ, начиная съ городничаго и кончая жандармомъ, объявляющимъ о пріѣздѣ настоящаго ревизора, отнеслись къ дѣлу съ полнѣйшей серьезностью и истинно-артистическою любовью. На первый планъ выступилъ Писемскій. Уже на считкѣ онъ явился идеальнымъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ и *читалъ* такъ, что въ этомъ отношеніи, пожалуй, не уступалъ и Щепкину, котораго я много разъ видѣлъ въ этой — коронной его — роли и запомнилъ всякую малѣйшую интонацію въ главныхъ фразахъ. На сценѣ, въ *игрѣ*, исполненіе въ цѣломъ было тоже художественное, но тутъ встрѣчались уже нѣкоторыя шероховатости, отъ коихъ, однако, онъ ни за что не хотѣлъ отступить, несмотря на то, что на нихъ указывали ему даже такіе судьи, какъ геніальный Мартыновъ. Такъ, напримѣръ, многое изъ того, что приходилось ему по ходу пьесы говорить не «въ публику», а къ лицамъ, помѣщавшимся въ боковыхъ или заднихъ частяхъ сцены, а равно и (выражаясь технически) «въ сторону», онъ произносилъ, повернувшись совершенно спиною къ зрителямъ, и такимъ голосомъ, такъ про себя, что разслышать его рѣчь въ публикѣ было совершенно невозможно.

— Алексѣй Ѳеофилактовичъ!—говорилъ я ему — вѣдь такъ нельзя! Васъ никто не услышитъ.

— Рутинеры вы, вотъ что я вамъ на это скажу—обыкновенно воз-

ражалъ онъ, иногда даже сердясь;—по вашему мнѣнію, какъ заведено искони, такъ и дѣлай до скончанія вѣка! Вонъ, молъ, почтенная публика, извольте слушать, что̀ я буду вамъ докладывать! Гдѣ же тутъ реализмъ въ искусствѣ, о которомъ всѣ мы усердно хлопочемъ теперь и за который я стою горой, какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ?.. Развѣ, когда я нахожусь въ комнатѣ и говорю съ кѣмъ нибудь, забочусь я о томъ, чтобы меня слышалъ кто нибудь, кромѣ тѣхъ, къ которымъ моя рѣчь обращена? Если это лицо стоитъ въ углу комнаты, развѣ я выведу его на середину комнаты, а не подойду къ нему въ уголъ? Буду я заботиться о томъ, чтобы не поворачиваться спиною ни къ кому изъ остальныхъ, въ этой же комнатѣ находящихся?.. Ну, точно тоже и на сценѣ...

— Но вѣдь сцена имѣетъ свои законы!..—возражали ему и я, и другіе и начинали пускаться въ разсужденія объ этихъ «законахъ», но онъ обыкновенно перебивалъ эти теоретическіе доводы словами:

— Никакихъ нѣтъ законовъ, кромѣ одного: полный реализмъ, безъ всякихъ ограниченій и уступокъ!

И сколько мы ни старались доказывать ему, что реализмъ понималъ онъ ужъ слишкомъ узко, слишкомъ анти-художественно, онъ упорно, даже упрямо отстаивалъ свою теорію, которою, какъ извѣстно, часто злоупотреблялъ и въ своемъ литературномъ творчествѣ...

Но, несмотря на это, такія шероховатости и уклоненія—тѣмъ болѣе, что они были незначительны и немногочисленны — нисколько не мѣшали Писемскому быть по истинѣ великолѣпнымъ городничимъ.

Достоевскій, — котораго петербургская публика узнала уже много позже, тоже какъ отличнаго чтеца,—обнаружилъ и хорошее сценическое дарованіе. Я думаю, что никто изъ знавшихъ Ѳедора Михайловича въ послѣдніе годы его жизни не можетъ себѣ представить его — комикомъ, притомъ комикомъ тонкимъ, умѣющимъ вызывать чисто Гоголевскій смѣхъ; а, между тѣмъ, это было дѣйствительно такъ, и Достоевскій-Шпекинъ былъ — за немногими неважными исключеніями — безукоризненъ... Прекрасна была И. С. Кони Анною Андреевною, и—смѣло могу сказать—до геніальности хорошъ студентъ здѣшняго университета, Ловягинъ, въ роли Осипа; изъ всей массы видѣнныхъ мною Осиповъ (а я однажды игралъ Хлестакова даже съ Осипомъ-Мартыновымъ) Ловягину подъ пару могъ бы быть развѣ только Садовскій.

Что касается собственно меня, то съ исполненіемъ роли Хлестакова связано у меня воспоминаніе, которое, думаю, не безъ интереса, если и съ возраженіемъ, прочтутъ актеры, въ репертуарѣ которыхъ эта роль находится.

Многихъ Хлестаковыхъ видѣлъ я до тѣхъ поръ,—видѣлъ и лучшаго между ними, Алексѣя Максимова,—и у всѣхъ, даже у такого тщательнѣйшаго «штудировщика» своихъ ролей, какимъ былъ Шумскій, меня поражало исполненіе сцены вранья послѣ завтрака, совершенно несоотвѣтствовавшее, по моему мнѣнію, тому положенію, въ которое въ этой сценѣ поставилъ Хлестакова авторъ, несоотвѣтствовавшее не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны. Всѣ Хлестаковы, какихъ я видѣлъ, повышали болѣе или менѣе тонъ, разсказывая о своемъ управленіи департаментомъ, но къ концу монолога голосъ ихъ начиналъ ослабѣвать, увлеченіе—и вообще не сильное—смѣнялось постепеннымъ впаденіемъ въ полупьяную дремоту, и слова: «ва.... ва.... вашество»—городничему приходилось обращать уже къ человѣку, почти задремавшему. Я находилъ такое исполненіе фальшивымъ съ двухъ, какъ сказано выше, сторонъ: съ внутренней потому, что Хлестаковъ, именно потому, что онъ—Хлестаковъ, разъ вообразивши себя директоромъ департамента съ тридцатью тысячами курьеровъ къ его услугамъ и видя, что его подобострастно слушаютъ, долженъ непремѣнно все болѣе и болѣе закусывать удила, съ полной, слѣдовательно, невозможностью при этомъ перейти въ полу-дремотное состояніе; съ внѣшней же стороны оттого, что у самого Гоголя, въ концѣ этого монолога, послѣ прерывающагося на половинѣ слова «фельдмаршалъ», поставлено въ ремаркѣ, что Хлестаковъ «поскальзывается». Какъ же можетъ поскользнуться человѣкъ, покойно сидящій въ креслѣ? И естественъ ли въ городничемъ страхъ, доводящій его даже до потери способности связно произнести два слова, передъ человѣкомъ, почти уснувшимъ, и уснувшимъ еще, очевидно, отъ опьянѣнія?.. Имѣя все это въ виду, я повелъ сцену иначе: послѣ словъ: «извольте, я принимаю... но ужъ у меня...» и т. д.—я повышалъ тонъ съ грозной интонаціей, а черезъ минуту послѣ того уже вскакивалъ съ мѣста и, продолжая говорить грознѣе и грознѣе, принималъ позу героически-настроеннаго сановника, въ которой и происходило «поскальзываніе», не переходившее въ паденіе потому, что городничій съ нѣсколькими чиновниками кидались на помощь...

Очень можетъ быть, что (какъ это весьма часто случается съ актерами) *исполненіе* не соотвѣтствовало у меня *замыслу*, но замыселъ былъ совершенно ясенъ. Писемскій на первой же репетиціи вполнѣ одобрилъ мое пониманіе этой сцены, сдѣлавъ замѣчаніе только на счетъ нѣсколькихъ чисто-внѣшнихъ пріемовъ. Достоевскій—вспоминаю это съ удовольствіемъ и понятною, полагаю, гордостью—пришелъ въ восторгъ.

«Вотъ *это* Хлестаковъ въ его траги-комическомъ величіи!», нервно заговорилъ онъ и, замѣтивъ нѣчто вродѣ недоумѣнія на лицахъ стоявшихъ тутъ же нѣсколькихъ человѣкъ, продолжалъ: «Да, да, траги-комическомъ!.. Это слово подходитъ сюда, какъ нельзя больше!.. Именно такимъ самообольщающимся героемъ—да, героемъ, непремѣнно героемъ—долженъ быть въ такую минуту Хлестаковъ! Иначе онъ не Хлестаковъ!»...

И не разъ впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ послѣ этого спектакля, Өедоръ Михайловичъ, при нашихъ встрѣчахъ, вспоминалъ объ этой сценѣ и говорилъ о необходимости исполненія ея именно въ такомъ духѣ и тонѣ...

Но отзывами людей литературныхъ я не удовольствовался; мнѣ хотѣлось узнать мнѣнія спеціалистовъ, т. е. актеровъ, и я обратился къ Мартынову, цѣня въ немъ не только высокое, геніальное дарованіе, но и тончайшее критическое чутье, въ которомъ, равно какъ и въ его серьезномъ и очень обдуманномъ отношеніи къ созданію ролей, я хорошо убѣдился изъ частыхъ и интимныхъ бесѣдъ съ этимъ великимъ артистомъ,—вопреки, замѣчу кстати, довольно широко распространенному мнѣнію, что Мартыновъ былъ творецъ безсознательный, что всякій теоретическій взглядъ на сценическое искусство былъ чуждъ ему, что онъ игралъ, какъ Богъ на душу положитъ, и т. под.

Мартынова я не предупредилъ, что мнѣ, дорожившему въ высшей степени его мнѣніемъ о моей игрѣ (да и всѣхъ остальныхъ) вообще, главнымъ образомъ хотѣлось узнать взглядъ его на мое пониманіе сцены вранья, тѣмъ болѣе, что уже за нѣсколько лѣтъ до того, въ пріѣздъ Мартынова въ Харьковъ, я, тогда только что кончившій курсъ въ университетѣ, игралъ съ нимъ (какъ «аматеръ») *второй* актъ «Ревизора» и былъ имъ одобренъ относительно общаго характера игры. Я просто просилъ его придти хоть разъ посмотрѣть насъ, дать свои указанія и совѣты. Мартыновъ очень внимательно смотрѣлъ, въ антрактахъ дѣлалъ замѣчанія и

исправленія, вообще относился вполнѣ одобрительно,—но послѣ третьяго дѣйствія отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Послушайте, отчего вы сцену хвастовства Хлестакова ведете *такъ*?

— Какъ, Александръ Евстафьевичъ?

— Да что то по особенному... мнѣ показалось...

— Неправильно?

— Какъ вамъ сказать?.. Странно что то... выходитъ какъ то скорѣе драматично, чѣмъ комично... Вы у кого нибудь переняли эту манеру, или сами додумались?..

И когда я ему отвѣтилъ, что «самъ додумался», что, напротивъ того, всѣ Хлестаковы играли эту сцену какъ разъ наоборотъ, онъ спросилъ:

— На какомъ же основаніи вы нашли, что нужно играть такъ, какъ *вы* играете?

Я объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ соображеніе, которымъ руководился. Мартыновъ немного подумалъ и сказалъ:

— Не хочу рѣшать сразу... Вопросъ любопытный... Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ—потолкуемъ на свободѣ.

Конечно, я поспѣшилъ къ нему и съ нетерпѣніемъ ждалъ его «рѣшенія».

— Я сегодня, прійдя съ вашей репетиціи домой,—сказалъ онъ—нарочно прочелъ снова третье дѣйствіе, прочелъ и письмо Гоголя о представленіи «Ревизора»,—потомъ соображалъ самымъ основательнымъ образомъ и...

— И я долженъ считать себя побитымъ?

— Вообразите, что нѣтъ; прихожу къ заключенію, что вы правы... Только у васъ въ *исполненіи* есть недочетикъ, и недочетикъ не маленькій; надо его непремѣнно исправить. Я, должно быть, ради его и не согласился съ перваго раза съ вами.

— Что́ же это? Укажите, пожалуйста!

— Видите ли, Өедоръ Михайловичъ очень это хорошо сказалъ вамъ, какъ вы мнѣ передавали, что положеніе Хлестакова въ этой сценѣ трагикомическое, какъ это называется... Только видите... не знаю, какъ это вамъ пояснѣе сказать.—(Мартыновъ вообще выражалъ свои мысли, свои теоретическіе взгляды съ трудомъ, оттого многіе, знавшіе его не близко и судившіе по первому впечатлѣнію, близоруко считали его «ограниченнымъ»).—

Коли траги-комическое, такъ вѣдь надо, чтобы тутъ было и трагическое, и комическое... Вы Хлестакова дѣлаете, какъ это называется, героемъ—и позою дѣлаете, и тономъ, и жестами: у васъ это и выходитъ хорошо, (хоть одинъ разъ «сорвался» голосъ, а отъ этого Боже храни актера!), но собственно комическаго то мало, въ лицѣ мало, въ мимикѣ, ну, въ гримасѣ даже, потому что тутъ и безъ гримасы нельзя... Не знаю, какъ бы вамъ это объяснить, понимаете ли вы меня... Да вотъ лучше постойте, я вамъ на дѣлѣ покажу... Посуфлируйте мнѣ,—съ книгой не такъ ловко.

Онъ усѣлся въ кресло и подъ мое «суфлерство» сталъ говорить довольно извѣстный ему на память, какъ оказалось, монологъ, начинающійся съ разсказа о петербургскихъ балахъ. Чтеніе это меня не удовлетворяло. Мартыновъ, будучи великимъ актеромъ, былъ плохой чтецъ (такъ, напримѣръ, монологи Фамусова онъ читалъ весьма посредственно), да и роль Хлестакова была совсѣмъ не въ его средствахъ; но когда онъ, играя теперь уже *по моему,* такъ какъ давалъ *мнѣ* урокъ, вскочилъ съ кресла и принялъ «героическую» позу, то выраженіе его лица, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, дѣлалось до такой степени комическимъ, «гримаса», о которой онъ упоминалъ и которая на самомъ дѣлѣ вышла удивительнымъ мимическимъ движеніемъ, произвела такой художественный контрастъ между «трагическимъ» и «комическимъ», такое художественно-пропорціональное распредѣленіе ихъ, что я въ одно мгновеніе понялъ, какъ нельзя яснѣе, то, чего не могъ съ достаточной ясностью изложить мнѣ за минуту передъ этимъ мой геніальный учитель... Да, я понялъ, но не менѣе хорошо понялъ и то, что, вполнѣ усвоивъ этотъ урокъ теоретически, въ практическомъ примѣненіи останусь блѣднѣйшею копіею своего образца. Во всякомъ случаѣ, однако, судя по тому, что говорили мнѣ Мартыновъ, Писемскій и нѣкоторые другіе на генеральной репетиціи, урокъ этотъ прошелъ не даромъ... Прибавлю здѣсь еще, что пригласилъ я однажды на репетицію и Петра Андреевича Каратыгина, но тотъ категорически разошелся со мною во взглядѣ, да и объ игрѣ Писемскаго отозвался неодобрительно...

Дѣло подходило къ концу, и недѣли за двѣ до спектакля появилась афиша, которую перепечатываю здѣсь съ буквальною точностью. Вотъ она:

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Въ Четвергъ, 14-го апрѣля 1860 г.

въ домѣ г-жи Руадзе, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка (входъ съ Мойки).

РЕВИЗОРЪ

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе *Н. В. Гоголя.*

Дѣйствующія:

Городничій	*А. Ѳ. Писемскій.*
Анна Андреевна, жена его	*П. С. Кони.*
Марья Антоновна, дочь ихъ	*Е. К. Мокринская.*
Хлоповъ, смотритель училищъ	*А. Г. Витковскій.*
Жена его	*Е. Н. Малахова.*
Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья	*В. Ѳ. Панютинъ.*
Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній	*В. А. Ивановъ.*
Шпекинъ, почтмейстеръ	*Ѳ. М. Достоевскій.*
Добчинскій, помѣщикъ	*В. П. Аничковъ.*
Бобчинскій, помѣщикъ	*П. П. Ознобишинъ.*
Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга	*П. И. Вейнбергъ.*
Осипъ, слуга его	*Е. П. Ловягинъ.*
Гибнеръ, докторъ	*М. П. Устиновъ.*
Растаковскій, отставной секундъ-маіоръ	*А. М. Политаевъ.*
Коробкинъ, житель города	*А. Н. Михайловъ.*
Люлюковъ	*П. А. Жуковъ.*
Уховертовъ, частный приставъ	*М. А. Хитунъ.*
Свистуновъ, квартальный	*А. П. Сниткинъ.*
Абдулинъ, купецъ	*А. Н. Островскій.*
Купцы	*И. С. Тургеневъ.* *А. А. Краевскій.* *Д. В. Григоровичъ.* *А. Н. Майковъ.* *А. В. Дружининъ.* *В. С. Курочкинъ.*
Пошлепкина, слесарша	
Мишка, слуга городничаго	*С. Н. Степановъ.*
Слуга трактирный	*В. П. Свиньинъ.*
Жандармъ	*М. А. Хитунъ.*

Нужно ли говорить, какую сенсацію произвела во всемъ городѣ такая необычайная въ Петербургѣ—да не въ одномъ Петербургѣ, а во всей Россіи—безпримѣрная афиша? Благодаря ей, кассирская должность, которая тоже выпала на мою долю, сдѣлалась самою хлопотливою и самою непріятною изо всѣхъ обязанностей и трудовъ, лежавшихъ на мнѣ по устройству этого спектакля. Со всѣхъ концовъ города, изо всѣхъ круговъ общества, начиная съ самой знатной знати и кончая маленькими чиновниками, сыпались ко мнѣ (такъ какъ было объявлено, что записываться заблаговременно слѣдовало у меня) цѣлые вороха просьбъ; двери моей квартиры не запирались ни на минуту, а когда началась самая выдача билетовъ, то человѣкъ, которому я поручилъ это дѣло (въ ту пору еще не существовало обыкновенія сдавать билеты для продажи въ магазины), просто съ ногъ сбился. Еслибъ залъ могъ вмѣстить тройное количество зрителей сравнительно съ тѣмъ, которое помѣщалось въ немъ, то и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, всѣ билеты были бы распроданы задолго до спектакля.

Въ назначенный день спектакль состоялся. Залъ представлялъ блестящій видъ. Ложъ въ то время въ немъ не было, какъ теперь въ Кононовскомъ театрѣ, и, если не ошибаюсь, не существовала и арка, теперь раздѣляющая залъ на двѣ половины, такъ что все пространство отъ сцены до послѣдней стѣны было занято густо уставленными стульями, изъ которыхъ ни одинъ не остался незанятымъ; все, что было въ Петербургѣ маломальски прикосновеннаго къ литературному и артистическому міру, находилось здѣсь на лицо. Въ первомъ ряду сидѣли Великій Князь Константинъ Николаевичъ и нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ...

Одна только неудача омрачила это своего рода торжество: за два дня до спектакля Островскій увѣдомилъ изъ Москвы, что болѣзнь помѣшаетъ ему пріѣхать; правда, насъ выручилъ тоже литераторъ—и литераторъ съ именемъ—О. А. Кони, любезно взявшійся замѣнить знаменитаго драматурга, но замѣна Островскаго писателемъ, хотя и почтеннымъ, но второстепеннымъ, была все таки замѣною, если можно такъ выразиться, de jure, а не de facto,—тѣмъ болѣе, что Островскій былъ и актеръ превосходный, а Кони сценическимъ талантомъ обладалъ въ весьма слабой степени...

За исключеніемъ этого прискорбнаго обстоятельства, спектакль прошелъ, по отзывамъ самыхъ строгихъ и знающихъ людей, очень хорошо, а горячность пріема со стороны публики, надо сказать правду, даже не

соотвѣтствовала исполненію, была не совсѣмъ по заслугамъ. И это «превышеніе» обусловливалось прежде всего все тѣмъ же сочувствіемъ къ любимымъ писателямъ! Когда поднялся занавѣсъ, и зрители увидѣли Писемскаго, раздались громкіе и единодушные аплодисменты, не прерывавшіеся нѣсколько минутъ; также радушно былъ встрѣченъ выходъ Достоевскаго (хотя отъ этого пріема было весьма далеко до того, который выпадалъ на долю автора «Преступленія и наказанія» впослѣдствіи, во время апогея его славы, каждый разъ, когда онъ появлялся на эстрадѣ, какъ чтецъ своихъ произведеній); но очень трудно выразить словами тотъ энтузіазмъ, который охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ, какъ одного человѣка, когда появились знаменитые купцы! Такой громъ и гулъ мнѣ, право, приходилось рѣдко слышать даже при встрѣчѣ публикой самыхъ большихъ сценическихъ знаменитостей. Рукоплесканія и крики были таковы и длились такъ долго, что я, Хлестаковъ, встрѣчавшій этихъ купцовъ, нашелся вынужденнымъ отойти къ сторонѣ, присѣсть и выжидать — съ отраднѣйшимъ, долженъ сказать, чувствомъ,—когда прекратится эта овація. Да и было отъ чего волноваться и увлекаться зрителямъ! Уже одинъ видъ Тургенева, съ pince-nez на носу и головою сахара въ рукахъ, въ длиннополомъ сюртукѣ,—чего стоилъ!

Долго, очень долго по окончаніи раздавались рукоплесканія и вызовы, долетали на сцену и крики: «спасибо!».

О второмъ спектаклѣ, состоявшемся очень скоро послѣ перваго, мало имѣю разсказать. Въ «Женитьбѣ» изъ литературнаго міра участвовали только Писемскій (Подколесинъ, и эта роль удалась ему еще лучше, чѣмъ городничаго) и я (Кочкаревъ), изъ спеціально-сценическаго—та же И. С. Кони, великолѣпнѣйшая «сваха», какую только можно себѣ представить; между остальными «любителями» былъ неподражаемъ, въ роли Жевакина, И. И. Ознобишинъ, обладавшій вообще громаднымъ комическимъ дарованіемъ, отъ котораго приходилъ въ восхищеніе Мартыновъ. «Провинціалку» мы поставили собственно для В. В. Мичуриной (Самойловой 2-й), одной изъ обаятельнѣйшихъ (другаго слова не приберу) актрисъ, какихъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать и въ репертуарѣ которой роль провинціалки занимала одно изъ видныхъ мѣстъ: была, правда, слабая надежда у меня, что самъ авторъ сыграетъ графа, но Иванъ Сергѣевичъ долго коле-

бался и, наконецъ, объявилъ отказъ. «Боюсь», сказалъ онъ, «выходить на *сцену*; чувствую, что совсѣмъ сконфужусь и растеряюсь...». Не помню теперь, почему не состоялось исполненіе этой роли А. А. Стаховичемъ, къ которому мы обратились послѣ отказа Тургенева и который имѣлъ репутацію хорошаго актера, особенно въ роляхъ такого рода; знаю только, что въ виду критическаго положенія, вызваннаго отсутствіемъ графа, пришлось мнѣ взять и эту роль на себя,—послѣ того, однако, какъ Вѣра Васильевна, прорепетировавъ со мною два раза, заявила, что играть ей со мной удобно.

Публики во второмъ спектаклѣ было не меньше, какъ въ первомъ, и я имѣлъ удовольствіе внести въ кассу Литературнаго Фонда *чистыхъ* около шести тысячъ рублей...

Петръ Вейнбергъ.

„Ревизоръ“ въ спектаклѣ любителей.

Литераторы въ роляхъ купцовъ и городничаго.

Счастливые купцы!—Мало того, что товары ихъ продаются на вѣсъ золота, но еще платятъ деньги, чтобы только на нихъ посмотрѣть.

Д. В. Григоровичъ. И. И. Панаевъ.
Н. А. Некрасовъ. А. В. Дружининъ.
А. А. Краевскій. В. А. Курочкинъ.
И. С. Тургеневъ.
А. Н. Майковъ. Ѳ. А. Кони. А. Ѳ. Писемскій.

Факсимиле каррикатуры (рисов. Н. Степановымъ), помѣщенной въ журналѣ «Искра» (1860 г., № 17), по поводу представленія «Ревизора», исполненнаго литераторами (14-го апрѣля 1860 г.).

Новые матеріалы для біографіи А. Н. Сѣрова.

Письма его къ Алексѣю Александровичу Бакунину.

(1850—1853 гг.).

До сихъ поръ оставалась совершенно неизвѣстною переписка покойнаго Александра Николаевича Сѣрова съ однимъ лицомъ, неигравшимъ особенно замѣтной роли въ дѣятельности этого музыкальнаго художника, но къ которому онъ, тѣмъ не менѣе, питалъ очень дружественное расположеніе въ дни своей молодости, именно во время своего пребыванія въ Симферополѣ (съ 1845 по 1850 г., съ небольшимъ перерывомъ, когда А. Н. служилъ въ Псковѣ). Это лицо — Алексѣй Александровичъ Бакунинъ, о которомъ во всѣхъ до сихъ напечатанныхъ (къ тому же незначительныхъ) біографіяхъ Сѣрова упоминалось лишь вскользь. Между тѣмъ, полученные мною недавно—чрезъ посредство вдовы покойнаго композитора—*четыре* письма Сѣрова къ Бакунину свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ. Въ Симферополѣ послѣдній едва ли не былъ ближайшимъ совѣтникомъ, а, пожалуй, и судьей при всѣхъ тогдашнихъ музыкальныхъ планахъ Сѣрова, который по части этого искусства также просвѣщалъ Бакунина, какъ этотъ—своего пріятеля въ дѣлѣ философіи.

А. А. Бакунинъ въ сороковыхъ годахъ проживалъ въ Крыму, въ Симферополѣ, гдѣ (въ октябрѣ 1845 г.) и познакомился случайно съ А. Н. Сѣровымъ, на обѣдѣ у В. М. Княжевича. Въ напечатанныхъ недавно (въ «Русской Музыкальной Газетѣ», за 1894 г.) письмахъ Сѣрова къ его сестрѣ—С. Н. Дютуръ, А. Н. довольно подробно описываетъ объ этомъ знакомствѣ. «Въ числѣ гостей», пишетъ Сѣровъ, «познакомился (я) съ однимъ молодымъ чело-

вѣкомъ, *Бакунинымъ*. И съ перваго разговора мы, къ неописанной радости обоихъ, чрезвычайно сошлись. И онъ, и я давно жаждали *потолковать* обо всякой всячинѣ съ человѣкомъ понимающимъ, но такого не-оказывалось! Вообрази же себѣ мою радость: онъ не артистъ и не литераторъ, но любитъ и уважаетъ въ искусствѣ и въ поэзіи, или просто въ области *мысли, все то* и *исключительно* то, что я люблю и уважаю, Бетховена, Гегеля, Гоголя, G. Sand, Листа, даже Поль-де-Кока, даже Mérу и, наконецъ, все, гдѣ натура, гдѣ истина!.. Вчера онъ былъ у меня и сидѣлъ съ 4-хъ часовъ до одиннадцати. Перебралъ мои книги, мои партитуры—и въ восхищеніи. Объ одномъ мы чуть не *плакали*, что у меня *еще нѣтъ* фортепіано! Онъ говоритъ, что я безъ фортепіано = *септъ-аккорду* безъ разрѣшенія!».

Такимъ образомъ, понятно, какого человѣка встрѣтилъ Сѣровъ въ лицѣ образованнаго и интеллигентнаго Бакунина. Взятый съ собой изъ Петербурга планъ оперы «Майская ночь» разрабатывался Сѣровымъ въ Крыму и, несомнѣнно, не безъ близкаго участія въ этомъ дѣлѣ Алексѣя Бакунина, который и слышалъ всю сочиненную для этого произведенія музыку. По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1850 году, Сѣровъ счелъ долгомъ сейчасъ же дать о себѣ вѣсть Бакунину, оставшемуся въ Крыму. Изъ этой переписки сохранилось четыре письма, и по послѣднему изъ нихъ можно предположить, что больше писемъ и не было.

Въ 1852 году, незадолго до послѣдняго письма къ Бакунину, Сѣровъ писалъ Д. В. Стасову слѣдующее: «Въ Симферополѣ встрѣтилъ меня Молчановъ грустною вѣстью: *Алексѣй Бакунинъ* остался въ своей деревнѣ, около Торжка, и не будетъ больше въ Крыму! Домашнія обстоятельства удержали его въ семьѣ; для всѣхъ, кто его зналъ въ Симферополѣ, это чувствительная потеря, а, какъ она чувствительна для меня,—ты можешь самъ себѣ представить».

Такимъ образомъ, вѣроятно, Сѣровъ съ Бакунинымъ больше не видался, а впослѣдствіи, кажется, и совсѣмъ съ нимъ разошелся. Но, какъ бы то ни было, для насъ имѣютъ важность и значеніе эти четыре письма А. Н. Сѣрова. Не говоря уже о томъ, что они являются связующимъ звеномъ между перепиской его съ сестрой и его письмами къ В. В. Стасову, главное ихъ достоинство заключается въ свѣдѣніяхъ и чрезвычайно подробномъ планѣ (послѣдней редакціи) одного большаго юношескаго произведенія Сѣрова — его оперы «Майская ночь», о которой

до сихъ поръ почти не имѣлось никакихъ печатныхъ извѣстій. Всѣ четыре письма посвящены почти исключительно этой оперѣ; сочиненіе «Майской ночи», неоднократная переработка ея, отзывы объ этомъ произведеніи близкихъ людей (В. В. Стасова, сестры—Софьи Николаевны, Бакунина), а также музыкантовъ того времени (А. Г. Рубинштейна, Лангера, и друг.),—все это даетъ объ оперѣ довольно цѣльное и, во всякомъ случаѣ, любопытное представленіе. Кромѣ того, въ опубликовываемыхъ нынѣ письмахъ мы встрѣчаемъ описаніе композиторомъ его путешествія (въ 1850 г.) изъ Симферополя въ Петербургъ съ заѣздомъ въ Москву; въ этой же перепискѣ Сѣровъ сообщаетъ объ одномъ концертѣ,—игравшемъ въ его юношеской жизни немаловажную роль, — въ которомъ А. Н. не только принималъ самое дѣятельное участіе, но даже выступилъ съ однимъ изъ №№ своей оперы «Майская ночь»; это было единственное публичное исполненіе изъ этого оставшагося неизвѣстнымъ произведенія.

Н. Ф.

I.

С.-Петербургъ. 30-го декабря 1850 г.

Вотъ откуда пишу къ вамъ, любезный Алексѣй Александровичъ,— изъ Питера! И пріятно подумать, что этимъ я одолженъ вамъ же самимъ. Доѣхалъ я благополучно—безъ всякихъ происшествій, но все же долженъ вамъ отдать отчетъ, именно какимъ образомъ. А вотъ какъ: до Харькова— на перекладной по мерзѣйшей грязной дорогѣ (безъ порошинки снѣга) и среди холоднаго, противнаго тумана (при безпрестанномъ перекладываніи потерялъ *только* одну изъ двухъ подушекъ и еще что то бездѣльное),—въ Харьковѣ не нашелъ Ал. Вас. Капниста (онъ, какъ я послѣ узналъ, нездоровъ у себя въ Обуховкѣ), но отыскалъ двухъ попутчиковъ-купцовъ, съ которыми и отправился (во вторникъ—*второй* недѣли вояжа).

Въ Москву мы пріѣхали (отъ Курска—уже на саняхъ) въ воскресенье утромъ—17 декабря. Черезъ полчаса я былъ уже у вашихъ добрыхъ кузинъ, которыхъ нѣсколько ошеломилъ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Я не зналъ, *какъ* онѣ помѣщены въ своей квартирѣ, а потому, конечно, остановился въ гостинницѣ, но, еслибы зналъ раньше, что у нихъ есть особый уголокъ, то не поделикатился бы самъ просить ихъ принять меня

постояльцемъ на время житья-бытья въ Москвѣ. Но и теперь я былъ у нихъ безвыходно съ воскресенья до четверга 4-хъ часовъ пополудни, т. е. до той минуты, чтобъ ѣхать въ Питеръ (въ дилижансѣ 6 заведенія). У кузинъ мнѣ было очень пріятно. Вспоминали Симферополь со всѣми подробностями тогдашняго житья-бытья, теперь уже *невозвратимаго* по милліону причинъ и обстоятельствъ. Страшно подумать, какъ мы всѣ растасовались съ тѣхъ поръ!—а давно ли?! Игралъ я имъ *все*, сколько для нихъ самихъ, столько и для ихъ знакомыхъ, которые очень любопытствовали, что за птица тотъ музыкантъ, для котораго П. М. [1]) написала либретто.

Изъ новыхъ, ими т. е. неслыханныхъ вещей, имъ больше всего понравилась *пѣснь хлопцевъ* (терцета и квартета въ началѣ 2-го акта онѣ *не раскусили*, что и очень натурально). Баллада всегда и на *всѣхъ* дѣйствовала сильно. «Oh! mais c'est non seulement beau, c'est profond! c'est tout à fait dramatique!», восклицали московитскія дилетантки и хотѣли меня сблизить съ Верстовскимъ, но я отъ этого уклонился—Богъ съ нимъ!—да еще, пожалуй, сдѣлалъ бы въ немъ себѣ недоброжелателя. *Либретто* читалось нѣсколько разъ передъ разными литературными знаменитостями и знатоками и заслужило всеобщее одобреніе, какъ *первое* настоящее, путное либретто на русскомъ (и Стасовъ того же мнѣнія, хотя, по его убѣжденію, многое *должно* и измѣниться—ну, да объ этомъ послѣ). Кромѣ кузинъ я былъ въ Москвѣ только въ театрѣ (одинъ разъ—«Робертъ», безъ 1-го и безъ 5-го актовъ, въ бенефисѣ Бантышева—valet de la basse classe; другой вечеръ—Fanny Elsler въ балетѣ—«Катарина, дочь разбойника») и познакомился съ *Лангеромъ*. У него былъ я два раза—одинъ разъ не засталъ его, потому спросилъ у жены, *когда* его можно застать; затѣмъ пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ, бесѣдовалъ съ нимъ долго за полночь, и какъ не было извощика, а я Москвы не знаю и не нашелъ бы дороги къ своей гостинницѣ, то остался у Лангера ночевать, и на другое утро еще часа съ два мы бесѣдовали и играли (впрочемъ, очень мало). Объ сочиненіяхъ моихъ онъ отказался дать рѣшительное мнѣніе, потому — какъ онъ самъ говоритъ—что эти вещи слишкомъ *серьезны*, чтобъ объ нихъ судить поверхностно, à la première inspection, а вникать, по краткости времени, ему

[1]) Прасковья Михайловна Бакунина, близкая родственница А. А. Бакунина, занималась литературою и усердно помогала (вмѣстѣ съ А. А. Бакунинымъ) Сѣрову въ составленіи либретто оперы «Майская ночь». *Н. Ф.*

было нельзя. И такъ, онъ мнѣ не сказалъ ни два, ни полтора, но видно было, что онъ многимъ *любовался*, особенно: менуэтомъ изъ сонаты, квартетомъ и молитвой изъ оперы (прочихъ нумеровъ даже не удалось показать). Квартетъ мы даже сыграли, и онъ въ одномъ мѣстѣ, пріятно улыбнувшись, сказалъ: «Oho! Don Juan!»... Онъ меня спросилъ: «Wo haben sie ihre Schule durchgemacht?»—я отвѣчалъ: In den Partituren der grossen Meister.—«Es ist wirklich die *beste* Shule, nur ein bischen schwierig und darum eben macht es ihnen noch mehr Ehre, dass sie es selbst *naturalistisch*, wie man sagt, so weit gebracht haben».

Васъ и Т. А. онъ очень помнитъ, распрашивалъ меня объ вашемъ житьѣ-бытьѣ, объ вашемъ здоровьѣ. Онъ самъ такъ занятъ уроками и такъ любитъ свое педагогическое ремесло, что на музыку настоящую, т. е. на наслажденіе музыкой, ему не остается и получаса въ день. Однако, онъ иногда арранжируетъ для фортепіано (обыкновенно *для двухъ*—и играетъ съ сыномъ) разныя Бетховенскія вещи; мнѣ онъ подарилъ прекрасную арранжировку свою септуора Бетховена, тоже à 2 pianos. Онъ такимъ образомъ переложилъ 2 безподобныхъ тріо Бетховена—violon, violoncelle et piano, op. 70,—вы ихъ не знаете, и—слишкомъ извѣстную вамъ—Крейцерову сонату A-moll. Простившись побратски съ кузинами (гдѣ я былъ и не безъ пользы—устроились маленькія перемѣны въ текстѣ оперы), я сѣлъ въ дилижансъ—ѣлъ и спалъ—всю дорогу до Петербурга, куда мы прибыли только на четвертые сутки. Ѣхали вяло, несмотря на теплѣйшую шубу и теплѣйшую обувь, я часто зябнулъ и отъ окна въ дилижансѣ получилъ флюсъ, который и теперь еще не прошелъ,—и вотъ уже скоро недѣля.

Не писалъ я къ вамъ въ это время, отчасти оттого, что развлекался первыми часами свиданія со всѣми дорогими для меня лицами, а отчасти оттого, что хотѣлъ сказать уже что нибудь положительное объ томъ, какъ я устроился въ Петербургѣ. Я пріѣхалъ 25-го декабря, т. е. въ самое Рождество, утромъ часовъ въ 9,—прямо къ сестрѣ [1]) и засталъ ее еще въ постели, разцѣловалъ свою миленькую племянницу и т. д.... Потомъ черезъ часъ увидѣлся съ маменькой, за которой сестра посылала. Всѣ онѣ были немножко приготовлены къ моему пріѣзду, потому что получили письмо изъ Симферополя (не отъ меня и не прямо къ нимъ, а къ знакомымъ, что

[1]) Софья Николаевна, только что вышедшая тогда замужъ за Дютура.

я скоро оставляю Крымъ), но всетаки *радости* было много. Съ отцомъ я увидѣлся въ тотъ же день. Онъ принялъ меня сурово, сухо, но нисколько не противился, чтобъ я жилъ *у него* въ домѣ (потомъ и теперь еще все стороной распрашиваетъ, въ самомъ ли дѣлѣ я написалъ ужъ что-то и въ самомъ ли дѣлѣ это музыка и хорошая). Со Стасовымъ я увидѣлся на другой день. Съ оперой моей сестра и Стасовъ теперь уже *порядочно* знакомы, и вотъ результатъ ихъ мнѣнія. Сестра отъ бывшаго предубѣжденія повернулась къ другой крайности, т. е. находитъ *все* очень и очень хорошимъ, а Стасовъ—этотъ строгій неумолимый Аристархъ—на *первомъ* планѣ ставитъ *балладу* (всю),—это, онъ говоритъ, и прекрасно, и irréproschable во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ быть, въ 100 процентовъ выше того квартета, который я ему послалъ (и которымъ онъ, вы помните, восхищался); потомъ 2) почти также хорошо—*антрактъ, речитативъ и молитва,*—съ тою разницею, что къ концу еще лучше нѣсколько, чѣмъ сначала; потомъ, на одномъ планѣ 3) *терцетъ* и *квартетъ* изъ 2-го акта и *арія съ хоромъ* въ финалѣ 1-го акта (хотя послѣдняя подлежитъ значительному *сокращенію*)—все красиво, но черезчуръ широко развитіе для сценической вещи, — и это правда! Квартетъ изъ 3-го акта очутился теперь уже на 4-мъ планѣ (хотя онъ и его любитъ до крайности), и, наконецъ, слабѣе прочаго *арія Головы* съ предшествующимъ речитативомъ. Онъ находитъ эту арію постоянно красивою, но растянутою и оттого холодноватою, тѣмъ болѣе, что части ея немножко décousues — недовольно плотно органически связаны, но, говоритъ, аккорды *вездѣ* славные, и красоты вообще вездѣ столько, что онъ въ восторгѣ. Точно также и *соната* полюбилась ему чрезвычайно, хотя онъ находитъ, что andante *лучше* 1-й части, а menuetto лучше всего изъ сонаты. О судьбѣ самой оперы я начинаю сильно *бояться*—ну, да объ этомъ послѣ.

Вашъ *А. Сѣровъ.*

P. S. Изъ нотъ, которыя я оставилъ у васъ, мнѣ хотѣлось бы получить «Zauberflöte» (единственная опера Моцарта, которой *нѣтъ* у Стасова), но, впрочемъ, этимъ не торопитесь.

II.

С.-Петербургъ. 21-го февраля 1851 г.

Послѣ вашего отвѣта на мое письмо отъ 13-го января я долженъ былъ бы написать къ вамъ на другой же день по полученіи, но такъ не случилось. Все равно, еще не поздно и теперь высказать вамъ какую сердечную радость доставили вы мнѣ своимъ отвѣтомъ, котораго, даже *зная* васъ хорошо, я не смѣлъ ожидать, т. е. въ *такой* степени искренняго дружескаго расположенія!.. Но бѣда въ томъ, что такого рода чувства, какъ эта радость моя, не совсѣмъ живо выражается на словахъ и еще менѣе на письмѣ, и, чтобы не затрагивать болѣе матерій слишкомъ деликатныхъ и трудныхъ для меня самого, чтобъ, съ другой стороны, не пускаться въ восторженности, которыя на бумагѣ очень легко могутъ исказиться до декламаторскихъ выходокъ Ораса (у G. Sand), я не буду вовсе говорить обо всемъ этомъ. Скажу только, что, съ отъѣзда своего изъ Курска, я не узнаю себя во многомъ: каждый день я больше и больше задумываюсь надъ нѣкоторыми сторонами своей души, своего характера; результатомъ этого задумыванія бываетъ *всегда* горькая досада на себя, и оттого я увѣренъ, что, когда намъ придется встрѣтиться, я въ очень во многомъ буду для васъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ вы знали меня въ 1850 году, точно такъ, какъ и мой Стасовъ (*снова*, и больше чѣмъ когда нибудь, *мой*) видитъ во мнѣ утѣшительныя для него перемѣны. En voici, assez de l'analyse morale!

Скажите, съ вами ли еще Павелъ Александровичъ? [1]) Какъ жаль, что мнѣ не удалось съ нимъ видѣться, не удалось познакомить его съ тѣмъ, что готово изъ «Майской ночи», этого дѣтища моего, у котораго Павелъ Александровичъ былъ въ числѣ воспріемниковъ. Крестины то были при немъ, жаль только, что и теперь дитя еще не совсѣмъ на ногахъ! Вы распрашиваете меня — какъ и что дѣлается насчетъ будущаго исполненія оперы,—думая, вѣроятно, что она теперь уже очень близка къ концу. Увы! *нѣтъ*! Съ пріѣзда своего въ Петербургъ я работалъ надъ оперой не слишкомъ прилежно (и развлеченій тьма, и не былъ особенно расположенъ) и если *подвинулъ* ее, то никакъ не впередъ, а *назадъ*. Вы

[1]) Братъ А. А. Бакунина.

знаете строгость моего Аристарха [1]), я уже вамъ писалъ «en gros» объ его мнѣніи. Но съ тѣхъ поръ мы обсудили еще строжайшимъ образомъ многое, признали нужнымъ сдѣлать *капитальныя* измѣненія даже въ либретто. Въ 3-мъ актѣ *вовсе* не будетъ фантастическихъ сценъ Панночки и русалокъ, это будетъ въ *разсказѣ*, т. е. въ большой *аріи* тенора, вслѣдъ за *молитвою* Ганны. Это для того, чтобы 1) быть ближе къ сюжету Гоголя, какъ я и хотѣлъ съ самаго начала, т. е. чтобы все фантастическое, какъ и у Гоголя, было не то на яву, не то во снѣ; 2) чтобъ избѣжать анаѳемской возни съ граціозно-фантастическимъ на сценѣ—вещь очень *важная*, потому что я никакъ не хочу, чтобы задуманное *поэтически* опошлилось до жалкой каррикатурности, а сдѣлать, чтобы хорошо вышло на сценѣ, нѣтъ никакого способа; 3) чтобъ избѣжать сходства съ безчисленными, больше или меньше *нелѣпыми*, оперными сюжетами, гдѣ *теноры*, изъ рыцарскаго самоотверженія, идутъ на борьбу съ враждебными силами чаръ и бѣсовщиной всякаго рода; 4) чтобъ избѣжать затрудненія — найти *контральтъ* для Панночки, а, между тѣмъ, тенору дать большую *мелодическую* арію въ *pendant* къ балладѣ 1-го акта, и съ оркестромъ еще *болѣе* фантастическимъ. Какъ видите, *резоновъ* довольно на такую передѣлку, но, не знаю, какъ то приметъ это Прасковья Михайловна, которой я уже подробно объ этомъ писалъ. Ей, навѣрно, будетъ жалко стиховъ для сцены русалокъ, надъ которой она столько трудилась— и понапрасну. Она мнѣ еще не отвѣчала, хотя я довольно давно написалъ,—ужъ не разсердилась ли?!... Эта передѣлка повлечетъ за собою и многія другія,—напримѣръ, все начало финала въ 3-мъ актѣ, т. е. приходъ Головы и проч., будетъ иначе, потому что *Ганна* уже *знаетъ* обо всемъ. Съ начала 3-го акта и до конца сцена будетъ не въ хатѣ Ганны, а *передъ* хатой, какъ въ 1-мъ актѣ, только съ *луной*. Дуэта примиренія и *подвига*, разумѣется, не будетъ.

Такъ какъ и въ 1-мъ актѣ довольно измѣненій будетъ (чисто музыкальныхъ), то, я думаю, лучше всего вамъ представить настоящій статистическій отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи «Майской ночи» (я это дѣлаю, не опасаясь надоѣсть вамъ, потому что вы *просили* подробностей). Вотъ вамъ подробный отчетъ (съ прибавленіемъ сужденія Стасова о томъ, что готово). **1-й актъ.** № 1-й. *Сцена Каленика*—безъ перемѣны въ текстѣ со времени его выхода, но начальный хоръ другой (сама Прасковья Михай-

[1]) В. В. Стасовъ былъ въ то время близкимъ другомъ А. Н. Сѣрова.

ловна недовольна хоромъ объ «цвѣточкахъ»). Музыка предстоитъ вся *вновь* (эскизъ прежней я даже и не показывалъ Стасову и никому; это слишкомъ слабо и *не то*, что тутъ надобно). № 2. *Серенада* и *Duo d'amour*—будутъ маленькія перемѣны въ текстѣ дуэта. Музыку должно сдѣлать всю *вновь*, и, быть можетъ, вмѣстѣ съ серенадой это будетъ дѣлаться *послѣ* всего, какъ самое *трудное*. *Баллада* (всѣ 3 куплета) *готова совсѣмъ*, даже на оркестръ (кромѣ речитатива о кошкѣ [1]) и, по мнѣнію Стасова, *безукоризненна*. Маленькая сцена, хорикъ и выходъ Головы, вѣроятно, сочинится вновь. № 3. *Арія Головы*—сочинится вновь. Прежнею *никто* изъ слушавшихъ не доволенъ, и я самъ больше всѣхъ. № 4. *Финалъ 1-го акта*. Дуэтъ Ганны и Головы сочинится вновь, даже текстъ—другой (объ чемъ уже переговорилъ съ Прасковьей Михайловной). Терцетъ (Левко за деревьями) — музыка будетъ *иначе*, пока они шепчутся, и совсѣмъ новая, уже *написана*, начиная съ allegro («Тутъ самъ лукавый ухитрился»),—гораздо лучше, *пѣвучее* прежней, невозможной почти для голосовъ. Сцена Левка́ (онъ одинъ, потомъ хоръ)—по прежнему, но хоръ (весьма любимый Стасовымъ), по его же совѣту, *сокращенъ* будетъ страшно противъ того, какимъ вы его *знаете*. **2-й актъ.** № 5. *Терцетъ* и *квартетъ* со свояченицею—почти безъ перемѣны, та же музыка, которую вы знаете. № 6 и № 7, т. е. всѣ сцены съ винокуромъ, Каленикомъ и *финалъ*—все еще *en blanc*, кромѣ *пѣсни* хлопцевъ, которую скоро буду оркестровать (въ ней только хоръ я немножко поправилъ и первый ритурнель).

Въ 3-мъ актѣ. *Речитативъ и молитва Ганны* переписаны *Стасовымъ* на-чисто, съ тѣмъ, чтобъ я тамъ не измѣнялъ ни одной нотки. За молитвою, вмѣсто прежней сцены Левко и Ганны, будетъ, какъ вы уже знаете, большой *разсказъ* Левки о томъ, что онъ видѣлъ на берегу пруда и какъ ему досталась записка. Потомъ небольшой дуэтъ—*радость* любовниковъ и гореванье, что не могутъ *узнать*, что такое въ запискѣ. *Финалъ*—съ *квартетомъ*, измѣненнымъ въ началѣ, потому что текстъ будетъ иначе. Изо *всего* 3-го акта, значитъ, готовъ только № 8 (молитва) и *половина* квартета въ финалѣ. Вотъ и все. Работы, какъ видите, еще не мало! Теперь Стасовъ переписываетъ балладу. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы была *чистая* партитура того, что совсѣмъ готово. Но какъ мало такихъ №№!

[1]) Въ разсказѣ Левко объ исторіи утопленницы: «Настала ночь... Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней». (По Гоголю—«Майская ночь»). *Н. Ф.*

Сегодня для меня день довольно важный. Сейчасъ иду играть съ *Vieuxtemps* [1]) свою сонату, которой *финалъ* написанъ недѣли двѣ тому назадъ, и, кажется, очень удачный. Стасовъ чрезвычайно любитъ *всю* сонату, особенно *andante* и *менуэтъ*. Хотѣлось бы мнѣ разсказать вамъ, *какъ* я наслаждался въ театрѣ, слушая «Фигаро» Моцарта! Нашего «Фигаро», изъ котораго каждую ноту я вамъ пѣлъ и игралъ столько разъ! Исполнена была эта опера итальянцами несравненно лучше, чѣмъ я ожидалъ, не въ примѣръ лучше «Донъ-Жуана»,—даже почти совсѣмъ хорошо въ иныхъ партіяхъ. А оркестръ—отлично! И что это за музыка!! Я вамъ и сказать не могу! Но все это надо слушать непремѣнно на сценѣ и съ *оркестромъ*; фортепіано рѣшительно не даетъ понятія обо всѣхъ этихъ чудесахъ! Отъ одного романса пажа («Voi che sapete») совсѣмъ растаять можно, а финалы оба, а секстетъ, и все, все вообще!!... Видѣлъ я еще пресловутыхъ «Гугенотовъ» и готовъ былъ плюнуть въ лицо Мейерберу, еслибъ онъ случился возлѣ меня. Какъ смѣютъ считать его *такимъ*... талантомъ, или ужъ я не знаю чѣмъ!... Это просто *балаганная* музыка для скомороховъ! Все это грубо, рѣзко, часто нелѣпо, *красоты* никакой и въ поминѣ нѣтъ. Только ушамъ больно отъ тромбоновъ и литавръ! Эта музыка и—«Фигаро»! Вотъ антиподы! Но объ этомъ мои разглагольствованія вы можете прочитать въ *печати*. Я поставляю въ «Современникѣ» [2]) статейки о Петербургскихъ театрахъ *всѣхъ*, кромѣ балета (во 2-й книжкѣ маленькая моя статья объ Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ, а въ 3-й будетъ побольше, и объ итальянцахъ,—особенно о «Фигаро»). Отдамъ еще въ «Библіотеку для Чтенія» начатую у васъ статью *Музыка и виртуозы*. Теперь спѣшу, а потому прибавлю нѣсколько *газетныхъ* извѣстій: я живу больше у Стасова, но скоро съ нимъ разстанусь, потому что онъ мѣсяца черезъ два ѣдетъ въ Италію, секретаремъ при Анатоліѣ Демидовѣ (оставивъ для этого, разумѣется, казенную службу). Очень можетъ случиться, что и я махну за нимъ во Флоренцію въ этомъ же году, но не прежде, какъ совсѣмъ окончу «Майскую ночь». Прощайте пока. Бѣгу къ Вьëтану (конечно, со

---

[1]) Генрихъ Вьëтанъ—знаменитый скрипачъ французской школы (родился 17-го февраля 1820 г.; умеръ 6-го января 1881 г.). Съ 1846 по 1852 годъ жилъ въ Петербургѣ, состоя солистомъ Императорскихъ театровъ. *Н. Ф.*

[2]) Въ 1851 году Сѣровъ сталъ печатать свои первыя критическія статьи въ «Современникѣ».

Стасовымъ). Кланяйтесь *искренно* отъ меня брату, Павлу Александровичу, и Татьянѣ Александровнѣ. И всѣмъ, кто обо мнѣ вспоминаетъ. Скоро опять буду писать.

А. Сѣровъ

III.

31-го мая 1851 г. С.-Петербургъ.

Я столько виноватъ передъ вами, добрѣйшій Алексѣй Александровичъ, что не могу извиниться даже, тѣмъ болѣе, что *путнаго* ничего не въ состояніи представить въ оправданіе свое. Не писалъ—вотъ и все тутъ, хотя часто подумывалъ объ васъ и нѣсколько разъ хотѣлъ приняться за письмо къ вамъ, но вѣчно что нибудь отвлечетъ на ту минуту,—такъ и останусь при одномъ желаніи (какъ это случается нерѣдко со мною и въ другихъ дѣлахъ). Ровно *мѣсяцъ*, какъ мы съ Вольдемаромъ [1]) дали нашъ *великолѣпный* концертъ (29-го апрѣля), а, между тѣмъ, вы еще не имѣете не только подробнаго объ немъ отчета, но даже и знаете то объ этомъ всемъ не черезъ меня и притомъ не точно, vaguement—въ общихъ словахъ! Стыдъ на мою бѣлокурую голову! Концертъ въ пользу Глазной лечебницы затѣянъ былъ не столько Принцемъ Ольденбургскимъ (покровителемъ лечебницы), сколько моимъ отцомъ, который непремѣнно желалъ какъ нибудь пустить меня въ публику (отчасти изъ понятнаго очень тщеславія, отчасти изъ любопытства узнать: въ самомъ ли дѣлѣ я что нибудь путное дѣлаю въ музыкѣ, на которую столько времени *трачу*). Отецъ мой, чрезъ знакомыхъ подѣйствовалъ на Принца такимъ образомъ, что концертъ должны были устроивать мы со Стасовымъ. Какъ только намъ объявили, что мы можемъ на этотъ случай располагать суммою до 1000 р. сер. и, слѣдовательно, къ услугамъ нашимъ будутъ и одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ оркестровъ—нашъ *театральный* (т. е. итальянской оперы), и хоры (гвардейскихъ полковъ, съ *субсидіей* изъ капеллы графа Шереметева), мы принялись за самое тщательное сочиненіе программы и выбрали, разумѣется, все Лудвига [2]), Вольфганга [3]), отчасти Глюка, отчасти Генделя — вещи, конечно, все *самый первый сортъ* изъ всей на свѣтѣ музыки, потому что

[1]) В. В. Стасовъ.

[2]) Людвигъ ванъ-Бетховенъ.

[3]) Вольфгангъ-Амедей Моцартъ.

мы не могли забыть или упустить изъ виду, что, Богъ знаетъ, когда удастся намъ имѣть подъ руками такія средства и притомъ самимъ выбирать *пьесы* для программы концерта. Но и тутъ, несмотря на кажущуюся свободу выбора, мы были стѣснены въ назначеніи пьесъ, — подмѣшалось много разныхъ *стороннихъ для музыки* соображеній, по которымъ мы должны были испортить программу, допустивъ *итальянщину* или какую нибудь модную дрянь и вычеркнувъ многія изъ выбранныхъ нами настоящихъ *музыкальныхъ* пьесъ. Къ *стороннимъ* соображеніямъ я причисляю и то, что, по желанію отца, въ программу *надо было* включить что нибудь изъ моей оперы. Я, конечно, былъ очень радъ случаю послушать свой оркестръ (къ которому на бумагѣ *никакъ* нельзя примѣниться *совсѣмъ*, не слыхавъ исполненія) и выбралъ не балладу, какъ вы полагали, а *молитву* съ предшествующимъ вступленіемъ и речитативомъ. Это короче баллады и не *такъ связано* съ цѣлымъ ходомъ оперы, какъ баллада, которая въ концертѣ никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть на сценѣ. (Хотя и молитва, да и все изъ оперы,—нисколько *не концертная* вещь). Исполненіе «Молитвы» мы возложили на очень хваленую въ Питерѣ пѣвицу-контральто—«фрейлину» М. А. Тришатную. Кромѣ того, въ нашемъ концертѣ для приманки публики участвовали еще двѣ любительницы: З. И. Башинская и М. В. Шиловская, обѣ *сопрано*. Еще надо было *испортить* программу включеніемъ въ нее участія сестеръ *Неруда*, молодыхъ дѣвушекъ изъ Моравіи, изъ которыхъ младшая—въ самомъ дѣлѣ замѣчательная виртуозка *на скрипкѣ*. Я говорю, однако, что онѣ *испортили* программу, потому что играли-то *дрянь*, такъ же, какъ любительницы *пѣли* дрянь, а намъ не того хотѣлось, и не *такова* была наша *идеальная* программа (въ которой, напримѣръ, *между прочимъ*, фигурировала *цѣлая* симфонія Бетховена, именно—не очень любимая вами—4-ая, которую я *боготворю*). Изъ «идеальной» программы уцѣлѣли только 4 капитальныя вещи, которыя вы узнаете потому, что я ихъ 2 раза подчеркну въ прилагаемой программѣ концерта (печатной афишки у меня нѣтъ теперь подъ рукой, да вы мнѣ, я надѣюсь, *повѣрите* и безъ печати). Съ «Молитвой», несмотря на кажущуюся ея незатѣйливость, я порядочно повозился на первой пробѣ (на которой я первый разъ въ жизни взялъ въ руки свой фельдмаршальскій жезлъ — капельмейстерскую палочку)—*безъ привычки* въ дирижерскомъ дѣлѣ *ничего* нельзя сдѣлать,—а такъ какъ мнѣ не было никогда еще случая управлять оркестромъ,

значитъ, у меня нѣтъ *никакой* рутины, и музыканты довольно озадачены были моимъ—совсѣмъ новымъ для нихъ—пріемомъ въ дирижерствѣ, что дѣло долго не улаживалось. Особенно съ речитативомъ я бился жестоко, и впослѣдствіи долженъ былъ отступиться отъ него совсѣмъ, потому что и *пѣвица* исполняла этотъ несчастный речитативъ больно плохо. Между тѣмъ, *отецъ* и *мать* моей примадонны, къ несчастію, бывшіе на репетиціи, взяли себѣ въ голову, что «Молитва» вовсе не пойдетъ съ оркестромъ, что ихъ бѣдную Машеньку все это только сконфузитъ и т. д., и т. д., наконецъ, отецъ Тришатной запретилъ было ей пѣть вовсе, а замѣнить «Молитву» велѣлъ (!) чѣмъ нибудь эффектнымъ итальянскимъ. Такимъ образомъ, потому что моя артистическая гордость никакъ не позволила мнѣ *упрашивать* мою вещь, когда ее *не хотятъ* исполнить, молитва исчезла было съ афишки, но на второй (и послѣдней) репетиціи, за день до концерта, все устроилось. Тришатную уговорили пѣть... Я урѣзалъ все начало нумера, т. е. до самаго речитатива mesuré (3/4—«О, Боже мой, что съ нами будетъ»), если вы еще сколько нибудь помните такія подробности. «Молитва» была *оркестрована* еще въ Крыму, но для Тришатной надо было всю исторію переложить малой терціей ниже (вмѣсто *C* въ *A*), и мы со Стасовымъ *сами* переписали *голоса* для всего оркестра. Работа страшная, потому что у насъ было 24 скрипки (12—первыхъ и 12—вторыхъ) и 7 контрабасовъ. Подумайте же, *сколько* партій надо было для однихъ смычковыхъ инструментовъ! Безъ речитатива, отъ котораго я отступился и въ которомъ фигура аккомпанимента была въ самомъ дѣлѣ нѣсколько *фортепіанна* и *неловка* для оркестра, все пошло безъ малѣйшей запинки. Палочку дирижерскую я вручилъ Мауреру [1] (который былъ у насъ капельмейстеромъ для всего) и самъ только прислушивался къ оркестру въ «Молитвѣ», которымъ еще и на первой пробѣ, вмѣстѣ со Стасовымъ и другими, былъ доволенъ *очень*. Смѣшно хвалить самого себя, да еще на письмѣ, но вамъ я долженъ сказать, какъ все было, и потому не утаю, что я и самъ не ожидалъ, что моя инструментовка *такъ* хороша оказалась на дѣлѣ. Я просто *таялъ* отъ счастія при этихъ мягкихъ, сливающихся—иногда довольно сильныхъ, *забирательныхъ*, но никогда ни въ чемъ не *преувеличенныхъ*—звукахъ оркестра! Со стороны оркестровки я совершенно спокоенъ за свою оперу,—полагаю, что *съ этой стороны* въ ней будутъ вещи и получше «Молитвы»

[1] Людвигъ Мауреръ—извѣстный въ свое время въ Петербургѣ капельмейстеръ.

(напримѣръ, баллада уже гораздо *затѣйливѣе* въ оркестрѣ). Стасовъ такъ былъ доволенъ эффектомъ цѣлаго со всѣми подробностями, что въ одномъ отчетѣ объ нашемъ концертѣ выразился такъ: «*Молитва* съ честью примкнула къ тузовымъ пьесамъ программы!». А вы теперь, зная программу, скажете сами, что лучше и похвалить невозможно. Въ самый день концерта Тришатная исполнила «Молитву» еще лучше, чѣмъ на пробѣ (потому что была поспокойнѣе и увѣреннѣе въ себѣ). Голосъ у нея *превосходный*, но выраженіемъ ни я, и *никто* не остались довольны: она спѣла *холодно* и *ровно*. На публику большаго эффекта «Молитва» не произвела, да этого и ожидать было нельзя,—тихія музыкальныя вещи, безъ *шуму* и безъ *блеску*, никогда не подѣйствуютъ *ярко*. А, впрочемъ, аплодисментовъ было довольно. Но меня гораздо еще больше порадовали самые одобрительные отзывы со стороны *музыкантовъ* въ оркестрѣ и въ числѣ слушателей. Всѣ мнѣ пожимали руку и хвалили, кто какъ умѣлъ: «echt deutsch, so echt Beethovenienisch!». А. Рубинштейнъ (весьма скупой на похвалы другимъ, потому что самъ написалъ оперу, которую будутъ давать нынѣшнею осенью) сказалъ брату Стасова: «Je ne m'attendais pas à ça du tout. C'est noblement et aristocratiquement musical!».

Капитальныя пьесы программы, разумѣется, восхитили меня до седьмаго неба—да и вещи то какія! Очень жаль, что мнѣ не случилось познакомить васъ ни съ *одною* изъ этихъ пьесъ, что, какъ нарочно, не пришлось такъ. И не забудьте, что всѣ эти пьесы для меня были совершенно *новы* въ оркестрѣ (кромѣ увертюры изъ «Ифигеніи», которую я слыхалъ). Увертюра же Бетховена (C-dur, op. 124)—колоссальное произведеніе (колоссъ не по *объему*, а по *стилю*) изъ его *послѣдней* эпохи. Та же возвышенность мысли и формы, та же неслыханность и изумительность музыки, какъ въ 9-й симфоніи или 2-й мессѣ! Съ какимъ восторгомъ нашъ чудесный оркестръ исполнилъ эту дивную увертюру, безъ сомнѣнія, лучшую изъ всѣхъ на свѣтѣ (такъ же, какъ 9-я симфонія лучше остальныхъ 8). А эта *райская* фантазія съ хоромъ! И еслибъ вы слышали, какъ все это было исполнено, такъ же, какъ и хоръ Моцарта изъ «Идоменея», лучше ничего желать не оставалось,—концертъ былъ на славу!

P. S. Концертъ этотъ былъ дѣйствительно *нашъ*; мы сами во всемъ участвовали при его устроеніи, начиная съ приглашенія пѣвицъ аристократокъ и заботы о печатаніи афишъ и билетовъ и до разстановки стульевъ

въ залѣ и другихъ хозяйственныхъ распоряженій, отъ выбора пьесъ программы и состава оркестра до переписыванія партій и наблюденія за разучиваніемъ хоровъ. Не было *ничего* упущено изъ виду, благодаря дѣятельному участію Стасова. Кстати о немъ: онъ на дняхъ только получилъ разрѣшеніе ѣхать за границу (вышедши прежде того въ отставку, чтобы быть секретаремъ Демидова—во Флоренціи) и 9-го *іюля* на пароходѣ отправился въ *Штетинъ*, а оттуда—въ Парижъ, гдѣ успѣетъ пробыть не больше двухъ недѣль, чтобы къ назначенному Демидовымъ сроку поспѣть во Флоренцію, въ виллу San-Donato. Грустно мнѣ разставаться съ этимъ человѣкомъ, съ которымъ мы въ послѣднее время сошлись еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, который такъ полезенъ, такъ необходимъ для меня со стольких сторонъ!—Что дѣлать!—Авось, онъ позаботится перетащить и меня въ благословенные южные края.

Объ себѣ прибавлю вамъ, что не знаю, чему приписать—климату ли неблагопріятному для музыкальнаго творчества или чему другому,—только я почти ничего особенно заинтересованнаго не сдѣлалъ въ эти 4 мѣсяца, хотя написалъ довольно. Все, что напишу сегодня, завтра уничтожаю, и такъ недѣля за недѣлей! Утѣшительнаго только то, что (говоря словами Стасова) музыка моя *теперешняя* все больше *очищается* отъ разныхъ наростовъ, проявляется моя собственная жилка яснѣе прежняго, и то, что я *всегда*, всякій день и безъ особеннаго напряженія могу писать довольно хорошую, довольно *чистую* музыку. Но мнѣ этого *мало* и дѣйствительно *мало* для оперы, гдѣ должно быть лучшее изъ лучшаго и гдѣ посредственности рѣшительно нѣтъ мѣста. Отъ этого *опера* подвигается *тихо*. Мнѣ не хочется пустить «Майскую ночь» съ музыкой, недостойной такого поэтическаго сюжета. А до настоящей, вдохновенной музыки не всегда по заказу можно подняться. Теперь, по отъѣздѣ Стасова, я отвлекусь отъ оперы на нѣсколько времени, потому что буду занятъ другою работой на срокъ. Мнѣ придется (по всей вѣроятности) писать музыку къ одной русской драмѣ—«Русская свадьба въ XVI столѣтіи», гдѣ должна быть бездна пѣсенъ, solo и хоровъ—и вся музыка въ русскомъ характерѣ. Давать пьесу будутъ этою осенью. Кланяйтесь Т. А. и братьямъ вашимъ—потеплѣе. Meinen innigsten Gruss meinen deutschen Freunden!...

По пріѣздѣ въ Петербургъ, не замедлите отыскать меня. На Лиговкѣ, близъ Бассейной, на углу Озернаго переулка, въ домѣ отца.

Какъ мои статьи въ журналахъ приняты *публикою*, рѣшительно не знаю. Ни отъ кого не слыхалъ ни единаго слова. Да и будутъ ли о нихъ говорить!!

ПРИЛОЖЕНІЕ:

(ПРОГРАММА КОНЦЕРТА).

29 го Апрѣля 1851 г.

въ залѣ Дворянскаго Собранія въ 1 часъ пополудни

КОНЦЕРТЪ

въ пользу Глазной лечебницы, состоящей подъ покровительствомъ Е. И. Высочества Принца Ольденбургскаго

ПРОГРАММА:

Часть I.

1. **Увертюра изъ «Ифигенія въ Авлидѣ»** . . . . *Глюка.*
2. Концертъ для скрипки . . . . *Беріо.*
   Исполнила Вильма *Неруда*, съ оркестромъ.
3. Романсъ Доницетти изъ оп. «Марія ди Роганъ»
   Исполнила *М. А. Тришатная.*
4. Скерцо изъ 3-й симфоніи . . . . *Мендельсона-Бартольди,*
   (Сильная вещь и чудесно исполненная).
5. Каватина изъ «Giuramento» . . . . *Mercadante.*
   Исполнила *М. В. Шиловская.*
6. **Фантазія для фортепіано съ оркестромъ и хоромъ** . . . *Бетховена.*
   Партію фортепіано исполнилъ г. *Герке* (и очень исправно). Эффектъ *даже* на публику былъ великолѣпный, *несмотря* на то, что вещь такъ хороша сама по себѣ.

Часть II.

1. **Увертюра (C-dur, op. 124)**. . . . . *Бетховена.*
   (Чудо изъ чудесъ и вещь рѣшительно въ *1-й разъ* исполнена въ Петербургѣ).
2. Арія изъ «Беатриче ди Тенда». . . . . *Беллини.*
   Исполнила *З. И. Башинская* (публику привела въ восторгъ).
3. Дуэтъ для фортепіано и скрипки на темы «Elisir d'Amore»
   Сестры *Неруда.*

4. **Хоръ изъ оперы Моцарта «Идоменей».**
(Хоръ трагическій—tout ce qu'il y a de plus tragique et de plus sublime. Исполненіе было *превосходно,*—эффектъ на публику не много).
5. «Молитва» изъ оперы «Майская ночь».
Исполнила *М. А. Тришатная.*
6. Арія изъ оперы *М. И. Глинки* «Русланъ и Людмила».
Исполнила *М. В. Шиловская.*
7. Псаломъ, для контральто съ хоромъ. *Бенедикта Марчелло.*
Исполнила *М. А. Тришатная, съ хоромъ.*

IV.

28-го декабря 1853 г. Бурлукъ [1].

Вы, любезный Алексѣй Александровичъ, конечно, очень удивитесь этому письму изъ Крыма отъ такого человѣка, который уже больше году ни отъ васъ не получалъ ни строки, ни отъ себя не давалъ вѣсточки. Дѣло въ томъ, что мнѣ какъ то совѣстно было писать къ вамъ въ продолженіе этого года одни не совсѣмъ для васъ утѣшительныя и, быть можетъ, и вовсе незанимательныя извѣстія, что я занимаюсь своею «Майскою ночью», но она все еще не кончена и не предвижу, когда будетъ конецъ этому труду, предпринятому на вашихъ глазахъ уже очень порядочно много годиковъ назадъ. Зная, между тѣмъ, что, несмотря на ваше упорное молчаніе, вы не могли сдѣлаться совершенно равнодушнымъ къ судьбѣ музыкальной попытки, которой вы были въ Симферополѣ больше чѣмъ воспріемникомъ—скорѣе что-то вродѣ père nourricier, — я въ настоящую минуту, собираясь въ Питеръ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи увѣдомить васъ, что покидаю Крымъ *собственно для того,* чтобы какъ можно скорѣе *поставить* свою оперу на столичной сценѣ. Да! поздравьте меня съ окончаніемъ вожделѣннымъ и, кажется, не совсѣмъ неудачнымъ окончаніемъ «Майской ночи». Пора! Неправда ли? Въ Крыму эта опера зародилась, въ Крыму, видно, суждено было ей созрѣть окончательно. Почти два года пребыванія моего въ Питерѣ—между началомъ и концомъ труда—подвинули его матеріально не очень то много, — хотя не могу не сознаться, что *слышанное* мною въ Петербургѣ въ концертахъ и въ теат-

[1] Бурлукъ—татарская деревня въ Крыму, около Алмы.

рахъ, *послѣ* первыхъ опытовъ надъ драматической музыкой своего издѣлія, принесли мнѣ чрезвычайную пользу и во многомъ перемѣнили задуманную было *концепцію* оперы. Въ этомъ же году, въ глухомъ уединеніи татарской степной деревни, вдали отъ всѣхъ возможныхъ развлеченій (которыя въ Петербургѣ неизбѣжны — слишкомъ соблазну много — и время отнимается незамѣтно) въ спокойствіи, рѣшительно ничѣмъ и никѣмъ ненарушаемомъ, работа шла довольно успѣшно (хотя всетаки не такъ скоро, какъ я вправѣ *требовать* отъ себя), и вотъ мало-помалу всѣ *девять* номеровъ *готовы.*

Большая часть музыки для васъ совершенно неизвѣстна, потому что изъ заготовленнаго при васъ въ Симферополѣ и на южномъ берегу осталось очень немного. Да вотъ, вмѣсто долгихъ разглагольствій, полный списокъ №№ оперы по порядку, съ отмѣтками того, что вамъ уже знакомо.

№ 1. { Серенада Левкà (сочинена въ Петербургѣ и слышана вами въ 52 г.).
Notturno (Левкò и Ганна)—*новое.*

№ 2. Сцена Калѐника съ дѣвушками (гопàкъ)—*новое*, кромѣ нѣсколькихъ прежнихъ фразъ.

№ 3. Дуэтъ Ганны и Левкà (минорный). Adagio 3/8 (слышано вами въ 51 г.) Allegro 3/4—*новое.*

№ 4. Баллада (3 куплета)—*по прежнему.*

№ 5. { Сцена (Левкò, Ганна, потомъ парубки, потомъ Голова)—*новое.*
Речитативъ и арія Головы—*новое.*

№ 6. Финалъ.
Речитативъ и дуэтъ Ганны и Головы—*новое.*
Терцетъ (Ганна, Голова, Левкò)—*новое.*
Речитативъ Левкà—*новое.*
Левко и парубки—*новое*, кромѣ нѣсколькихъ прежнихъ фразъ.

2-й актъ.

№ 7. { Антрактъ (фугато на мотивъ пѣсни хлопцевъ)—*новое.*
Терцетъ (Голова, Маруся и Параска) } *почти по прежнему.*
Квартетъ (они же и Хивря) }

№ 8. Сцена ужина и приходъ Каленика }
Пѣсня хлопцевъ (2 куплета) }
(хоръ и оркестръ за сценой) } *новое.*
Соло Головы (Presto furioso) и хоръ }
Сцена съ хлопцами и Каленикомъ }

Сцена съ хлопцами и Хиврею
Хивря за дверью—хоръ испуга
Ругательства Хиври, выпущенной изъ чулана, и хоръ
Общій «ensemble». Два хора и два оркестра вмѣстѣ } *новое.*

№ 9. Сцена у пруда. Финалъ.
Прелюдія (Антрактъ съ поднятымъ занавѣсомъ. Adagio)
Монологъ Левка
Сонъ его (пантомима)
Сцена записки (большой ensemble)
Квартетъ съ хоромъ
Заключительная сцена } *новое, только что написанное.*

Самому трудно себя обсудить совсѣмъ безпристрастно и вѣрно, а хвалить себя просто смѣшно, даже въ тѣхъ *немногихъ* случаяхъ, когда художникъ можетъ себѣ сказать: «да, это *совсѣмъ* такъ удалось, какъ мнѣ чудилось въ идеалѣ», тѣмъ не меньше, *вамъ* я могу сказать на-ушко, что многое вышло гораздо лучше и шире, чѣмъ мы всѣ ожидали въ 50-мъ году. № 8-му, которому фундаментомъ служитъ *пѣснь* хлопцевъ (довольно близкая съ одной очень извѣстной малороссійской) — я старался придать обработку въ оркестрѣ и голосахъ такую, чтобы вышло что-то вродѣ «комической» симфоніи, а въ № 9-мъ иныя формы, какъ мнѣ кажется, нѣсколько *новы*, по крайней мѣрѣ, не избиты,—и потому предчувствую большую возню для себя съ оркестромъ, гдѣ всегда (много) «рутинистовъ» и *враговъ* всего выходящаго изъ обычной колеи. Вообще, при постановкѣ не обойдется у меня безъ разныхъ стычекъ и непріятностей съ гг. исполнителями, но, авось, совладаю! Лишь бы только *поскорѣй* все это началось! Времени и такъ много ушло. Впрочемъ, особенныхъ замедленій и препятствій я не предвижу. Объ оперѣ *моей уже знаютъ* въ Петербургѣ довольно давно, и, какъ мнѣ писано, ее поджидаютъ даже съ нетерпѣніемъ, а, между тѣмъ, нынѣшнее начальство въ театральномъ мірѣ крѣпко на сторонѣ нашей доморощенной *русской оперной труппы*. Пѣвцамъ и пѣвицамъ русскимъ оказывается особенное покровительство, и есть даже слухъ, что на будущую зиму *вовсе* не будетъ *итальянской* оперы. Вотъ-то мнѣ было бы раздолье, я тотчасъ принялся бы за *вторую* оперу (выискавъ горячій, сильно драматическій сюжетъ). Кстати: не придетъ ли вамъ въ голову какой нибудь сюжетъ съ сильными страстями, патетическими положеніями и живой занимательной сценической обстановкой (балъ, народный праздникъ, война

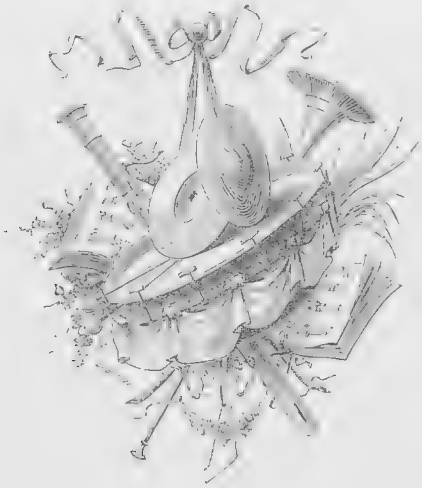
и т. д.)? Если придетъ такой (изъ повѣсти ли, или изъ драмы, или хоть изъ самой исторіи чужой или нашей), сообщеніемъ его мнѣ крѣпко удружите. За «Marie de Rohan» или «Jeanne d'Arc» не хочется приниматься, въ ожиданіи чего нибудь *посвѣжѣе*. А въ Петербургѣ-то *что* ждетъ меня!—удивительнѣйшій буффо—*Лаблашъ* и..... ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ несравненная—*Рашель*. Кромѣ того, обѣщаютъ «Zauberflöte» Моцарта и въ посту, въ концертахъ у Львова, *непремѣнно*—Девятую симфонію!! Не слыхавъ такъ давно *ничего*, кромѣ дико-нелѣпыхъ звуковъ татарской музыки, каково мнѣ будетъ, предоставляю вашему воображенію.

Прощайте пока. *А. Сѣровъ.*

P. S. Я оставляю Крымъ въ первыхъ числахъ января. Если вздумаете писать мнѣ, то вотъ куда: Въ СПБ. Его В—ію Дмитрію Васильевичу Стасову, на Моховой, въ домѣ Меликова.

Нѣкоторыя изъ моихъ статей по музыкальной критикѣ переведены на нѣмецкій и будутъ скоро помѣщены въ Лейпцигской музыкальной газетѣ.

Сообщилъ **Ник. Финдейзенъ.**



Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ.

(Историко-литературный очеркъ).

I.

О происхожденіи дворянскаго рода Веревкиныхъ знаемъ мы мало. Въ Общемъ Гербовникѣ сказано о нихъ слѣдующее: «Фамиліи Веревкиныхъ многіе служили Россійскому престолу дворянскія службы, въ разныхъ чинахъ, и жалованы были отъ государей, въ 1680 и другихъ годахъ, помѣстьями» [1]). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ почтеннымъ историкомъ дворянскихъ родовъ В. В. Руммелемъ, Веревкины—одинъ изъ тѣхъ немногихъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, которые не измыслили себѣ «выѣзжаго» предка.

Первый извѣстный имъ самимъ представитель ихъ рода былъ Гаврило Ивановичъ Веревкинъ, переведенный при Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ изъ Москвы на помѣстье въ Новгородъ. Его сынъ, Андрей Гавриловичъ, былъ полковымъ воеводою при взятіи Исламъ-Кирменя (1575 г.) [2]).

---

[1]) Томъ III, стр. 101.

[2]) См. также біографію М. И. Веревкина въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, т. IX, составленную *Д. И. Языковымъ*. Приведенное здѣсь преданіе о происхожденіи Веревкиныхъ изъ орды принадлежитъ, вѣроятно, къ числу очень позднихъ измышленій. Въ Россійской родословной книгѣ, сост. *княземъ П. Долгорукимъ* (Спб. 1857), тоже указывается, что предки М. И. Веревкина упоминаются уже въ XVI вѣкѣ (т. IV, стр. 329).

Объ отцѣ Веревкина извѣстно, что онъ съ 1704 года состоялъ на службѣ въ Преображенскомъ полку, былъ деньщикомъ (то есть флигель-адъютантомъ) Петра Великаго и въ 1728 году вышелъ въ отставку, въ чинѣ капитана. У него было шесть человѣкъ дѣтей, четыре сына и двѣ дочери, и въ томъ числѣ родившійся въ 1733 году [1]) сынъ Михаилъ, будущій писатель.

Въ 1742 году девятилѣтнимъ мальчикомъ былъ онъ записанъ кадетомъ въ Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ, а въ слѣдующемъ 1743 году былъ назначенъ гардемариномъ во флотъ, въ которомъ и оставался на службѣ до 1756 года [2]). О служебной дѣятельности Веревкина во флотѣ мы ничего не знаемъ. Для насъ гораздо важнѣе то, что въ это время Веревкинъ познакомился и, очевидно, близко сошелся съ адмираломъ Алексѣемъ Ивановичемъ Нагаевымъ, весьма просвѣщеннымъ человѣкомъ и морякомъ, настолько любившимъ свое дѣло, что даже болѣзнь не удерживала его, по словамъ Веревкина, «отъ неусыпнаго, можно сказать, упражненія въ сочиненіи и поправленіи морскихъ чертежей». Вѣроятно, Веревкинъ обратилъ на себя чѣмъ нибудь вниманіе своего начальника, и онъ въ 1749 году поручилъ ему перевести съ французскаго языка «Сказаніе о мореплаваніи». Нагаевъ самъ наблюдалъ за этой работой и собственноручно исправлялъ погрѣшности еще неопытнаго юнаго переводчика. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ адмирала Нагаева появился не одинъ только переводъ «Сказанія о мореплаваніи». Въ собственноручномъ спискѣ трудовъ Веревкина [3]) показаны имъ, какъ переведенныя до 1762 года, двѣ книги: во первыхъ, «Фарватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорныя мѣста, приливы и отливы морскіе на всей поверхности

---

[1]) Этотъ годъ вполнѣ опредѣляется изъ письма самого Веревкина къ адмиралу Нагаеву, отъ 22-го декабря 1749 года, гдѣ онъ называетъ себя шестнадцатилѣтнимъ отрокомъ. См. «Краткое описаніе жизни адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева», составленное М. И. Веревкинымъ и приложенное къ переводу «Сказанія о мореплаваніи». Нѣкоторое противорѣчіе съ этимъ указаніемъ находится въ свѣдѣніяхъ г. Руммеля, гдѣ отецъ М. И. Веревкина значится въ 1732 году уже умершимъ.

[2]) Во время этой службы Веревкинъ получилъ слѣдующія производства: въ 1748 году—въ мичманы, въ 1751 году—въ унтеръ-лейтенанты и въ 1753 году—въ корабельные секретари.

[3]) Списокъ этотъ напечатанъ вмѣстѣ съ послужнымъ спискомъ Веревкина въ «Москвитянинѣ», 1842 года, № 12, стр. 398 и сл.

*

земной» (съ французскаго языка); во вторыхъ, «Универсальная исторія» (съ нѣмецкаго) [1]. Специальный выборъ первой книги и принадлежность рукописи втораго перевода библіотекѣ адмирала Нагаева достаточно указываютъ на то, что Нагаевъ былъ причастенъ и этимъ трудамъ Веревкина и вообще, побуждая его къ переводамъ, до нѣкоторой степени повліялъ на послѣдующій характеръ литературной дѣятельности Веревкина, когда тотъ выступилъ въ роли, такъ сказать, присяжнаго переводчика.

Въ 1756 году Веревкинъ бросаетъ службу во флотѣ и назначается ассессоромъ въ только что учрежденный Московскій Университетъ [2]. О дѣятельности Веревкина въ Московскомъ Университетѣ знаемъ мы не много, но и то, что извѣстно, не свидѣтельствуетъ объ его служебномъ и педагогическомъ тактѣ. Прежде всего, онъ выказалъ достаточно властолюбія и вскорѣ же поссорился съ ректоромъ Университетской гимназіи Шаденомъ, такъ что власть ассессоровъ пришлось ограничить [3]. Еще необдуманнѣе было поведеніе Веревкина въ слѣдующемъ случаѣ, весьма интересномъ для характеристики гимназическихъ нравовъ того времени. Передъ масляницею 1758 года одинъ ученикъ изъ дворянъ хотѣлъ подставить ногу учителю, за что тотъ далъ ему пощечину. Ученикъ пожаловался въ университетскую канцелярію, которая назначила судъ изъ ректора Шадена, профессоровъ Дильтея и Фроманна и исполнявшаго одновременно съ Веревкинымъ обязанность ассессора Хераскова. Учителю былъ сдѣланъ выговоръ и было объявлено, что онъ теперь уже не можетъ какимъ либо путемъ искать удовлетворенія, такъ какъ не имѣлъ права давать ученику пощечину. Обоимъ имъ приказали взаимно просить другъ у друга прощеніе. Но ученикъ остался такимъ рѣшеніемъ не доволенъ и въ очередь Веревкина отправился у него искать удовлетворенія за обиду. Тотъ обѣщалъ и приказалъ солдатамъ взять учителя подъ караулъ, а такъ какъ въ этотъ день учителя дома не нашли, то его арестовали на другой день рано утромъ, когда онъ былъ еще въ постели. Въ довершеніе всего,

---

[1] Оба перевода изданы не были.

[2] Такъ опредѣлилъ начало своей службы при Университетѣ самъ Веревкинъ. Въ одной рукописной тетради находится рѣчь, сказанная Веревкинымъ, въ качествѣ ассессора, 6-го сентября 1755 года, въ честь Императрицы Елизаветы Петровны (Исторія Московскаго Университета, стр. 577). Вѣроятно, здѣсь передъ нами ошибка.

[3] *Шевыревъ*. Исторія Московскаго Университета, стр. 26.

оказалось, что Веревкинъ перепуталъ имена учителей, и подъ караулъ былъ взятъ учитель, совершенно непричастный всему происшедшему [1]). Столь «ревностная» служба, кажущаяся въ настоящее время какой то дикой расправой, не помѣшала Веревкину въ томъ же году получить повышеніе и стать во главѣ новаго учебнаго заведенія. Въ это время правительство, не ограничиваясь существованіемъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ и Москвѣ, начинаетъ заботиться объ устройствѣ ихъ и по провинціи. 21-го іюля 1758 года состоялся сенатскій указъ «для размноженія наукъ, о учрежденіи въ Казани гимназіи къ обученію дворянъ и разночинцевъ, съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ Университетѣ» [2]). Педагогическій персоналъ во вновь учреждаемую гимназію былъ назначенъ изъ Московскаго Университета, и въ томъ числѣ директоромъ—университетскій ассессоръ М. И. Веревкинъ [3]).

18-го января 1759 года Веревкинъ явился въ Казань и вступилъ въ управленіе гимназіей, куда уже было записано четырнадцать учениковъ, и въ числѣ ихъ—будущій поэтъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ [4]). Немедленно Веревкинъ нанялъ помѣщеніе для гимназіи, сдѣлалъ «распоряженіе классовъ и раздѣленіе ихъ между учителями», а 25-го января началось ученіе «въ разсужденіи безполезно получаемаго учителями жалованья и праздности записанныхъ уже учениковъ», которыхъ въ это время было 30 человѣкъ; къ началу же мая число ихъ возрасло до 95. И вотъ начинается ревностная, но не всегда достигавшая желанныхъ результатовъ,

[1]) *Шевыревъ.* Исторія Московскаго Университета, стр. 62.

[2]) *А. Артемьевъ.* Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. Спб. 1874. Стр. 12.

[3]) О дѣятельности Веревкина въ Казанской гимназіи см.: 1) *М. Петровскій.* Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго образованія въ половинѣ XVIII вѣка (Русская Бесѣда, 1860, т. I); 2) *В. Владиміровъ.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи. XVIII столѣтіе. Часть 1-я. Казань. 1867. Стр. 21 и сл.; 3) *А. Артемьевъ.* Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи, стр. 13 и сл.

[4]) Державинъ всегда сохранялъ благодарное воспоминаніе о своемъ директорѣ, съумѣвшемъ замѣтить и оцѣнить даровитаго питомца. Въ 1786 году, будучи тамбовскимъ губернаторомъ, Державинъ на праздникѣ по поводу именинъ Императрицы велѣлъ послѣ его собственнаго пролога представить комедію Веревкина—«Такъ и должно». Выборъ этой пьесы Державинъ въ примѣчаніяхъ къ прологу объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Она (т. е. комедія) избрана для того на сей разъ, первое, чтобъ почтить память начальника; второе, чтобъ укорить подъячихъ крючкотворцевъ, которыхъ засталъ губернаторъ довольно много, ибо сія комедія точно сихъ людей описываетъ». (Соч. Державина, т. III, стр. 726).

педагогическая дѣятельность Веревкина. Прежде всего, при ничтожномъ жалованьи—а таковое доходило до 2 рублей въ мѣсяцъ за четыре часа ежедневныхъ занятій—трудно было всегда имѣть удовлетворительныхъ преподавателей, а иногда подъ рукой не было и никакого, такъ что классъ оставался безъ учителя [1]). Громаднымъ препятствіемъ успѣшнымъ занятіямъ служило почти полное отсутствіе учебниковъ. Въ доношеніи Московскому Университету, отъ 14-го мая 1759 года, Веревкинъ жалуется, что «по шести экземплярамъ нѣмецкой азбуки принуждены учиться больше тридцати человѣкъ; грамматикъ же ни на какомъ языкѣ не сыскалось». Веревкинъ дѣлалъ все, что могъ: старался плохихъ преподавателей замѣнить лучшими и болѣе обезпечить ихъ положеніе, выпросилъ двадцати бѣднѣйшимъ ученикамъ ежегодное пособіе по шести рублей, постоянно писалъ въ Московскій Университетъ о присылкѣ денегъ и учебныхъ пособій. Наконецъ, для улучшенія преподаванія Веревкинъ устроилъ еженедѣльныя педагогическія собранія или «конвенты», но эти «конвенты», какъ открытые безъ «апробаціи» университетскаго куратора, были запрещены. Поддержка деньгами и учебными пособіями туго шла отъ Московскаго Университета, который, впрочемъ, самъ настолько былъ скуденъ средствами, что въ немъ отъ ветхости помѣщенія разваливались стѣны. При подобныхъ условіяхъ Веревкинъ, понятно, не могъ поставить гимназію на надлежащую высоту и достигнуть особенныхъ успѣховъ учащихся. Вотъ какую далеко не блестящую картину преподаванія въ Казанской гимназіи за это время находимъ мы въ воспоминаніяхъ прославившагося потомъ ея питомца — Г. Р. Державина. «Въ этомъ училищѣ», говоритъ онъ, «преподавалось ученіе языкамъ: латынскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассессоромъ Михайло Ивановича Веревкина; однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами, какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобы научить читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ; что сдѣлало питомцевъ хотя

[1]) Такъ, напримѣръ, почти мѣсяцъ со дня открытія гимназіи не было преподавателя такого предмета, какъ Законъ Божій.

въ наукахъ неискусными, однако же, доставило людскость и нѣкоторую развязь въ обращеніи» [1]). Изъ этого отзыва Державина видно, что въ это время въ гимназіи не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ на обогащеніе учениковъ познаніями, обращалось вниманіе на внѣшность, и въ данномъ случаѣ Веревкинъ былъ правъ. Тихая, хотя бы и плодотворная, дѣятельность молодой гимназіи врядъ ли была бы замѣчена и оцѣнена мѣстнымъ обществомъ, тогда какъ внѣшій блескъ и публичные успѣхи учениковъ и невысокаго внутренняго достоинства, вродѣ произнесенія вызубренныхъ чужихъ рѣчей или же танцевъ и фехтованія, пріобрѣтали гимназіи общее расположеніе и довѣріе. Образцомъ рекламированія, если такъ можно выразиться, науки Веревкинымъ является чествованіе 26-го апрѣля 1760 года дня основанія Московскаго Университета. Изъ донесенія Веревкина къ И. И. Шувалову [2]) мы видимъ, что празднованіе продолжалось два дня. Въ первый день самъ архіепископъ казанскій служилъ молебенъ, послѣ котораго всѣ перешли въ аудиторію, гдѣ произносились рѣчи на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Затѣмъ, состоялся обѣдъ. Интересно аллегорическое убранство обѣденной комнаты, несомнѣнно, устроенное по плану самого Веревкина: «На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей Самодержицы Европы, Азіи и Африки, украшенныя террасами и деревьями вокругъ, а въ срединѣ или во стеченіи столовъ сдѣлана была крутая, каменистая и ущелистая гора съ преузкими и претрудными тропинками къ вершинѣ; сто фигуръ человѣческихъ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, по нимъ идутъ; многіе, какъ, напримѣръ, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, почти при самомъ началѣ пути своего падаютъ, другіе съ четверти и съ половины горы свергаются, премалой счетъ карабкающихся достигаютъ до вершины, которая имѣетъ форму долины, обросшей пальмовымъ лѣсомъ. Аполлонъ, девять сестеръ Парнасскихъ, господа Ломоносовъ и Сумароковъ повинуются повелѣнію Юпитерову, присланному къ нимъ чрезъ Меркурія, въ одной рукѣ имѣющаго вензелевое имя Ея Императорскаго Величества, а въ другой свою кадюсею, которою даетъ знакъ Парнасскимъ

[1]) Сочиненія Державина, т. VI, стр. 419 и 420.

[2]) Донесеніе это въ первый разъ вполнѣ точно было напечатано въ указанной выше статьѣ *М. Петровскаго*, стр. 20.

жителямъ, указывая на имя государское, чтобъ, оставя всѣ древніе и новые объекты, достойнѣйшей предъ всѣми превозносили вѣчными похвалами». Вскорѣ послѣ обѣда гости отправились въ театръ, гдѣ была представлена пьеса Мольера—«Школа мужей». Наконецъ, въ заключеніе перваго дня праздника былъ «ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ». На другой день казанское общество было приглашено въ загородное губернаторское помѣщеніе на холодный ужинъ и фейерверкъ. Для простаго народа, собравшагося въ количествѣ 17,000 человѣкъ, были приготовлены жареные быки и бараны.

Но Веревкинъ не ограничивался только устройствомъ подобнаго рода торжествъ, а, задаваясь и серьезными задачами, настаивалъ на такихъ нововведеніяхъ, которыя, осуществившись позже, дали богатые результаты. Такъ, въ одномъ изъ рапортовъ Московскому Университету Веревкинъ предлагалъ въ Казанской гимназіи ввести преподаваніе татарскаго языка. Какъ извѣстно, позже Казань сыграла немалую роль въ развитіи русскаго востоко-вѣдѣнія [1]).

Между тѣмъ, противъ Веревкина собиралась гроза. Враждовавшіе съ нимъ по личнымъ неудовольствіямъ инспекторъ Оттенталь и учитель Дювилляръ обвинили Веревкина въ растратѣ казенныхъ денегъ и успѣли, наконецъ, подорвать довѣріе къ нему куратора Шувалова. 20-го сентября 1761 года магистру Савичу было приказано ѣхать въ Казань и замѣнить Веревкина, который увольнялся отъ своей должности «за непорядочные поступки». Далѣе, противъ Веревкина выставляются упреки, совершенно имъ незаслуженные: «Натурально, что въ такомъ худомъ смотрѣніи ассессора Веревкина всѣ обстоятельства гимназій [2]) находятся въ великомъ безпо-

[1]) О серьезномъ отношеніи Веревкина къ своимъ обязанностямъ сохранилось свидѣтельство аббата Шаппа, посѣтившаго въ 1761 году, во время путешествія по Россіи, между прочимъ, Казань. Описаніе этого путешествія, вышедшаго въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1768 году, подъ заглавіемъ: «Voyage en Siberie», переполнено враждебными отзывами о Россіи и русскихъ, такъ что тѣмъ цѣннѣе его сочувственныя слова о Веревкинѣ (см. *А. Артемьевъ*. Цит. выше статья, стр. 55).

[2]) Уже почти черезъ три мѣсяца со дня открытія Казанской гимназіи былъ выдѣленъ особый разночинскій классъ, представлявшій изъ себя какъ бы отдѣльную гимназію. Подобное дѣленіе видимъ позже, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ долгое время для дѣтей благородныхъ родителей существовала 1-я гимназія, а дѣти разночинцевъ допускались только во 2-ю гимназію.

рядкѣ» [1]). Вопросъ о причинѣ удаленія Веревкина пока еще невыясненъ. По словамъ Языкова, въ вину Веревкину было поставлено то, что онъ, видя матеріальныя затрудненія гимназіи, побуждалъ родителей и родственниковъ учащихся присылать въ гимназію припасы натурою [2]).

Увольненіе отъ должности директора гимназіи, сопровождавшееся притомъ столь суровыми обвиненіями, не оказало вліянія на служебные успѣхи Веревкина. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ, умѣвшій ладить съ сильными міра сего, умѣвшій поддерживать къ себѣ расположеніе общества. Вотъ, что разсказываетъ о немъ князь П. А. Вяземскій: «Веревкинъ любилъ гадать въ карты. Кто то донесъ Петру III о мастерствѣ его: послали за нимъ. Взявъ въ руки колоду картъ, выбросилъ онъ искусно на полъ четыре короля. — Что это значитъ? — спросилъ Государь. — Такъ фальшивые короли падаютъ передъ истиннымъ Царемъ, — отвѣчалъ онъ. Шутка показалась удачною, а гаданіе его произвело сильное впечатлѣніе на умъ Государя. И на картахъ ему посчастливилось. Вслѣдъ за этимъ отпустили ему долгъ казенный въ 40,000 рублей. Императоръ сказалъ о волшебномъ мастерствѣ Веревкина Императрицѣ Екатеринѣ и пожелалъ, чтобъ она призвала его къ себѣ. Явился онъ съ колодою картъ въ рукѣ.— Я слышала, что вы человѣкъ умный, — сказала Императрица, — неужели вы вѣрусте въ подобныя нелѣпости? — Ни мало,—отвѣчалъ Веревкинъ. — Я очень рада, — прибавила Императрица, — и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса.—Онъ былъ великій краснобай и разскащикъ, много живалъ въ деревнѣ, но когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то съ шести часовъ утра прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ или вечеръ; хозяева сзывали гостей на Веревкина. Отправляясь на вечеринку или на обѣдъ, говорятъ, спрашивалъ у товарищей своихъ: Какъ хотите: заставить ли мнѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться?—И съ общаго назначенія то морилъ со смѣха, то приводилъ въ слезы» [3]).

Очевидно, и въ 1761 году Веревкинъ прибѣгъ къ своему умѣнью устраивать свои дѣла и успѣлъ сохранить служебное положеніе, оставаясь товарищемъ казанскаго губернатора до 1763 года, когда вышелъ въ от-

---

[1]) *В. Владиміровъ.* Цит. выше статья, стр. 28.

[2]) Энциклопедическій лексиконъ Плюшера, т. IX, стр. 454.

[3]) Полное собраніе сочиненій князя П. А Вяземскаго, т. VIII, стр. 8 и 9.

ставку съ производствомъ въ чинъ коллежскаго совѣтника [1]). На этомъ служебная дѣятельность Веревкина не остановилась. Черезъ десять лѣтъ, когда начался Пугачевскій бунтъ, Веревкинъ, по собственному желанію, явился съ предложеніемъ своихъ услугъ къ генералу Бибикову и къ графу Панину. Состоя при послѣднемъ, Веревкинъ былъ «употребленъ въ директоріи походной канцеляріи, гдѣ не только должность исправлялъ великимъ трудомъ, но и употреблялся въ опасные проѣзды, о чемъ онъ, графъ Панинъ, засвидѣтельствовалъ, просилъ о воздаяніи за оное». И послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта Веревкинъ не удалился опять въ отставку, а продолжалъ служить. Вотъ какъ изображается послѣдующая служба Веревкина въ его послужномъ спискѣ: «Въ 775 декабря 8 имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно его—Веревкина опредѣлить къ дѣламъ, почему въ 776 генваря 15 и опредѣленъ въ учрежденной при новгородской губернской канцеляріи для рѣшенія старыхъ дѣлъ департаментъ членомъ, и того же года октября 21 дня переведенъ въ тверское намѣстническое правленіе совѣтникомъ, въ 778 опредѣленъ тверскаго намѣстничества въ палату гражданскаго суда предсѣдателемъ, въ 779 маія 21 пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, 781 маія 2, за болѣзнями, до выздоровленія отъ должности уволенъ» [2]). «Четырехъ-лѣтнее леченіе и спокойная сельская жизнь не могли возстановить силы его», и поэтому Веревкинъ въ 1785 году окончательно вышелъ въ отставку, будучи при этомъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но этой службой, о которой мы почти ничего не знаемъ [3]), далеко не исчерпываются занятія Веревкина во вторую половину его жизни. Сперва морякъ,

---

[1]) На должность товарища губернатора Веревкинъ былъ назначенъ въ 1760 году. Объ этой службѣ Веревкина свѣдѣнія находимъ въ «Запискахъ» Державина, который кое-гдѣ дѣлаетъ довольно неопредѣленные намеки на не совсѣмъ добросовѣстный образъ дѣйствія Веревкина во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей. Но, можетъ быть, Державинъ выказалъ здѣсь излишнюю подозрительность. Въ чинъ надворнаго совѣтника Веревкинъ былъ произведенъ въ 1762 году, то есть черезъ годъ послѣ доноса на него учителей.

[2]) Москвитянинъ, 1842, № 12, стр. 399.

[3]) Кое-какія отрывочныя свѣдѣнія о дѣятельности Веревкина во время службы при графѣ Панинѣ собраны въ книгѣ *Артемьева* (стр. 26), между прочимъ, указаніе Рычкова, что Веревкинъ, по порученію Панина, былъ занятъ «генеральнымъ обо всемъ бунтѣ описаніемъ».

потомъ педагогъ, теперь Веревкинъ выступаетъ, повидимому, въ наиболѣе подходящей ему роли почти-что оффиціальнаго переводчика и этими переводами главнымъ образомъ и содержитъ свою семью.

Выше уже было указано, что Веревкинъ еще въ юные годы, во время службы во флотѣ, перевелъ нѣсколько книгъ. Занятія эти, свидѣтельствующія о знаніи имъ новыхъ языковъ, не оставались неизвѣстными: самъ Веревкинъ, конечно, въ случаѣ надобности съумѣлъ бы довести объ этомъ до надлежащаго свѣдѣнія. И вотъ, наконецъ, при Дворѣ узнаютъ о Веревкинѣ, какъ о человѣкѣ, способномъ для переводовъ. Князь П. А. Вяземскій разсказываетъ слѣдующее: «Однажды, передъ обѣдомъ, (Императрица Елизавета), прочитавъ какую то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила желаніе, чтобы перевели ее на русскій языкъ.—Есть у меня человѣкъ на примѣтѣ, — сказалъ Шуваловъ, — который изготовитъ вамъ переводъ до конца обѣда,—и тутъ же послалъ молитву къ Веревкину. Такъ и сдѣлано. За обѣдомъ принесли переводъ. Онъ такъ полюбился Императрицѣ, что тотчасъ же или вскорѣ за тѣмъ наградила она переводчика 20,000 рублей» [1]). Императрица Екатерина II, какъ почитательница и покровительница просвѣщенія, не могла оставить безъ вниманія человѣка, имѣющаго склонность къ литературнымъ занятіямъ и къ этому дѣлу способнаго. И вотъ, уже въ 1763 году, когда Веревкинъ, выйдя первый разъ въ отставку, сдѣлался свободенъ отъ служебныхъ обязанностей, Императрица повелѣваетъ ему «быть при Кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на россійской языкъ», съ жалованьемъ изъ Кабинета по 750 рублей въ годъ [2]). Первое время Веревкинъ работалъ довольно медленно, и только въ 1770 году появляется первый томъ перевода «Записокъ Максимиліана Бетюна, герцога Сюлли» [3]). Еще медленнѣе идетъ работа у Веревкина, когда онъ съ 1776 года опять вступаетъ на службу и при-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 7.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о второй половинѣ жизни Веревкина, между прочимъ, можно найти въ его прошеніяхъ 1792 года на Высочайшее имя. Прошенія эти напечатаны съ разными приложеніями въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», т. II, стр. 108—116. Сверхъ того, мы имѣли возможность воспользоваться хранящимися въ Публичной Библіотекѣ копіями конца XVIII вѣка съ 249 писемъ Веревкина.

[3]) Весь переводъ составилъ 10 томовъ и печатался до 1776 года. Къ 10-й части перевода приложено посвященіе Императрицѣ, въ которомъ Веревкинъ проситъ простить ему слабость его силъ «по исполненіи мнѣ отъ Васъ повелѣннаго».

нужденъ отдавать часть времени исполненію служебныхъ обязанностей. Кромѣ того, Веревкину и не было особенной надобности такъ усидчиво заниматься переводами, какъ позже: въ это время онъ былъ матеріально обезпеченъ, получая по должности сперва 600 рублей, а потомъ и 840 рублей, и, сверхъ того, сохранивъ часть кабинетскаго жалованья 450 рублей. Но въ 1781 году Веревкинъ прекращаетъ служить и остается лишь съ кабинетскимъ жалованьемъ въ 450 рублей, которое, впрочемъ, не доставалось ему въ руки, а шло, по собственной его просьбѣ, въ уплату долговъ. Теперь для Веревкина наступаютъ тяжелые дни. Крохотное имѣніе въ 33 души не могло доставлять достаточно средствъ для существованія семейному человѣку. Письма Веревкина за это время наполнены горькими жалобами на бѣдность. Въ одномъ изъ нихъ, приблизительно около 1785 года, находимъ такую фразу: «Сами вы судите и рѣшите: безъ хлѣба, денегъ ни полушки; все у меня въ домишкѣ голодно, все кричитъ о помощи. Гожусь ли я дѣйствовать мозгомъ и перомъ?» [1]). Скудость средствъ Веревкина, даже въ лучшее время, до выхода со службы, доходила до того, что въ 1776 году, когда ему было пожаловано 200 дворовъ въ Малороссіи, «не допустило неимущество взять ихъ на содержаніе» [2]). Каково же было положеніе Веревкина, когда прекратилась выдача ему жалованья. И вотъ, онъ обращается къ послѣднему источнику, къ своему знанію новыхъ языковъ, и начинаетъ усиленно заниматься переводами. Такъ какъ его переводы и сочиненія по Высочайшему повелѣнію, данному еще до 1776 года и въ этомъ году подтвержденному, печатались на счетъ Кабинета въ типографіяхъ Московскаго Университета и Горнаго Училища, а книги выдавались Веревкину въ его собственность, то онъ и могъ отъ продажи ихъ выручать въ годъ тысячъ до двухъ. Съ 1791 года переводы Веревкина стали печататься также и въ типографіи Академіи Наукъ, но не болѣе 300 листовъ въ годъ, причемъ переводчику выдавалось за переводы по 10 рублей съ листа и 60 экземпляровъ въ собственность [3]).

---

[1]) Письмо 146.

[2]) Письмо 183. Уже отецъ Веревкина не могъ считаться богатымъ человѣкомъ: ему принадлежало всего, по свѣдѣніямъ г. Руммеля, 300 душъ крестьянъ въ Тверскомъ, Дмитровскомъ и Суздальскомъ уѣздахъ.

[3]) Сочиненія Державина, т. V, стр. 785.

Удалившись въ свое имѣніе Михалево, свободный отъ служебныхъ заботъ, Веревкинъ начинаетъ выпускать быстро одинъ за другимъ переводы, самые разнообразные по содержанію и весьма значительные по объему [1]). Здѣсь передъ нами и «Исторія о странствіяхъ» (сочиненіе Прево, 22 части), и Исторія Франціи, Англіи, Турціи (сочиненія Миллоша, 10 частей) и «Всеобщая система воспитанія» (Еберта и Шрека, 12 частей), и «Географическій словарь» (Вожьена, 5 частей), и «Хозяйственный деревенскій календарь» (2 части), и Житіе Конфуція, и Алькоранъ, и, наконецъ, 1-я часть послѣдняго его перевода «Полная картина Оттоманской Имперіи» (д'Оссона). Ревность Веревкина въ этомъ отношеніи доходила до того, что въ 1792 году онъ предлагалъ начать переводить Энциклопедію, обѣщаясь ежегодно приготовлять по два тома [2]), но предпріятіе это не состоялось.

Переводы Веревкина, несомнѣнно, принесли долю пользы просвѣщенію русскаго общества. Есть указаніе, что они распространялись повсюду и въ порядочномъ количествѣ, посылались даже въ Тобольскъ и Иркутскъ [3]). Но эта полезная дѣятельность въ 1792 году должна была прекратиться, потому что въ этомъ году Императрица приказала, «чтобы впредь ни въ какихъ типографіяхъ, какъ сочиненій, такъ и переводовъ, безъ особливаго Ея Величества повелѣнія, а притомъ и безъ увѣдомленія отъ Кабинета, на счетъ онаго не печатать». Относительно переводовъ Веревкина таковаго повелѣнія не состоялось. Этотъ указъ опять создавалъ Веревкину матеріальныя затрудненія, и онъ тотчасъ же обратился къ Императрицѣ съ просьбой, чтобъ ему снова выдавались тѣ 750 рублей, которые были назначены въ 1763 году и частью отняты при вступленіи на службу въ 1776 году, а частью шли въ уплату долга. Исходъ этой просьбы намъ неизвѣстенъ.

Кромѣ переводовъ, извѣстны и оригинальныя сочиненія Веревкина. Первое мѣсто между ними занимаютъ его комедіи, но объ нихъ будетъ сказано особо. По указанію Новикова, Веревкинъ «сочинилъ помянникъ на всякій день стихами весьма изрядно, и много другихъ стихотворныхъ

---

1) Уже вышеприведенное условіе печатать въ Академической типографіи не болѣе 300 листовъ въ годъ указываетъ, какъ быстро работалъ Веревкинъ надъ переводами.

2) Сочиненія Державина, т. V, стр. 789.

3) Русскій Архивъ, 1864, стр. 450. Также копія съ письма Веревкина подъ № 148.

сочиненій, напечатанныхъ въ ежемѣсячномъ сочиненіи «Полезное увеселеніе», изданномъ въ Москвѣ 1761 года» [1]). Затѣмъ, не Веревкину ли принадлежитъ въ журналѣ «Старина и Новизна» за 1772 годъ стихотвореніе за подписью *В.*—«Торжество дурачества надъ любовію или разговоръ Купидона съ Глупостію» [2]). Въ спискѣ своихъ трудовъ Веревкинъ упоминаетъ эпистолу въ стихахъ преосвященному Платону, подъ названіемъ: «Христіанинъ». Наконецъ, въ рукописномъ сборникѣ разныхъ стихотвореній (XVIII вѣка), принадлежащемъ Казанскому Университету, находимъ, между прочимъ, «эпистолю» Веревкина; она начинается словами: «Мясистому волу, рожденному въ Черкасахъ», и заключаетъ въ себѣ жалобы, что окончилась дешевизна водки [3]). Г-нъ Артемьевъ отмѣчаетъ въ этой, по его словамъ, кощунственной эпистолѣ желаніе поддѣлаться подъ складъ мужицкой рѣчи [4]). Изъ прозаическихъ сочиненій Веревкина извѣстно «Описаніе Екатерининскихъ водъ въ Астраханской губерніи», составленное имъ въ 1780 году, когда онъ самъ лечился на этихъ водахъ.

Съ именемъ Веревкина связывается біографія Ломоносова, приложенная къ академическому изданію его сочиненій 1784 — 1787 гг. Обыкновенно Веревкина считаютъ только переводчикомъ біографіи, составленной на нѣмецкомъ языкѣ или Штелиномъ, или кѣмъ то другимъ по матеріаламъ Штелина [5]). Дѣйствительно, мы находимъ здѣсь громадное сходство съ «чертами и анекдотами для біографіи Ломоносова» Штелина [6]). Въ то же время въ копіяхъ съ писемъ Веревкина [7]) мы видимъ, что онъ *самъ* собиралъ въ 1783 году самыя разнообразныя свѣдѣнія о Ло-

---

[1]) Ни одно произведеніе въ этомъ журналѣ именемъ Веревкина не подписано.

[2]) Часть I, стр. 104.

[3]) *Артемьевъ.* Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго Университета, № 19953, стихотвореніе 54-е.

[4]) *Артемьевъ.* Казанскія гимназіи и т. д., стр. 18. Г-нъ Артемьевъ предполагаетъ, что это стихотвореніе упоминается въ спискѣ трудовъ Веревкина, подъ названіемъ: «Помянникъ».

[5]) *Пекарскій.* Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. 259. *Сухомлиновъ.* Исторія Россійской Академіи, т. VI, стр. 36. Также Сборникъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, томъ VIII, № 2, стр. 14.

[6]) Въ русскомъ переводѣ напечатана въ «Москвитянинѣ», 1850 г., ч. I. отд. 2.

[7]) №№ 78, 79, 81 и 83. Три послѣднихъ письма напечатаны цѣликомъ въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки 1891 г., стр. 152 и 153.

моносовѣ, обращаясь то къ Дамаскину Семенову-Рудневу, архимандриту Заиконоспасскаго монастыря, то къ княгинѣ Дашковой, то къ О. П. Козодавлеву. Послѣдняго Веревкинъ проситъ справиться, не извѣстно ли чего либо о Ломоносовѣ «живымъ академическимъ ученикамъ». Все это позволяетъ думать, что Веревкинъ не ограничился только переводомъ, а по крайней мѣрѣ пытался провѣрить и дополнить Штелина.

Литературныя занятія Веревкина доставили ему извѣстность въ литературномъ и ученомъ кругу. Въ 1772 году мы его видимъ въ числѣ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ [1]). Затѣмъ, Веревкинъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ [2]), а 20-го марта 1785 года, въ одномъ засѣданіи съ Капнистомъ, былъ избранъ въ члены Россійской Академіи [3]). Онъ принималъ участіе въ трудахъ Россійской Академіи по изготовленію словаря русскаго языка. Такъ, онъ прислалъ княгинѣ Дашковой «Опытъ выбора нарочитыхъ славенскихъ словъ изъ Священнаго Писанія» и спрашивалъ, продолжать ли ему начатую работу? При этомъ Веревкинъ предполагалъ при каждомъ выписанномъ изъ Библіи словѣ обозначать, какое слово находится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ латинской, французской и нѣмецкой Библіи [4]). Несомнѣнно, участіе Веревкина въ занятіяхъ Академіи было дѣятельно, такъ что ему было назначено вознагражденіе по 200 рублей въ годъ [5]). Наконецъ, въ 1792 году Веревкинъ былъ избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества [6]). Въ этомъ году, какъ уже было указано, Веревкину пришлось пріостановить свою переводную дѣятельность, и этимъ же временемъ оканчиваются наши свѣдѣнія о немъ. Впрочемъ, Веревкину уже немного оставалось и жить: 19-го марта 1795 года онъ навсегда успокоился отъ всѣхъ тревогъ и борьбы съ постоянно грозившей ему нуждой.

---

[1]) *Шевыревъ.* Исторія Московскаго Университета, стр. 202. Въ VI части «Опыта трудовъ» этого Общества напечатана переведенная Веревкинымъ съ нѣмецкаго статья подъ заглавіемъ: «Разсматриваніе естества удовольствіе производитъ».

[2]) Языковъ относитъ избраніе Веревкина въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ къ 1782 году.

[3]) *Сухомлиновъ.* Исторія Россійской Академіи, т. VII, стр. 55.

[4]) Тамъ же, томъ VIII, стр. 20.

[5]) Въ письмѣ № 232 Веревкинъ упоминаетъ свое «жалованье академическое по двѣсти рублей въ годъ».

[6]) Труды Вольнаго Экономическаго Общества, 1793 г., ч. XVII, стр. 338.

II [1]).

Пьесы Веревкина принадлежатъ къ числу драматическихъ произведеній, которыя и на Западѣ, и у насъ, носили названіе мѣщанскихъ или слезныхъ драмъ и явились на смѣну начинавшаго наскучать ложно-классическаго репертуара.

Въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка по отношенію къ Западной Европѣ господствовали два крайнихъ направленія. Одни преклонялись передъ ней, особенно передъ блистающей Франціей, видѣли все хорошее въ одномъ иностранномъ, а въ родномъ русскомъ—все дурное, считали несчастіемъ и позоромъ быть русскими; другіе же видѣли въ Западной Европѣ какой-то гибельный Вавилонъ, грозили дѣтямъ проклятіемъ, если переймутъ что нибудь у басурманъ, за которыми не признавалось и дѣйствительно существующаго превосходства въ области знаній. Первое изъ этихъ направленій, особенно усилившееся при преемникахъ Императора Петра I, повліяло, между прочимъ, и на русскій театръ. Въ немъ воцаряется ложно-классицизмъ, смѣнившій собою прежнія, быть можетъ, и неуклюжія академическія пьесы первой половины XVIII вѣка, которыя, часто изъясняя преобразовательную дѣятельность Петра I или заключая намеки на современныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, драма «Стефанатокосъ», все же были хоть сколько нибудь близки къ жизни. Если во Франціи дурныя стороны теоріи трехъ единствъ хоть отчасти сглаживались талантомъ Корнеля, Расина, Мольера, то произведенія нашихъ малодаровитыхъ драматурговъ являлись уже вполнѣ безжизненными и грубо нарушали историческую или современную дѣйствительность. Богдановичъ, напримѣръ, желая показать нравственное превосходство славянскаго міра надъ греческимъ, не постѣснился въ своей драмѣ «Славяне» отправить Александра Македонскаго походомъ на городъ Славянскъ; здѣсь онъ принимаетъ Руслана, посла отъ славянскаго царя, а затѣмъ вступаетъ въ разговоръ съ новгородской огородницей Потапьевной изъ-за капусты, съѣденной ослами изъ царскаго обоза. Но нельзя сказать, чтобъ этотъ безжизненный репертуаръ особенно обаятельно дѣйствовалъ на публику; она скучала, присутствуя

[1]) Главу эта служила предметомъ сообщенія въ засѣданіи Неофилологическаго Общества 5-го сего марта.

на исполненіи трагедій Сумарокова, преисполненныхъ высокими мыслями, и жаждала видѣть на сценѣ изображеніе обыденной дѣйствительности. Общій восторгъ, которымъ была встрѣчена комедія Фонвизина «Бригадиръ», вполнѣ вѣрно объяснилъ Н. И. Панинъ, сказавъ автору слѣдующія слова: «Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу» [1]).

И вотъ на встрѣчу этому желанію и идетъ новое литературное явленіе, именно—мѣщанская драма, возникшая у насъ не самостоятельно, но перешедшая съ Запада, гдѣ она процвѣтала въ Англіи и во Франціи, а позже—и въ Германіи [2]).

Съ начала XVIII столѣтія въ Англіи начинаетъ пріобрѣтать все больше и больше вліянія среднее сословіе. Особенно высоко должно было оно поднять голову во время министерства всесильнаго Роберта Вальполя, который, происходя изъ мелкихъ дворянъ, всегда питалъ особенное расположеніе къ буржуазіи, полной силъ и желанія трудиться. При такой поддержкѣ, средній классъ оказываетъ уже значительное вліяніе на литературу и распоряжается ею, и прежде всего—драмой, которая начинаетъ изображать обыденную жизнь этого сословія. Въ 1731 году появляется первая мѣщанская трагедія—«Георгъ Барнвель или Лондонскій купецъ». Авторъ ея, Лилло, нарисовалъ здѣсь картину столичнаго купеческаго быта со всѣми его пороками. Передъ зрителями молодой человѣкъ, который, увлекшись кокеткой, теряетъ свою волю и подъ ея вліяніемъ обкрадываетъ хозяина и убиваетъ дядю. Чтобы возбудить въ зрителяхъ страхъ передъ преступленіемъ, въ концѣ пьесы на сценѣ воздвигалась висѣлица, такъ что пьеса получала нравоучительный характеръ, сохранившійся и впредь въ мѣщанской драмѣ. Вслѣдъ за Лилло съ подобнымъ же произведеніемъ выступилъ Эдвардъ Муръ. Его трагедія «Игрокъ», въ которой герой, по имени Беверлей, вслѣдствіе неудачной игры, прибѣгаетъ къ помощи яда, сдѣла-

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы Фонвизина. Спб. 1866 г. Стр. 545.

[2]) Вопросъ о мѣщанской драмѣ даже и не затронутъ еще въ нашей литературѣ. Кое-какія свѣдѣнія можно найти въ Исторіи русской словесности Галахова (Спб. 1880 г. Томъ I, отдѣлъ 2, стр. 221 и сл.), а также въ статьѣ проф. А. С. Архангельскаго: Русскій театръ XVIII вѣка (Русское Обозрѣніе, 1894, № 6, стр. 737 и сл.).

лась извѣстной повсюду въ Европѣ и, между прочимъ, во Франціи. Во Франціи на мѣщанскую драму, какъ на выраженіе новаго момента развитія человѣческаго общества, обратили вниманіе энциклопедисты, и одинъ изъ нихъ—Дидро постарался привить ее на французскую почву [1]).

Собственно говоря, и французская почва была подготовлена къ воспріятію драмы, изображающей бытъ мѣщанства, такъ какъ и во Франціи въ XVIII вѣкѣ параллельно съ паденіемъ дворянства возвышается среднее сословіе. Мариво, Детушъ, Лашоссе тоже выступали съ образцами мѣщанской трагедіи, но сильный толчекъ ея развитію могъ дать только талантливый Дидро. Содержаніемъ своихъ пьесъ: «Побочный сынъ» и «Отецъ семейства» беретъ онъ изображеніе будничной жизни, причемъ любимою темою Дидро является торжество чувства надъ предразсудками и самоуправствомъ.

Наконецъ, съ 70-хъ годовъ мѣщанская драма, какъ англійская, а еще болѣе французская, начинаетъ проникать и въ русскую литературу. Значительнымъ успѣхомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ шумомъ, сопровождалась постановка на сценѣ пьесы Бомарше—«Евгенія», переведенной въ 1770 году Н. Пушниковымъ [2]). Талантливый комикъ Бомарше, подъ вліяніемъ мѣщанскихъ трагедій Дидро, съ искреннимъ одушевленіемъ принялся за изображеніе жизни средняго и низшаго сословія, результатомъ чего были трогательныя пьесы: «Евгенія» и «Два друга». Содержаніе «Евгеніи», заимствованное изъ «Хромаго Бѣса», состоитъ въ слѣдующемъ: Молодой аристократъ обманываетъ бѣдную дѣвушку, бросаетъ ее, но, въ концѣ концовъ, раскаивается, тронутый ея благородствомъ и нравственной высотой. Хотя въ этой пьесѣ есть примѣсь декламаціи и общихъ мѣстъ, все же трогательность содержанія и жизненность изображенія могли нравиться зрителямъ; «Евгенія» переводилась и съ успѣхомъ игралась всюду, въ томъ числѣ и у насъ.

Между тѣмъ, къ появленію въ русской литературѣ мѣщанской драмы зорко и недружелюбно присматривался хранитель завѣтовъ ложно-классической теоріи — Сумароковъ. Успѣхъ «Евгеніи» на сценѣ послужилъ

---

[1]) Исторія всеобщей литературы. Подъ редакціей Корша и Кирпичникова. Томъ III, часть 1-я, стр. 861.

[2]) См. *Алексѣй Веселовскій*. Бомарше и его судьба (Вѣстникъ Европы, 1887, №№ 2 и 3), а также: Исторія всеобщей литературы (Томъ III, часть 2-я, стр. 84).

ему поводомъ высказаться, въ предисловіи къ своей трагедіи—«Димитрій Самозванецъ», противъ новаго вида драматическихъ произведеній. «Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ», говоритъ онъ, «но не видно еще ни Вольтера, ни Мольера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ, но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова; а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ: такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А, дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру [1]), но они въ сіе краткое время вползли въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса именемъ Евгенія бакханту ни изображала. А сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики! Конечно, скоро представленіе свѣта будетъ! Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ? и неужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячаго?» [2]).

Но Сумароковъ былъ безсиленъ остановить распространеніе мѣщанской драмы, имѣвшей, конечно, больше правъ на вниманіе общества, чѣмъ безжизненныя трагедіи Сумарокова, къ которымъ всѣмъ можно поставить эпиграфомъ извѣщеніе, находящееся при его трагедіи «Мстиславъ»: «Дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани!» [3]).

Вскорѣ за переводами появляются и оригинальныя русскія слезныя драмы: даже Херасковъ, творецъ ложно-классической «Россіады», выступилъ съ двумя пьесами подобнаго рода: «Другъ несчастныхъ» и «Гонимые».

Наряду и, конечно, въ связи съ мѣщанской драмой, имѣвшей своимъ предметомъ изображеніе повседневной дѣйствительности, возникаетъ въ русской литературѣ и сознаніе того, что въ пьесахъ, взятыхъ изъ русской жизни, надо изображать дѣйствительно русскіе нравы [4]). Подъ влія-

---

[1]) Вольтеръ, какъ извѣстно, былъ противникомъ мѣщанской трагедіи.

[2]) Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ А. П. Сумарокова. М. 1781 г. Часть IV, стр. 62 и 63.

[3]) *Буличъ.* Сумароковъ и современная ему критика. Спб. 1854 г. Стр. 152.

[4]) Подобное мнѣніе высказывалось въ предисловіяхъ къ комедіямъ Лукина, въ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 гг.

ніемъ этихъ двухъ новыхъ явленій, создается и новая драматическая литература, болѣе жизненная и болѣе національная. Сюда должно причислить и комедіи Веревкина.

Дѣятельность Веревкина, какъ драматическаго писателя, относится ко второй половинѣ его жизни [1]): въ 1773 году была напечатана комедія «Такъ и должно»; въ 1774 году была написана комедія «Именинники»; затѣмъ, Веревкинъ сочинилъ ко дню открытія Тверскаго намѣстничества пословицу «На нашей улицѣ праздникъ», а ко дню открытія Новгородскаго намѣстничества — комедію «Астрея» (обѣ эти послѣднія пьесы до насъ не дошли); наконецъ, въ 1785 году появилась комедія «Точь въ точь».

Общій тонъ своей первой пьесы—«Такъ и должно» [2]) самъ Веревкинъ опредѣляетъ въ посвященіи князю П. И. Репнину: «Отличныя дѣйствія добродѣтели не токмо въ самыхъ ихъ существахъ, но даже и въ книгахъ описываемыя и рукою искуснаго художника изображаемыя, приводятъ *Васъ* [3]) въ пріятный восторгъ, а нерѣдко и самыя извлекаютъ слезы, толико вкусныя чувствительнымъ сердцамъ. Сіе первое мое драматическое покушеніе, хотя въ слабыхъ весьма чертахъ, но замыкаетъ, однако же, въ себѣ сіи божественныя дѣйствія человѣковъ» [4]). Дѣйствительно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ «слезнымъ» сюжетомъ. Содержаніе комедіи слѣдующее. Молодой дворянинъ, Доблестинъ, пріѣзжаетъ къ своей невѣстѣ, живущей въ томъ же уѣздѣ, гдѣ находится и его помѣстье. Бабушка и воспитательница молодой дѣвушки, увѣрившись, что за Доблестинымъ нѣтъ никакихъ долговъ, соглашается не откладывать свадьбы. Но тутъ выступаетъ на сцену новое дѣйствующее лицо, которое по преимуществу должно «извлекать слезы». Къ окнамъ дома невѣсты, когда тамъ находится Доблестинъ, подходитъ въ рубищахъ и оковахъ нищій старикъ. Доблестинъ сразу поражается сходствомъ нищаго со своимъ дядею, давно уже исчезнувшимъ безъ вѣсти. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказывается, что передъ Доблестинымъ дѣй-

[1]) Въ спискѣ сочиненій и переводовъ Веревкина указана, какъ переведенная съ французскаго до 1762 года, комедія «Тимонъ-нелюдимъ». Изданная въ 1773 г. комедія, подъ тѣмъ же заглавіемъ, Веревкину не принадлежитъ, какъ это видно по языку пьесы.

[2]) Объ этой комедіи нѣсколько замѣчаній можно найти у князя П. А. Вяземскаго (Полное собраніе сочиненій, т. V, стр. 125) и у проф. Незеленова (Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, стр. 226).

[3]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[4]) Россійскій ѳеатръ, часть XIX, стр. 159.

ствительно стоитъ его дядя, который въ битвѣ при Хотинѣ попался въ плѣнъ туркамъ, подвергался тамъ мученіямъ и, наконецъ, получивъ свободу, вернулся послѣ двадцатилѣтняго отсутствія на родину, чтобы снова терпѣть неволю: воевода этого уѣзда принялъ его за бродягу и заключилъ въ тюрьму, откуда онъ и ходитъ по городу собирать милостыню. Молодой Доблестинъ добивается освобожденія дяди, знакомитъ его съ невѣстой и ея бабушкой и выражаетъ намѣреніе передать ему половину своего состоянія, унаслѣдованная имъ послѣ отца. Противъ этого возстаетъ практическая бабушка и объявляетъ, что молодому Доблестину, если онъ не будетъ владѣть безраздѣльно отцовскимъ имѣніемъ, придется отказаться отъ своей невѣсты Софьи. И вотъ, начинается «сраженіе добродѣтелей». Молодой Доблестинъ согласенъ скорѣе потерять обожаемую невѣсту и вслѣдствіе сего лишиться жизни, чѣмъ, «пользуясь несчастіемъ честнаго и заслуженнаго мужа, въ глубокой его старости, похитить ему принадлежащее». Дядя отказывается отъ ненужнаго уже ему богатства и на колѣняхъ умоляетъ племянника не настаивать на своемъ рѣшеніи. Наконецъ, и Софья, видя «нѣжныя чувствованія сердецъ», становится на сторону жениха. Дѣло улаживается тѣмъ, что молодой Доблестинъ отказывается въ пользу разсчетливой Афросиньи Сысоевны отъ всѣхъ деревень, составлявшихъ приданое Софьи.

Итакъ, два Доблестиныхъ должны были дѣйствовать на чувство или, вѣрнѣе сказать, на чувствительность зрителей. Если теперь они намъ кажутся скучными резонерами, то на публику XVIII вѣка они оказывали сильное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что, вслѣдствіе слабаго еще литературнаго развитія, зрители того времени были не такъ взыскательны, какъ мы, и, напримѣръ, съ восторгомъ заслушивались, преисполненными благородными мыслями рѣчами Стародума, которыя теперь, и значительно сокращенныя, скучны своей тяжелой моралью. Конечно, молодой Доблестинъ — человѣкъ честный, руководимый въ своихъ поступкахъ побужденіемъ благородной души, но всѣ его рѣчи, отъ начала до конца, такъ полны декламаціи, что невольно у насъ возникаетъ представленіе о чемъ-то неискреннемъ, дѣланномъ. Встрѣтясь съ любимой невѣстой, онъ обращается къ ней съ слѣдующимъ привѣтомъ: «Прещастливой для меня будетъ этотъ день, если разлученіе наше не истребило меня изъ вашей памяти, и если сохраняете вы неоцѣненныя тѣ для меня чувствованія,

которыя одни сдѣлать могутъ пріятную мнѣ жизнь», а черезъ нѣсколько минутъ, замѣтивъ, что грудь Софьи «противу воли испустила теперь вздохъ», восклицаетъ съ восторгомъ: «Пріимите же въ эту райскую для меня минуту всего сердца моего, всей моей души клятвы, что одну тебя любить, боготворить, къ тебѣ одной пылать буду самымъ нѣжнѣйшимъ пламенемъ, что страсть мою, вѣрность, почтеніе, дружбу одна только смерть окончить можетъ». Въ сценахъ, когда онъ находитъ стараго дядю и устраиваетъ его судьбу, тоже найдемъ не мало риторики. На время, правда, онъ, отказываясь отъ половины имѣнія въ пользу дяди, заговариваетъ живымъ человѣческимъ языкомъ; но въ самую роковую минуту, когда ему грозитъ разлука съ невѣстой, Доблестинъ опять обращается къ ней съ напыщенной тирадой. Въ рѣчахъ другаго главнаго дѣйствующаго лица, Доблестина старшаго, риторики гораздо меньше, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ о перенесенныхъ испытаніяхъ въ плѣну и во время скитаній, слова Доблестина и просты, и искренни. Но выдержать эту простоту во всей комедіи было Веревкину не по силамъ, и старый Доблестинъ оканчиваетъ прописной моралью: «Жена, одаренная красотою, разумомъ и благонравіемъ, есть единое достойное отъ небесъ награжденіе честному человѣку: тебя находятъ они, любезный племянникъ, симъ рѣдкимъ своимъ даромъ; и такъ остается только тебѣ простираться въ добродѣтеляхъ и послужить въ наши дни примѣромъ, что благополучный бракъ есть сущее на земли подобіе райской жизни».

Но если оба главныхъ дѣйствующихъ лица, на которыхъ покоится центръ тяжести комедіи, на нашъ вкусъ порядочно ходульны и скучны, то гораздо удачнѣе обрисованы тѣ герои пьесы, которые, собственно говоря, занимаютъ второстепенное положеніе, служатъ лишь фономъ. Они нарочно выведены съ отрицательной стороны, чтобы тѣмъ ярче, выпуклѣе обрисовались «сражающіеся добродѣтелями» Доблестины и исполняли свое назначеніе «извлекать слезы». На первомъ мѣстѣ между этими «отрицательными» дѣйствующими лицами надо поставить бабушку Софьи—Афросинью Сысоевну. Веревкинъ, вѣроятно, и самъ не подозрѣвалъ, какой въ лицѣ ея создалъ онъ цѣльный типъ. Для нея нашелъ онъ и живой, мѣткій языкъ; попадающіяся не литературныя выраженія, вродѣ: «жукнуть», «чужъ чуженинъ», «черезъ часъ мѣсто», «въ матушку ты укинулась» (то есть вышла), народныя поговорки и

пословицы—вполнѣ умѣстны въ устахъ этой малообразованной женщины. Какъ живая, встаетъ передъ нами Афросинья Сысоевна при первомъ же своемъ появленіи, когда она произноситъ слѣдующій монологъ: «Какъ насъ Богу и миловать! О, времена, послѣднія времена! Только и видишь, только и слышишь, что обиды, ссоры, тяжбы, ябиды, обманы, лжи, пересмѣшничество—однимъ словомъ, всякая неправда, а всего несноснѣе эти проклятые развраты у людей, которымъ бы душа въ душу жить было надобно. Мужья женамъ невѣрны? Да за что имъ окаяннымъ и вѣрнымъ быть: наряды не по достатку; за домомъ смотрѣть подло; коверьканье да ломанье; истерики, обмороки да лихія болѣсти. Жены не любятъ мужей? Да какъ ихъ страдниковъ и любить: карты да собаки, сутолпица да пирушки, рысканье за чужбинкою, а къ благословенному та кусу такъ и губа у злодѣевъ не льнетъ. То и знаютъ, что цѣдятъ нажитое предками мозолью и потомъ. Одинъ подъ конецъ, другая подъ другой, да и ставятъ домикъ-атъ верьхъ дномъ. У эдакихъ отцовъ да матерей путное переймутъ дѣти. Ништо имъ супостатамъ, что мальчики та становяться безбожниками, фармазонами, мотами, а дѣвочки та самыми нарядными». Въ этомъ монологѣ прекрасно обрисована личность Афросиньи Сысоевны: недовольная новыми временами, она всюду видитъ только дурное и отдѣльные, хотя бы и довольно частые случаи, считаетъ общимъ строемъ жизни. Характеръ Афросиньи Сысоевны выдержанъ безукоризненно, и типъ этотъ своей жизненностью сближается съ подобными типами Фонвизина и Екатерины II (въ лучшихъ ея комедіяхъ) [1]. Недовольная вообще всѣмъ происходящимъ, она постоянно ворчитъ и на окружающихъ ея—внучку Софью и служанку Маланью; но это не мѣшаетъ ей плакать безъ притворства, когда окончательно рѣшается вопросъ о замужествѣ Софьи, и имъ предстоитъ разлука. Занятіе Софьи чтеніемъ и музыкой ей не нравятся, и, напротивъ, она ей приказываетъ больше думать о нарядахъ, бѣлиться и румяниться и даетъ записку съ объясненіемъ, «на какомъ мѣстѣ какая мушка что значитъ». Жадная до денегъ, она осталась вполнѣ безучастна и непоколебима во время «сраженія добродѣтелей», и только отказъ молодаго Доблестина отъ приданаго Софьи въ ея пользу могъ сломить ея твердое рѣшеніе.

---

[1] Въ Афросиньѣ Сысоевнѣ много сходнаго съ Ханжахиной и Вѣстниковой, выступающими въ написанной около того же времени (въ 1772 году) комедіи Екатерины II — «О, время!».

Комическій талантъ Веревкина выказался и въ созданіи двухъ судейскихъ типовъ: воеводы Протазана Безщотнаго и Урывая Алтынникова, «съ приписью подъячаго». Воевода Протазанъ—изъ отставныхъ военныхъ, умѣя по своей «драгунской совѣсти» только «сѣчь, рубить, жечь» и зная «грамотку по середнему», собственно не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ. Онъ заботится только о томъ, чтобы «не разбиться» (т. е. не разойтись во мнѣніяхъ) со своимъ подъячимъ, и, ввѣрившись ему, спокойно спитъ, пока тотъ читаетъ рѣшенія, а затѣмъ подписываетъ, самъ не зная что. Подъячій Урывай распоряжается въ сущности добродушнымъ воеводой по своему усмотрѣнію, но, въ случаѣ надобности, выгораживаетъ себя, взваливая на него всю вину. Онъ торгуетъ закономъ и совѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ выказываетъ наружно благочестіе и покорность волѣ Творца; готовый унизить всякаго безсильнаго, самъ онъ унижается передъ богатствомъ и благодаритъ за презрительно кинутыя ему деньги. Когда губернаторъ, узнавъ о безпорядочномъ управленіи Протазана и о безчестныхъ поступкахъ Урывая, присылаетъ грозный указъ, въ которомъ, между прочимъ, приказываетъ доставить въ провинціальную канцелярію Урывая скованнаго и подъ карауломъ, послѣдній остается спокойнымъ: продажный самъ, онъ надѣется и на продажность губернаторскихъ чиновниковъ, а вслѣдствіе этого—и на счастливый исходъ. Выводя на публичное осмѣяніе нечестныхъ судей, Веревкинъ, очевидно, по присущей ему осторожности, позаботился о томъ, чтобы смягчить рѣзкость сатиры, для чего въ Протазанѣ и Урываѣ призналъ явленіе уже отживающее свой вѣкъ. Молодой Доблестинъ, потребовавшій, чтобъ освободили его дядю, восклицаетъ, обращаясь къ Урываю: «Довольно потерпѣло человѣчество отъ шильничествъ тебѣ подобныхъ. Но знай, что настали нынѣ совсѣмъ иные годы. Тюрьмы, наказанія и самыя казни для однихъ только вашей братьи криводушниковъ страшны, а для невинности, сколь бы раздранными ни покрыта она была рубищами, открытъ сталъ доступъ и къ самому престолу». Но, конечно, эти нападки Веревкина на судей не были сатирой на что-то уже минувшее, и еще въ 1786 году Г. Р. Державинъ въ Тамбовѣ воспользовался этой комедіей, чтобъ «укорить подъячихъ крючкотворцевъ, которыхъ засталъ губернаторъ довольно много» [1]).

Въ комедіи Веревкина заслуживаетъ серьезнаго вниманія еще одна.

[1]) Сочиненія Державина, т. III, стр. 726.

такъ сказать, этнографическая сторона. Въ театрѣ XVIII вѣка довольно рано начинаетъ замѣчаться желаніе представить на сценѣ народный бытъ, дать болѣе или менѣе видное мѣсто народному элементу. Есть извѣстіе, что въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія была поставлена «комедія на музыкѣ» Колычева, по содержанію близкая къ старинннымъ русскимъ сказкамъ [1]). Затѣмъ, изъ сохранившейся афиши [2]) узнаемъ, что въ 1756 году въ Петербургѣ, на Головинскомъ вольномъ театрѣ, была представлена комическая опера «въ русскихъ нравахъ» Дмитревскаго—«Танюша или Счастливая встрѣча», дѣйствующими лицами въ которой являются крестьяне. До 1772 года написаны (хотя на сценѣ появились позже) двѣ комическія оперы Аблесимова. Первая изъ нихъ—«Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» не забыта еще и понынѣ. Пьеса эта замѣчательна для своего времени по вѣрности изображенія крестьянскаго быта. Главное дѣйствующее лицо, мельникъ-колдунъ, задумано Аблесимовымъ вполнѣ правдиво и очерчено безукоризненно, такъ что, по вѣрному замѣчанію Шевырева, Аблесимовъ въ созданіи чисто русскаго типа мельника является предшественникомъ Пушкина и графа А. К. Толстаго [3]). Филимонъ и Анюта, бракъ которыхъ устраиваетъ мельникъ, не представляютъ такой типичной фигуры, какъ самъ мельникъ, но все же своими рѣчами, своимъ поведеніемъ вполнѣ подходятъ къ крестьянской средѣ. Даже въ стоящихъ на второмъ планѣ родителяхъ Анюты Аблесимовъ далъ двѣ живыя народныя личности: Фетинья—хлопотливая русская женщина, заправляющая всѣмъ своимъ домомъ; ея уступчивый, хотя съ виду и строгій, мужъ Анкудинъ выражаетъ горячую неизмѣнную любовь крестьянина къ его кормилицѣ-землѣ. Надо упомянуть, что въ сцену дѣвишника вставлены три народныя свадебныя пѣсни. Другая комическая опера Аблесимова—«Счастье по жеребью», уступая первой по художественнымъ достоинствамъ, интересна своимъ чисто народнымъ сюжетомъ: въ ней, какъ и въ цѣломъ рядѣ русскихъ сказокъ, главное дѣйствующее лицо—ловкій солдатъ, разрѣшающій всевозможныя затрудненія и при этомъ не забывающій своихъ выгодъ.

---

[1]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 72.

[2]) Приложена къ книгѣ В. Моркова: Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 года. Спб. 1862 г.

[3]) Лекціи по русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ (Сборникъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. XXXIII, № 5, стр. 251).

Замѣчательное изображеніе купеческаго уже быта находимъ въ представленной въ 1779 году комической оперѣ Матинскаго—«С.-Петербургскій Гостиный дворъ». Совершенно вѣрную оцѣнку этой незаслуженно забытой оперы сдѣлалъ проф. В. А. Яковлевъ, переиздавшій ее въ 1891 году: «Эта—только картина современныхъ нравовъ изъ купеческаго быта—предшественница комедій Островскаго... Основной планъ Сквалыгина—первый опытъ отрицательныхъ героевъ нашего знаменитаго драматурга».

Интересна комическая опера князя Горчакова—«Баба-яга». Здѣсь на сценѣ появляется столь обычное дѣйствующее лицо русскихъ сказокъ. Изъ этого же источника взяты и нѣкоторыя слова Бабы-яги: 1) «что-то русскимъ духомъ пахнетъ»; 2) «доселева русскаго духа слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ русской духъ въ очахъ совершается». Наряду съ «Бабой-ягой» Горчакова нельзя не упомянуть двухъ пьесъ Императрицы Екатерины II, замѣчательныхъ по выбору сюжета и довольно удачныхъ по обработкѣ его (1786 г.). Одна изъ нихъ—«Новгородскій богатырь Боеславичъ» составлена «изъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій». Здѣсь на сценѣ дѣйствуютъ: Амельфа Тимоѳеевна и сынъ ея—Василій, богатыри—Ѳома и Потанюшка, посадники—Чудинъ, Садко и Рагуилъ Добрынинъ. Въ другой пьесѣ—«Храбрый и смѣлый витязь Ахридеичъ» выведены: царевичъ Иванъ, его сестры—царевна-Луна и царевна-Звѣзда, Царь-дѣвица, Яга-баба, морское Чудо-молодецъ, Медвѣдь-молодецъ, Колдунъ-молодецъ, лѣшіе.

Иногда авторы пьесъ, желая придать болѣе народности дѣйствующимъ лицамъ, вставляли въ ихъ рѣчи особенности мѣстныхъ говоровъ. Въ комедіи Лукина—«Щепетильникъ» работники Миронъ и Василій говорятъ галицкимъ говоромъ (Костромской губерніи). Въ комедіи Прокудина-Горскаго—«Судьба деревенская» одно изъ дѣйствующихъ лицъ—Христина тоже употребляетъ въ рѣчи діалектическія особенности: «Какой прекрасный день! Какое солнышко! Какъ я весела нонича! Мнѣ кажетца, все кругомъ меня смѣетца. Сколько я ягодъ набрала, цвѣтовъ... Для маво любимава Осипа... Тота будетъ радость, какъ онъ пагонитъ таперь скатину къ этимъ рущейкамъ... Между этихъ деревъ лягутъ ево овцы, тутъ каровы. Какъ я стану ихъ гладить и ласкать... Свяжу ему вѣнокъ и на нево надѣну. Куды онъ какъ къ нему пристанетъ». Мы нарочно привели этотъ монологъ, какъ образецъ того, насколько фальшиво могли изображаться

въ литературѣ представители простаго народа. Число подобныхъ примѣровъ не трудно значительно увеличить. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что писатели XVIII вѣка интересовались жизнью народа и желали изобразить ее. Однако, одного желанія было мало, и многіе изъ нихъ, иногда и обладавшіе талантомъ, изображали простыхъ людей слишкомъ сентиментально или изысканно, рисовали вмѣсто дѣйствительности идилліи и, порою даже безъ злаго умысла, лишь не вѣдая, что творятъ, клеветали на народъ [1]). Но если это стремленіе изображать народный бытъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ нѣчто новое и плодотворное, то тѣмъ цѣннѣе произведенія писателей, съумѣвшихъ болѣе или менѣе удачно выполнить подобную задачу. Къ числу такихъ писателей надо причислить и Веревкина.

Народному элементу въ комедіи «Такъ и должно» удѣлено довольно видное мѣсто. Прежде всего, сюда относятся Угаръ, слуга молодаго Доблестина, и Маланья, служанка Афросиньи Сысоевны. Надо замѣтить, что изображеніе представителей простонародной среды въ роли слугъ и служанокъ являлось для нашихъ писателей XVIII вѣка камнемъ преткновенія: обыкновенно они здѣсь, подъ французскимъ вліяніемъ, выводили на сцену необычайно цивилизованныхъ Пролазовъ и наперсницъ, хитро обдѣлывающихъ любовныя похожденія своихъ господъ. Веревкинъ въ общемъ удачно справился съ ролями Угара и Маланьи. Угаръ ничѣмъ не напоминаетъ подобныхъ Пролазовъ: онъ не распоряжается, подобно имъ, своимъ бариномъ, не устраиваетъ его женитьбы и лишь исполняетъ порученія своего господина, не проникая при этомъ въ глубь его сердца. Въ то время, какъ Пролазы отличаются французскимъ лоскомъ, Угаръ, напротивъ, выражаетъ свое сочувствіе той обстановкѣ, въ которой жилъ онъ до поступленія слугой къ Доблестину, упрекаетъ иностранцевъ за разныя ненужныя новшества. «О, проклятые иностранцы», говоритъ онъ, «вы да черти, знать, и созданы на пакости православнымъ христіанамъ: черти ставятъ душамъ, а вы кошелькамъ господъ нашихъ тенета, а бѣднымъ та холуямъ, нашей братьѣ, такъ ужъ матъ отъ вашихъ затѣй. Въ трескучіе морозы носи на головѣ исковерканный лоскутъ войлока; грѣшное тѣло одѣвай немного за колѣно, да и то, чтобы со всѣхъ сторонъ были дыры да прорѣхи. А объ ногахъ та и рукахъ—что уже и калякать... О, честныя вариги, муфтамъ ли вы чета! О, блаженныя онучи, такой ли въ васъ слой, какъ въ чулкахъ! А

[1]) Какъ, напримѣръ, Поповъ въ своей комической оперѣ — «Анюта».

лапотки голубчики, особливо въ дорогахъ та, какъ васъ смѣнить съ басурманской обувью! Да что и спрашивать! Все стало не по старому: стой, какъ прикованный, гдѣ поставятъ; вожми брюхо, грудь выпять, протяни шею, какъ журавль», и т. д. Въ простомъ, живомъ языкѣ Угара есть чисто народныя черты, вродѣ обращеній къ Маланьѣ: «красная дѣвица», «мужняя жена». Угаръ часто вставляетъ въ свою рѣчь народныя пословицы; комедія и оканчивается не декламаціонной тирадой стараго Доблестина о значеніи семейной жизни, а краткими и мѣткими изреченіями народной мудрости, произносимыми Угаромъ: 1) «на что кладъ, коли у мужа съ женой ладъ», 2) «тамъ и свѣтъ, гдѣ въ семьѣ совѣтъ». Про Маланью можно сказать тоже: Веревкинъ и здѣсь избѣжалъ фальшиваго изображенія наперсницы. Правда, Софья дѣлится съ Маланьей своими мыслями и чувствами, что и естественно; но все же здѣсь служанка, взятая изъ деревни, не ведетъ хитро интриги въ пользу барышни и не представляетъ изъ себя главнаго рычага въ развязкѣ. Веревкинъ и для Маланьи съумѣлъ найти вполнѣ подходящій ей языкъ, съ выраженіями вродѣ: «вѣкъ вѣковать», «остарокъ», «кропотуха». Ея постоянная перебранка съ ворчливой старой барыней не лишена доли комизма. Наконецъ, отмѣтимъ, что въ самомъ началѣ она задаетъ Угару загадку въ народномъ стилѣ: она себя называетъ не замужней, не дѣвкой, не вдовой [1]). Оказывается, что она, будучи выдана замужъ за своего крестоваго брата, черезъ полтора мѣсяца была съ нимъ разведена. Къ народной средѣ принадлежитъ и еще одно дѣйствующее лицо, именно—Фока, «домовой дуракъ». Хотя Фока выступаетъ въ пьесѣ мимоходомъ, однако, онъ обрисованъ достаточно ясно и имѣетъ нѣкоторое сходство съ сказочнымъ Иванушкой-дурачкомъ. Исполняя обязанность «домоваго дурака», въ глазахъ другихъ глуповатый, благодаря своей наивности, Фока въ то же время отличается нравственными достоинствами. Когда Доблестинъ, желая загладить свой неумѣстный смѣхъ надъ Фокой, даетъ ему денегъ, тотъ проситъ лучше отдать ихъ стоящему подъ окномъ нищему старику. Но Доблестинъ настаиваетъ, чтобы Фока принялъ его денежный подарокъ, притомъ значительно увеличенный, и Фока радуется деньгамъ, потому что теперь онъ будетъ въ состояніи сшить по шубенкѣ своимъ старымъ родителямъ.

[1]) Съ этимъ можно сблизить, напримѣръ, сказки, гдѣ мальчику, въ которомъ царь подозрѣваетъ своего сына, предлагается явиться во дворецъ ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни днемъ, ни вечеромъ, ни нагимъ, ни одѣтымъ.

Въ 1774 году Веревкинымъ была написана другая комедія—«Имянинники» [1]). Пьеса эта гораздо слабѣе предыдущей, и мы не будемъ долго на ней останавливаться. Вотъ въ короткихъ словахъ ея содержаніе. У Крохоборова, женатаго второй разъ, есть дочь, Глафира, отъ перваго брака. Она любитъ молодаго человѣка, Достойнова, но мачиха ея, тоже воспылавъ къ нему любовью, рѣшается разстроить ихъ бракъ. Однако, послѣ разныхъ приключеній молодые люди соединяются, благодаря помощи Прямикова, свойственника Крохоборова, и слугъ—Лукерьи и Сорванца. Французское вліяніе въ этой комедіи очень сильно. Сюда прежде всего надо отнести роли Лукерьи и Сорванца, которые въ теченіе всей пьесы ведутъ интригу для устройства счастія Достойнова и Глафиры. По французскимъ образцамъ, несомнѣнно, написанъ и тотъ эпизодъ, когда темнымъ вечеромъ сходятся въ саду: Крохоборовъ, престарѣлый дядя Достойнова—Щелкоперовъ, слуга Крохоборова—Ротозѣй, а также и жена Крохоборова, первые—желая видѣться съ плутоватой Лукерьей, а послѣдняя — въ надеждѣ на свиданіе съ Достойновымъ; здѣсь между ними происходитъ рядъ недоразумѣній [2]). Въ этой комедіи нѣтъ ни одной типичной фигуры, вродѣ Афросиньи Сысоевны; всѣ дѣйствующія лица, какъ это вообще замѣчается во французскомъ репертуарѣ, постоянно являются съ какимъ либо однимъ качествомъ, какъ бы подъ извѣстнымъ ярлычкомъ: старички—Крохоборовъ и Щелкоперовъ постоянно женолюбивы; жена Крохоборова вездѣ развращенная кокетка; Лукерья и Сорванецъ, едва выступаютъ на сцену, тотчасъ же плутуютъ и т. д. Достоинствомъ пьесы надо признать живость дѣйствія, которое въ первыхъ четырехъ актахъ развивается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Въ этомъ отношеніи комедія «Имянинники» выше комедіи «Такъ и должно». Пятое дѣйствіе, собственно говоря, лишнее, и пьеса, по нашему мнѣнію, выиграла бы, оканчиваясь эпизодомъ въ саду. Но Веревкинъ прибавилъ пятое дѣйствіе, гдѣ изображаются страданія разлучаемыхъ Достойнова и Глафиры, а также «сладостное препираніе любви, дружбы и долга»; это дѣйствіе, скучное для насъ своей изобильной прописной моралью, въ свое время, вѣроятно, считалось украшеніемъ пьесы.

Послѣдняя комедія Веревкина—«Точь въ точь» [1]) напечатана была въ 1785 году. Живое изображеніе въ ней общаго настроенія во время Пугачев-

[1]) Россійскій ѳеатръ, часть XXI, стр. 187.

[2]) Подобную же сцену находимъ и въ пьесѣ И. А. Крылова—«Бѣшеная семья».

скаго бунта въ связи съ указаніемъ на заглавномъ листѣ, что комедія сочинена въ Симбирскѣ, позволяютъ думать, что пьеса эта относится къ болѣе раннему времени, когда Веревкинъ былъ на службѣ при графѣ Панинѣ. Комедія «Точь въ точь» вполнѣ можетъ быть названа слезной драмой. Обязанность «извлекать слезы» лежитъ главнымъ образомъ на героинѣ пьесы, Пульхеріи, и отчасти на ея возлюбленномъ, Миломъ. Пульхерія, дочь Трусицкаго, воеводы одного изъ Низовыхъ городовъ, попалась въ плѣнъ мятежной шайкѣ, подверглась насилію со стороны атамана и только спустя нѣкоторое время была освобождена отрядомъ Михельсона. Но она «почтеніе и сама къ себѣ невозвратно потеряла» и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда смерть «отдѣлитъ чистую душу отъ тѣла, поруганнаго извергами человѣчества». Наконецъ, она рѣшается въ монастырѣ успокоить свои душевныя страданія. Между нею и отцомъ происходитъ трогательная сцена, когда она умоляетъ отца согласиться на ея поступленіе въ монастырь, а тотъ со слезами проситъ не оставлять его на старости одинокимъ. Между тѣмъ, въ домѣ воеводы Трусицкаго появляется молодой офицеръ, Милой, которому раньше Пульхерія дала обѣщаніе выдти за него замужъ; теперь она отказывается отъ брака. Значительная часть третьяго дѣйствія наполнена декламаціонными объясненіями Милого и Пульхеріи. Вотъ для образца то мѣсто, гдѣ Пульхерія проситъ Милого позабыть ея прежнее обѣщаніе: «Несчастный, ежели ты меня когда нибудь любилъ, то яви мнѣ послѣднее послушаніе. Въ мысляхъ, въ душѣ моей одна смерть любовь мою къ тебѣ и образъ твой загладитъ; онѣ не были и не будутъ никогда наполнены страстію ни къ кому другому. Но судьба разорвала тѣ узы, которыя насъ соединить могли. Я тебя недостойна, недостойна и сама себя. Прощай, прощай навѣки! О, когда бы хотя твоимъ напоминаніемъ, твоимъ сожалѣніемъ могла я ласкаться». Милой, не уступавшій Пульхеріи въ декламаціи, переходитъ отъ словъ къ дѣлу: на глазахъ Пульхеріи онъ приставляетъ къ груди шпагу и ждетъ рѣшенія своей участи; тогда только Пульхерія соглашается быть его женой. При всей приподнятости этихъ двухъ лицъ, страданія Пульхеріи не могутъ не возбудить сочувствія къ ней. Кромѣ Милого и Пульхеріи, вносящихъ въ комедію слезный тонъ, видную здѣсь роль играютъ воевода Трусицкій и его секретарь, Удальцовъ. Трусицкій, робко бѣжавшій отъ Пугачева, неграмотный, самъ сознающій

[1]) Россійскій театръ, часть XXXIII, стр. 133.

свое «скудоуміе», жадный до «акциденцій», находится въ рукахъ своего секретаря, который придерживается того взгляда, что «священницы отъ престола Божія, а приказные служители отъ челобитчиковъ получаютъ пищу». Оба они, и воевода, и секретарь, очерчены прекрасно, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ образецъ сатирическаго отношенія Веревкина къ приказному міру уже видѣли въ комедіи «Такъ и должно». Отмѣтимъ только, что секретарь Удальцовъ, получившій небольшое образованіе, постоянно щеголяетъ своимъ славяно-русскимъ языкомъ. Увидя, напримѣръ, Пульхерію, на которой замышляетъ жениться, онъ говоритъ слѣдующія слова: «Многомилостивая государыня, не мене ли ради мизирнаго изъ сея храмины уходить соизволите? Дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ... Духъ же бодръ, плоть же немощна... Уязвися сердце мое до самыя глубины стрѣлою прелестника міра сего Купидина». Довольно живо изображено въ этой комедіи и впечатлѣніе, произведенное возстаніемъ Пугачева на разные слои общества, причемъ расположеніе Веревкина склоняется на сторону низшаго класса: представители его, три изувѣченныхъ солдата, готовы биться до послѣдней возможности съ бунтовщиками, между тѣмъ какъ другія лица, вродѣ самого воеводы, постыдно бѣгутъ отъ нихъ. Въ пьесѣ въ двухъ мѣстахъ вставлены и народныя пѣсни: во первыхъ Капелькинъ, одно изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, уходя со сцены, запѣваетъ: «Чарочка по столику похаживаетъ»; во вторыхъ, солдаты, вступая въ городъ, поютъ солдатскую пѣсню:

«Охъ вы гой еси солдатушки!
Удалы, буйны головушки,
Послужили вѣрой правдою
Нашей милостивой матерѣ,
Всероссійской Государынѣ» .... и т. д.

Дѣйствіе въ этой пьесѣ идетъ очень оживленно; интересу комедіи содѣйствуетъ и появленіе второстепенныхъ лицъ, вродѣ пятидесятилѣтняго недоросля изъ дворянъ—Капелькина, который, придя въ сильно нетрезвомъ видѣ къ Трусицкому, принимаетъ Милого за воеводу.

Разсмотрѣвъ литературную дѣятельность Веревкина, мы сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ замѣчаній. Не обладая крупнымъ талантомъ, онъ

не указалъ въ литературѣ новыхъ путей, не создалъ особаго направленія. Его оригинальная литературная дѣятельность сводится къ тремъ пьесамъ. Написанныя писателемъ умнымъ и наблюдательнымъ, онѣ принесли свою долю пользы развитію общества. Скучными теперь для насъ слезными мѣстами своихъ драмъ Веревкинъ пробуждалъ въ зрителѣ и читателѣ «чувства добрыя»; благодаря его комедіямъ, лишній разъ раздавался смѣхъ надъ лицами, вродѣ Протазана и Урывая или Афросиньи Сысоевны; наконецъ, въ его пьесахъ дается мѣсто и народу, представители котораго изображаются вѣрно. Но, кромѣ трудовъ Веревкина въ области драматической литературы, весьма почтенной является также и его энергичная дѣятельность въ качествѣ переводчика; богатая по числу переведенныхъ книгъ она, несомнѣнно, значительно содѣйствовала умственному обогащенію современнаго ему общества. Все это даетъ М. И. Веревкину право на то, чтобы теперь, когда исполняется сто лѣтъ со дня его кончины, мы съ благодарностью вспомнили объ этомъ скромномъ, но полезномъ литературномъ труженикѣ XVIII вѣка.

Н. Тупиковъ.

ЗАМѢТКА
О ПРИМѢНЕНІИ ФОТОГРАФІИ
при Императорскихъ Московскихъ театрахъ.

При тѣхъ средствахъ, которыми обладаетъ фотографія въ настоящее время, она, безъ сомнѣнія, должна занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ театральномъ обиходѣ. Она можетъ съ пользою служить здѣсь не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и въ театрально-артистическомъ, причемъ услуги ея, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, являются настолько значительными, что не могутъ быть замѣнены ничѣмъ другимъ.

Въ отношеніи хозяйственномъ значеніе фотографіи въ театральномъ дѣлѣ представляется весьма цѣннымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Всякій, кто, хотя бѣгло, осмотритъ склады Императорскихъ театровъ, будетъ, безъ сомнѣнія, пораженъ громаднымъ количествомъ чрезвычайно разнообразныхъ принадлежностей театральнаго хозяйства. Нѣсколько сотенъ тысячъ костюмовъ; складъ декорацій, по количеству отдѣльныхъ частей весьма близко подходящій къ этой же цифрѣ; наконецъ, бутафорскіе предметы, часто весьма мелкіе, въ не менѣе громадномъ числѣ;—все это представляетъ такую массу цѣннаго, часто художественнаго и всегда разнообразнаго имущества, о которой постороннее дѣлу лицо не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Всему этому имуществу составляется инвентарь, каждый предметъ занумеровывается и вносится въ опись, тѣмъ не менѣе, наведеніе справокъ по этому инвентарю представляетъ значительныя затрудненія. Всякій, конечно, согласится, что описаніе, даже самое обстоятельное, можетъ принести здѣсь очень мало пользы. Для сужденія о пригодности того или другаго предмета для данной потребности

необходимо просмотрѣть всѣ описи, что нерѣдко требуетъ весьма продолжительной работы; затѣмъ, когда требуемая вещь, наконецъ, найдена по инвентарю, представляется необходимость осмотрѣть ее и въ натурѣ, чтобы точнѣе удостовѣриться въ стилѣ и рисункѣ ея, которые часто даже не поддаются описанію. Разобраться въ громадномъ количествѣ предметовъ театральной обстановки при настоящемъ порядкѣ театральнаго хозяйства можетъ, слѣдовательно, лишь лицо, которое долгіе годы соприкасалось съ этимъ дѣломъ. Лишись Дирекція такого опытнаго служащаго, и это непремѣнно должно отозваться неблагопріятно, какъ на гладкости исполненія спектакля, такъ и на расходахъ по постановкѣ.

Очевидно, что желательно было бы найти въ этомъ случаѣ другой способъ, и такой способъ весьма легко достижимъ именно при помощи свѣтописи. Фотографическіе снимки съ декорацій, костюмовъ и бутафорскихъ предметовъ, сопровождаемые описаніями, даютъ полную возможность легко, скоро и безошибочно ознакомиться съ инвентаремъ любаго отдѣла всякому, кто имѣлъ бы въ этомъ надобность. Снимки располагаются въ извѣстной системѣ, а въ описаніяхъ, кромѣ общихъ необходимыхъ данныхъ о снятыхъ предметахъ, указывается еще цвѣтъ вещи и свойства матеріаловъ, изъ которыхъ она построена.

Сознавая вышеприведенное значеніе фотографіи въ театральномъ хозяйствѣ, Московскіе Императорскіе театры уже съ начала 80-хъ годовъ пользуются фотографическими снимками декорацій, костюмовъ и бутафорскихъ предметовъ для составленія монтировочныхъ инвентарей. Съёмка производится обыкновеннымъ способомъ, причемъ для нея употребляются простыя броможелатинныя пластинки, а не ортохроматическія, т. е. передающія правильное отношеніе силы тона различныхъ красокъ. Примѣненіе простыхъ пластинокъ признано возможнымъ въ виду того, что, какъ сказано выше, наклеенные въ инвентарныя книги снимки сопровождаются необходимыми описаніями.

Въ отношеніи театрально-артистическомъ свѣтопись имѣетъ еще большее значеніе. Фотографированіе отдѣльныхъ артистовъ въ костюмѣ и въ гримѣ, а главнымъ образомъ полныхъ постановокъ пьесъ на сценѣ, должно принести, по нашему мнѣнію, громадную пользу театральному дѣлу вообще, какъ въ отношеніи актерской и режиссерской практики, такъ и въ смыслѣ цѣннаго вклада въ исторію театра.

Фотографированіе сценъ и полныхъ постановокъ во время спектакля начало примѣняться въ Московскихъ театрахъ только съ 1890 года. Постановки сценъ съ участіемъ исполнителей должны быть сняты непремѣнно моментально или почти моментально, такъ какъ только при этомъ условіи снимки могутъ достигать своей цѣли. Между тѣмъ, главнымъ затрудненіемъ для всякой фотографической съёмки въ театральномъ залѣ, не только моментальной, но даже и съ выдержкой, является то обстоятельство, что сцена и зрительный залъ въ театрѣ освѣщаются искусственнымъ, а не естественнымъ свѣтомъ. Искусственный свѣтъ, а тѣмъ болѣе желтый (какой даютъ лампочки накаливанія), дѣйствуетъ только очень слабо на фотографическія пластинки; вслѣдствіе этого, при фотографированіи театральной сцены, даже при продолжительной экспозиціи, получаются совершенно недодержанные негативы. Только съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены были освѣтительные составы съ порошкомъ магнія, которые, сгорая моментально, развиваютъ актиническій свѣтъ чрезвычайной силы, получилась возможность производить удовлетворительные снимки помѣщеній, не освѣщенныхъ или освѣщенныхъ искусственнымъ свѣтомъ. Изъ этого видно, что такія съёмки находятся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ и представляютъ настолько значительныя отступленія отъ обыкновеннаго способа фотографированія, что полученію удовлетворительныхъ результатовъ непремѣнно должны были предшествовать разносторонніе опыты. Въ концѣ концовъ, выработалась извѣстная практика, дающая въ результатѣ тѣ снимки сценъ изъ постановокъ Московскихъ театровъ, которые воспроизводятся на страницахъ «Ежегодника» съ самаго основанія этого изданія.

Первые опыты сниманія постановокъ на сценѣ сдѣланы были въ Москвѣ въ концѣ 1880 года фотографомъ Дьяговченко. Въ то время съёмка могла производиться только съ выдержкой, потому что магніева вспышка не была еще достаточно разработана для примѣненія, театръ освѣщался газомъ, а пластинки не имѣли, сравнительно съ теперешними, большой чувствительности. Очевидно, что при такихъ условіяхъ снимки, полученные г. Дьяговченко, дали мало удовлетворительные результаты: вмѣсто исполнителей получались только пятна, а вмѣсто декорацій—одни намеки на нихъ. Позже въ Московскомъ Большомъ театрѣ фотографомъ Тилле былъ впервые сдѣланъ опытъ фотографированія сцены при помощи вспышки. Полученные имъ снимки сценъ изъ феерiи «Волшебныя пилюли» и изъ оперы «Отелло»

оказались сравнительно уже гораздо лучшими и даже фигурировали на одной изъ Петербургскихъ фотографическихъ выставокъ. Однако, способъ производства вспышки, примѣненный г. Тилле, представлялъ крайнюю опасность для театра въ отношенiи пожара, а экспонированные имъ снимки были такъ сильно ретушованы, что нельзя было опредѣлить, что именно дала фотографiя и что исправлено художникомъ.

Производство снимковъ при помощи вспышки представляетъ въ техническомъ отношенiи полную аналогiю съ производствомъ моментальныхъ снимковъ вообще. Для полученiя удовлетворительныхъ результатовъ недостаточно только того, чтобы произведенная вспышка развила количество свѣта, соразмѣрное величинѣ даннаго помѣщенiя, для полученiя проработаннаго негатива, нужно еще принять во вниманiе и всѣ остальныя условiя, благопрiятствующiя моментальной съёмкѣ. Такъ, нужны: свѣтосильные объективы, пластинки возможно высокой чувствительности, а также правильная и цѣлесообразная установка, какъ самой вспышки, такъ и фотографическихъ аппаратовъ. Всѣ эти условiя мы и приведемъ здѣсь въ томъ видѣ, какъ они примѣняются въ практикѣ Московскихъ театровъ.

Составъ для вспышки приготовляется изъ порошка металлическаго магнiя, смѣшаннаго, при соблюденiи извѣстныхъ предосторожностей, съ бертолетовой солью, растертой въ порошокъ. Для составленiя смѣси, магнiя берется двѣ части, бертолетовой соли—одна. Количество состава, необходимое для полученiя достаточно сильной вспышки, находится въ зависимости отъ размѣровъ театральнаго зала: такъ: въ Большомъ театрѣ для вспышки берется 3³/₈ унца состава, а въ Маломъ—2¹/₄ унца. Хорошо смѣшанный составъ развѣшивается сообразно этимъ количествамъ, и каждая часть завертывается, для удобства храненiя, въ кусокъ пироксилиновой марли. При производствѣ вспышки примѣняется рефлекторъ, который сдѣланъ изъ обыкновенной бѣлой жести, изогнутой въ видѣ буквы *C*. Рефлекторъ этотъ имѣетъ около двухъ аршинъ въ вышину и около одного аршина въ ширину; въ нижней части его помѣщается въ горизонтальномъ положенiи мѣдная сѣтка, на которую разсыпается составъ для вспышки. При этомъ слѣдуетъ обратить особенное вниманiе на то обстоятельство, чтобы марля, въ которой сохраняется составъ, была *совершенно развернута* и самый составъ—возможно *равномѣрно разсыпанъ* по ея поверхности; при несоблюденiи этого условiя, вспышка будетъ недостаточно кратковременна, а главное, при его-

ранiи состава, производитъ выстрѣлъ, подобный ружейному, сила котораго находится въ прямой зависимости отъ того, насколько марля была развернута. Вспышка, сопровождаемая шумомъ, подобнымъ выстрѣлу, обязательно должна быть устранена, такъ какъ она легко можетъ повлечь за собою разныя непрiятныя послѣдствiя и, во всякомъ случаѣ, произведетъ разстройство спектакля. Рефлекторъ для вспышки укрѣпляется на высокомъ штативѣ, причемъ пироксилиновая марля соединяется съ обыкновеннымъ зажигательнымъ стопиномъ, который воспламеняется въ моментъ взрыва. Вышина станка для рефлектора въ Большомъ театрѣ равняется 6 аршинамъ, а въ Маломъ—4 аршинамъ. Болѣе высокое помѣщенiе вспышки, желательное вслѣдствiе вышины театральнаго зала, для улучшенiя направленiя, подъ которымъ распредѣляется свѣтъ на сцену, представляетъ значительныя затрудненiя на практикѣ. Извѣстно, что съёмки при вспышкѣ нельзя производить непосредственно одну за другой; нужно, чтобы между двумя послѣдующими вспышками былъ извѣстный промежутокъ времени, потому что дымъ, образовавшiйся отъ предшествующей вспышки, влiяетъ на прозрачность воздуха, а, слѣдовательно, и на чистоту негатива. Промежутокъ времени между двумя послѣдовательными вспышками, какъ показалъ опытъ, долженъ быть никакъ не менѣе 30—45 минутъ, въ зависимости отъ силы вентиляцiи театра.

Что касается фотографическихъ аппаратовъ, наиболѣе пригодныхъ для съёмки сценическихъ постановокъ въ театрѣ, то въ этомъ отношенiи заслуживаютъ вниманiя только штативы и въ особенности объективы; камеры же годятся всякiя, которыя признаются удобными.

Выборъ штативовъ имѣетъ значенiе въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. 1) Полъ зрительнаго зала, вслѣдствiе своей большой площади, весьма нерѣдко можетъ подвергаться колебанiямъ отъ самыхъ незначительныхъ причинъ; слѣдовательно, нужно выбирать штативы наиболѣе устойчивые, и, съ этой стороны, наилучшими будутъ павильонные штативы. 2) Чтобы по возможности избѣжать дефекта и случайностей при съёмкѣ сцены, желательно производить съёмку одновременно нѣсколькими аппаратами, какъ это и практикуется въ Московскихъ театрахъ, между тѣмъ, мѣсто, гдѣ должны быть установлены фотографическiе аппараты во время съёмки для полученiя правильнаго изображенiя всей постановки на сценѣ, является весьма ограниченнымъ по своимъ размѣрамъ,—поэтому, при

одновременномъ употребленіи нѣсколькихъ фотографическихъ аппаратовъ, не хватаетъ мѣста для нѣсколькихъ павильонныхъ стативовъ, и они по неволѣ должны быть замѣнены, хотя частью, треногами, требующими значительно меньше мѣста.

Фотографическіе объективы для съёмки сцены должны быть обязательно выбраны изъ серій свѣтосильныхъ приборовъ и имѣть, кромѣ того, уголъ зрѣнія не слишкомъ малый, такъ какъ, при недостаткѣ мѣста въ зрительномъ залѣ и слишкомъ длинномъ фокусѣ объектива, нельзя будетъ получить изображеній цѣлой сцены. Послѣ ряда опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью опредѣленія наиболѣе подходящихъ объективовъ, пріобрѣтены были слѣдующіе приборы:

1) Для пластинокъ 18×24 — эйрископъ Фогтлендера, сер. V, № 5, съ фокуснымъ разстояніемъ 23,7 сантиметра и угломъ зрѣнія въ 80°.

2) Для пластинокъ 40×50—эйрископъ той же серіи, съ фокуснымъ разстояніемъ 48,7 сантиметра и угломъ зрѣнія въ 80°.

3) Для стереоскопическихъ снимковъ — соотвѣтствующая камера съ антипланетами Штейнгеля, имѣющими фокусное разстояніе въ 14,4 сантиметра, при углѣ зрѣнія въ 60°; объективы эти хорошо извѣстны, какъ очень свѣтосильные.

4) Кромѣ этихъ трехъ приборовъ, употребляются еще иногда, въ крайнихъ случаяхъ, апланаты Буша: для пластинокъ 13×18 — съ фокуснымъ разстояніемъ 18,3 сантиметра и для пластинокъ 18×24—съ фокуснымъ разстояніемъ 26,7 сантиметра; эти объективы пропускаютъ такъ мало свѣта, что они могутъ работать только при большихъ діафрагмахъ и, слѣдовательно, даютъ изображенія, не отличающіяся рѣзкостью рисунка.

За то эйрископы и антипланеты допускаютъ примѣненіе діафрагмъ $^1/_{12}$, $^1/_{14}$ и $^1/_{15}$ и даютъ при нихъ изображенія совершенно отчетливыя по всему полю зрѣнія и освѣщенныя съ достаточной силой.

Для съёмки всегда употребляются пластинки высокой чувствительности; это составляетъ безусловную необходимость. Въ настоящее время съёмка при вспышкѣ производится исключительно на пластинкахъ Люміера, которыя, какъ показалъ опытъ, являются здѣсь наиболѣе пригодными. Во время предварительныхъ опытовъ испробованы были пластинки высокой чувствительности и русскихъ, и другихъ заграничныхъ производителей;

русскія пластинки вполнѣ выдержали сравненіе съ иностранными въ отношеніи чувствительности, но очень уступали имъ по чистотѣ слоя и тщательности изготовленія, и оказались въ этомъ отношеніи тѣмъ менѣе удовлетворительными, чѣмъ больше былъ ихъ форматъ.

Проявитель съ самаго начала и до сихъ поръ всегда примѣнялся гидрохинонный съ содой; самый процессъ проявленія производился, какъ обыкновенно, съ примѣненіемъ пріемовъ, общепринятыхъ при вызываніи моментальныхъ снимковъ.

Самая съёмка сценическихъ постановокъ производится при вспышкѣ слѣдующимъ образомъ. Камеры устанавливаются и наводятся на фокусъ заблаговременно, еще до начала спектакля, чтобы не мѣшать его ходу. Въ это время сцена не освѣщена. Надлежащее мѣсто для установки камеръ опредѣлено было разъ на всегда, причемъ разстояніе его отъ сцены зависитъ, очевидно, при данныхъ объективахъ, отъ величины театральной сцены. Въ Большомъ театрѣ это разстояніе составляетъ 16 аршинъ отъ рампы, въ Маломъ—14 аршинъ. Чтобы навести объективы на фокусъ, на сценѣ помѣщаютъ три щитка съ электрическими лампочками; два изъ нихъ устанавливаются съ лѣвой и съ правой стороны сцены, чтобъ обозначить границы изображенія въ горизонтальномъ направленіи, а третій щитокъ помѣщается въ серединѣ сцены, и по этому щитку устанавливается фокусъ. Когда всѣ аппараты правильно установлены, приведены въ фокусъ и провѣрены,—въ объективы вставляются соотвѣтствующія діафрагмы. Въ это же время на полу, гдѣ стоятъ ножки штативовъ, дѣлаются мѣломъ отмѣтки, чтобы, въ случаѣ сотрясенія или толчка, каждый аппаратъ могъ быть легко поставленъ на прежнее мѣсто.

Затѣмъ, устанавливается станокъ съ рефлекторомъ для вспышки. Онъ ставится въ зрительномъ залѣ, позади камеръ, причемъ лучшее мѣсто, какъ показалъ опытъ, находится: въ Большомъ театрѣ—на разстояніи 12 аршинъ отъ фотографическихъ аппаратовъ, а въ Маломъ—на разстояніи 6 аршинъ. При этомъ обращается вниманіе и на правильное приспособленіе и размѣщеніе на сѣткѣ освѣтительнаго состава и стопина.

Вопросъ о томъ, гдѣ лучше всего помѣстить вспышку при фотографированіи сцены, потребовалъ большаго количества опытовъ и былъ рѣшенъ только постепенно. Первоначально вспышка производилась въ суфлерской будкѣ, но полученные снимки имѣли въ серединѣ весьма сильные

ореолы. Тогда вспышки были перенесены въ кулисы, по одной съ каждой стороны; это также оказалось непригоднымъ, потому что опять получались ореолы справа и слѣва снимка. Кромѣ того, употребленіе нѣсколькихъ вспышекъ оказалось неудобнымъ еще и потому, что воспламенить ихъ одновременно было весьма затруднительно, даже при помощи электрическихъ запаловъ; малѣйшая же разновременность вспышекъ, даже иногда неуловимая для глаза, даетъ неудовлетворительные результаты, вслѣдствіе невольнаго измѣненія позы или выраженія лица артиста въ промежутокъ времени между двумя вспышками. Затѣмъ, были испытаны вспышки, произведенныя надъ сценой, на мѣстѣ верхняго свѣта, въ софитахъ. При такомъ освѣщеніи ореоловъ не получалось, но отъ вліянія свѣта, падающаго сверху, являлись некрасивыя откидныя тѣни на лицахъ и проч., требующія исправленія при помощи ретуши. Независимо отъ этого обстоятельства, вспышка, произведенная въ софитахъ, представляетъ большую опасность для театра въ пожарномъ отношеніи, такъ какъ можетъ вызвать воспламененіе органической пыли, всегда въ изобиліи находящейся на сценѣ. Такимъ образомъ, пришлось пожертвовать выгодами расположенія вспышки вблизи сцены и помѣстить ее на гораздо большемъ разстояніи, въ зрительномъ залѣ, позади фотографическихъ аппаратовъ.

Когда аппараты и вспышка установлены на свои мѣста и приведены въ должный порядокъ, остается только произвести съёмку. Первоначально это дѣлалось во время хода спектакля, и желаемыя сцены намѣчались заблаговременно. Передъ наступленіемъ избраннаго момента, режиссеръ давалъ звонокъ, по которому фотографъ сначала открывалъ крышки кассетовъ, а потомъ крышки объективовъ; въ то же время управляющіе свѣтомъ давали полное освѣщеніе не только сцены, но и зрительнаго зала (это дѣлалось съ цѣлью усилить вентиляцію театра). Затѣмъ, режиссеръ давалъ второй звонокъ, послѣ котораго зажигался стопинъ и производилась вспышка.

Такой порядокъ практиковался въ Московскихъ театрахъ въ теченіе двухъ сезоновъ во время генеральныхъ репетицій всѣхъ новыхъ обстановочныхъ пьесъ. Имѣя то преимущество, что съёмка не задерживала хода репетиціи, пріемъ этотъ представлялъ, однако, и нѣкоторые существенные недостатки: звонки развлекали артистовъ и, слѣдовательно, мѣшали имъ репетировать; промежутокъ времени между двумя звонками часто проходилъ въ нервномъ ожиданіи вспышки, а это вредило репетиціи со сто-

роны артистическаго исполненія и, благодаря этому, нерѣдко получались неясныя или искаженныя изображенія лицъ исполнителей.

Въ настоящее время порядокъ съёмки измѣненъ: фотографированіе производится не во время дѣйствія, а въ началѣ или въ концѣ акта, въ зависимости отъ промежутка времени между двумя послѣдующими вспышками. Передъ моментомъ вспышки, какъ люстра, такъ и всѣ свѣтовые источники на сценѣ зажигаются полнымъ свѣтомъ, и режиссеръ не звонитъ, а просто сообщаетъ фотографу, что на сценѣ все готово для съёмки. Хотя и этотъ способъ представляетъ также нѣкоторыя неудобства, а именно—отчасти лишаетъ естественности позы исполнителей, но все же преимущества его даютъ ему пока перевѣсъ надъ практиковавшимся ранѣе пріемомъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣло моментальнаго фотографированія театральныхъ постановокъ на сценѣ является еще совсѣмъ молодымъ и, вѣроятно, ему придется пережить еще не одно усовершенствованіе. Будемъ же надѣяться, что, при тѣхъ успѣхахъ, которые съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ свѣтопись вообще, не замедлятъ выработаться и болѣе совершенные пріемы въ области примѣненія фотографіи въ театральномъ дѣлѣ.